
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1973

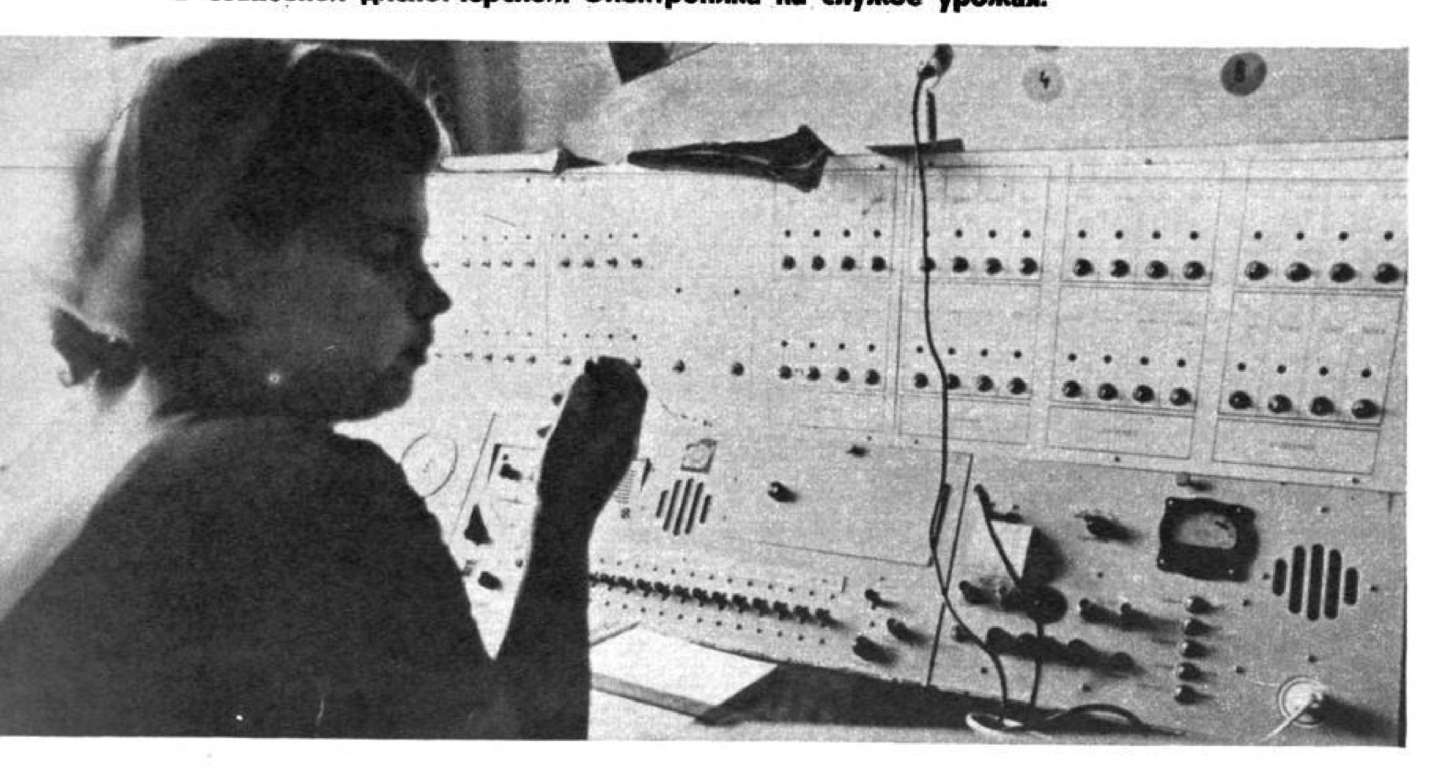

Комбайнеры 3-го отделения совхоза и среди них — Николай Павлович Сизов (первый справа).

Короткая передышка, а потом снова в наступление.

В совхозной диспетчерской. Электроника на службе урожая.

НОВАЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (2410)

8 СЕНТЯБРЯ 1973

АЛТАЙ

...Сизов проснулся раньше раннего, вышел на крылечко. Серенький рассвет отважно боролся с остатками ночи, пасмурное небо низко висело над полями.

«Как бы дождя снова не было,— опасливо подумал Сизов,— не идет ведь, когда просят, а начнется, когда косят...»

С этой мыслью Николай Павлович зашагал к своему верному «Сибиряку», стоявшему наготове в ряду других машин. Эту же мысль прочитал и на лицах остальных комбайнеров, хотя синоптики обещали на всю неделю солнце. Опыт подсказывал Сизову, что жатва и нынче будет нелегкой, что снова придется ловить каждый час погожего дня дневать и ночевать на полях. Хлеб-хлебушко алтайский, ох, и нелегко же ты достаешься! Но тот же опыт подсказывал ему и другое — урожай в совхозе выдался нынче, каких еще не бывало. В прошлом году у них на третьем отделении урожайность достигла свыше 26 центнеров с гектара, в этом будет еще выше. А разве не мечтал каждый из механизаторов о предстоящей жатве еще под свист метелей, разве не загадывал о будущем урожае еще в посевную? Думал, загадывал, мечтал, и поэтому уборка для каждого из них не только страда, но и большой праздник. А каким будет этот праздник, зависит от них самих. Ну и от погоды, конечно. Видели бы вы алтайскую степь в августе, когда через три дня на четвертый идут дожди, когда от дождей и ветров полегает налитой колос, когда, начиная утром косить, комбайнер не знает, сколько времени подряд позволит ему поработать погода... Да что говорить, всех этих «когда» просто и не счесть. Но в любых условиях урожай должен быть убран вовремя и без потерь. Это тоже знал каждый из комбайнеров.

Вовремя и без потерь... Для него, для Сизова, это не просто расхожая фраза, это сама суть уборочной, суть, которую предстоит впервые постигать его молодому напарнику Алексею Бурдину. Николай Павлович посмотрел в его сторону. Алексей что-то регулировал в своем комбайне и, наверное, еще не сознавал отчетливо, какой трудный, но и почетный жребий выпал ему в жизни. Если справится Бурдин с первой уборкой, то станет настоящим комбайнером. «А почему бы и нет?— подумал Сизов.— Парень вырос в деревне, возле этих вот полей, учился у старших товарищей честности, стойкости...»

— Сколько думаешь взять, Леша?— спросил Николай Павлович, подходя к Бурдину, хотя знал, что тот обязался намолотить пять тысяч центнеров. Не всем даже опытным комбайнерам дается такая высота. Сизов понимал, как парню будет трудно и как необходимы ему сейчас помощь, совет. Сам он в прошлом сезоне намолотил шесть тысяч центнеров, занял в совхозе второе место, был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а нынче решил превысить свое достижение еще на тысячу центнеров.

— Пять,— коротко ответил Бурдин, также прекрасно понимая, что не склонный к пышным речам и длинным фразам Сизов этим своим вопросом вроде бы дает ему напутствие.

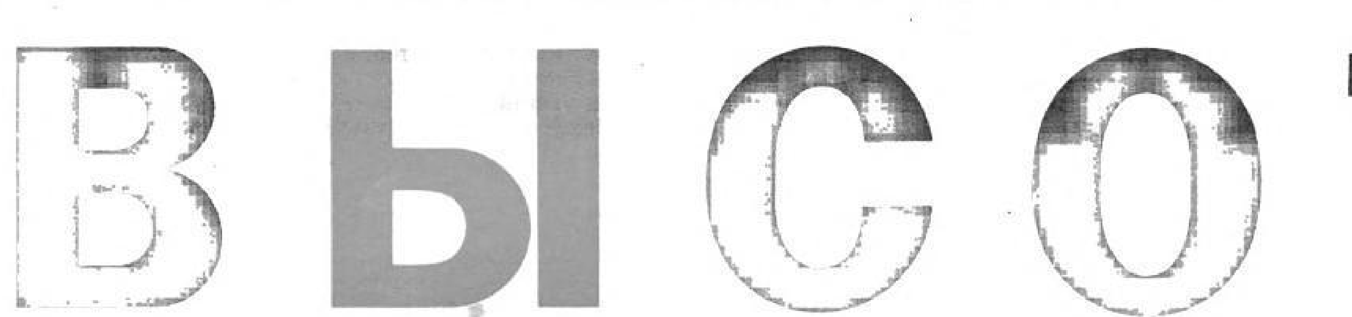
— Ну добро, не задерживайся тут, я поехал.— И пошел комбайнер заводить свой «Сибиряк».

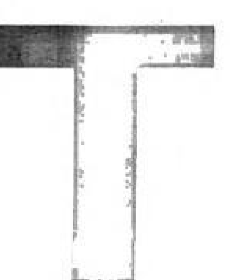
Я стоял на краю нивы, смотрел на комбайны и вспоминал прошлогоднюю жатву, словно это было вчера.

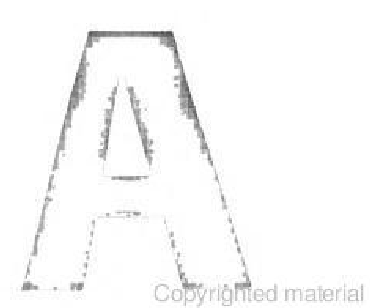
И вот уже снова страда, так похожая и так непохожая на прошлую. Похожая великолепной картиной мощно колосящихся полей. Непохожая прежде всего новой высотой взятых обязательств. Ордена Октябрьской Революции совхоз «Бийский» решил вместо 90 тысяч центнеров сдать государству 135 тысяч и завершить свою пятилетку в четыре года. Весь же Алтай за пятилетку засыплет в закрома страны 16 миллионов тонн хлеба, причем за первые два года уже сдано 54 процента плана. Может быть, при таких темпах вся алтайская нива выдаст пятилетний план тоже на год раньше? Третья, решающая жатва ответит на этот вопрос, ждать осталось недолго. Но разве неуклонно идущие на ровный строй колосьев «Сибиряки» — уже не ответ? Я предвижу, что сказал бы по этому поводу многоопытный комбайнер Николай Павлович Сизов: «Не тот хлеб, что на полях, а тот хлеб, что в закромах». Тут, конечно, все правильно, но я-то знаю: каждый из механизаторов совхоза сделает все для того, чтобы не пропал ни единый колос выращенного урожая. Иначе не взять той новой высоты, на которую нацелились.

Ю. ЛУШИН.
Фото автора.

Алтайский край, совхоз «Бийский». Хорошая уродилась пшеница!

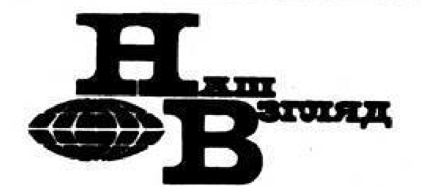

Открытие V конференции писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате.

Телефото И. Будневича и Ю. Куйдина (АПН).

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«НЕПРИСОЕДИНЕНИЕ— ИНСТРУМЕНТ МИРА»

Николай БОРИСОВ

Пятого сентября в Алжире начала свою работу IV конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Предыдущая конференция состоялась три года назад в Лусаке. За это время в мире произошли значительные события, к которым и должны сейчас определить свое отношение неприсоединившиеся страны.

Визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ФРГ, США и Францию создали на планете новый международный климат, способствующий утверждению принципов мирного сосуществования государств с разными социальными системами. Начался необратимый процесс разрядки напряженности. Потушен один из опаснейших военных очагов на Индокитайском полуострове, открылся зеленый свет системе коллективной безопасности в Европе, делаются первые шаги по созданию коллективной безопасности в Азии.

В канун алжирской конференции завершились весьма важные индийско-пакистанские переговоры, благоприятный исход которых стал возможен благодаря новому политическому климату в международных отношениях. Как известно, военный конфликт 1971 года на Индостанском субконтиненте оставил целый ряд нерешенных проблем, и в частности вопрос о репатриациях. Подписанное в Дели соглашение предусматривает репатриацию пакистанских военнопленных из Индии, бангладешских граждан из Пакистана и пакистанских граждан из Бангладеш. Делийское соглашение создает необходимые условия для развития добрососедства и сотрудничества между Индией, Пакистаном и Бангладеш, установления прочного мира на Индостанском субконтиненте.

Индийская печать единодушно отмечает, что делийское соглашение открывает путь к признанию Пакистаном Бангладеш и восстановлению индийско-пакистанских дипломатических и экономических отношений. «Крупнейший шаг, сделанный Индией и Пакистаном по пути нормализации отношений на субконтиненте Южной Азии» — так характеризует газета «Таймс оф Индиа» подписанное соглашение. Близкая к индийским правительственным кругам газета «Нэйшнл Геральд» оценивает соглашение как «конструктивное, закладывающее основы мира, добрососедства и сотрудничества между всеми странами южноазиатского субконтинента».

Можно с уверенностью сказать, что успешное окончание индийско-пакистанских переговоров окажет благотворное влияние на участников алжирской конференции, явится добрым предзнаменованием при обсуждении самых различных проблем, какими бы они сложными ни были.

Движение неприсоединившихся стран с момента своего зарождения всегда демонстрировало стремление к упрочению мира и носило антиимпериалистический характер. Оно неизменно осуждало военные блоки, такие, как НАТО, СЕАТО, СЕНТО, выступало против колониализма и расизма, «холодной войны» и неоколониализма. «Неприсоединение,— заявляет глава индийского правительства Индира Ганди,— инструмент мира и ослабления напряженности».

Вот почему Советский Союз и другие социалистические государства с неизменной симпатией относятся к политике неприсоединения и всячески укрепляют сотрудничество с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. Сейчас уже ясно, какую важную роль в общей борьбе против империализма и за

АЛМА-АТИНСКИЙ ФОРУМ

Четвертого сентября в Алма-Ате открылась V конференция писателей стран Азии и Африки. Перед зданием Союза писателей Казахстана развеваются флаги десятков государств. Лучшие представители литератур двух континентов начали большой разговор о роли писателей в борьбе против империализма, колониализма и агрессии, в борьбе за социальные преобразования. Участники форума обмениваются мнениями о том, каким должен быть образ литературного героя — борца за национальное освобождение, строителя разумного и справедливого общества.

V конференция писателей Азии и Африки привлекла к себе внимание ряда международных организаций, в том числе ЮНЕСКО, Организации африканского единства, Всемирного Совета Мира, Организации солидарности народов Азии и Африки. На конференции присутствуют наблюдатели из стран Европы, Северной и Южной Америки, Австралии.

Алма-Ата выглядит нарядно и торжественно.

В своей речи в Алма-Ате при вручении Казахской ССР ордена Дружбы народов Леонид Ильич Брежнев уделил большое внимание международным вопросам. Касаясь проблем современной Азии, он сказал: «Современная Азия — это Азия во многом обновленная, разорвавшая колониальные путы. Ее народы полны решимости отстаивать свою самостоятельность, идти путем национального и социального прогресса, путем коренных революционных преобразований».

И в тех выступлениях, которые сегодня произносятся на Алма-Атинском форуме, эти мысли находят свое яркое подтверждение. Алма-Атинская конференция выработает программу дальнейшей деятельности Ассоциации писателей стран Азии и Африки и внесет новый вклад в сближение народов.

Иракский поэт АБДЕЛЬ НАТИФ БАНДЕР в беседе сказал:

— Я полагаю, что Алма-Атинский форум писателей будет иметь большой международный резонанс. На этом форуме представители народов Азии и Африки смогут еще раз продемонстрировать свою силу и сплоченность, решимость добиться торжества идей свободы. Я уверен, что конференция укрепит основы Ассоциации писателей Азии и Африки, внесет новый вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами. Нас, участников конференции, объединяет любовь к слову, а настоящая литература не отделяет себя от жизни, от судеб народа.

Спец. корр. «Огонька» Ю. СВЕРДЛОВ

Алма-Ата (по телефону).

разрядку международной напряженности сыграли договора Советского Союза, заключенные с Индией, Египтом и Ираком.

«Мы хорошо знаем и всегда помним,— указывает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— что вместе с народами стран социализма народы азиатских, африканских, латиноамериканских государств составляют важную часть, так сказать, постоянной армии мира на арене международных отношений».

Однако было бы наивным предполагать, что у движения неприсоединения и у сотрудничества развивающихся стран с социалистическим содружеством нет противников — они не только существуют, но и весьма активно действуют. Это представители тех империалистических кругов, которые все еще ратуют за гонку вооружений и возрождение «холодной войны».

Объективно вкупе с этими силами выступают и маоисты, сеющие своими так называемыми теоретическими выкладками смуту среди некоторых участников движения неприсоединения. Маоисты, например, пытаются навязать им ложный тезис об отношениях между «богатыми и бедными» странами, о непримиримости их интересов и о том, что разрядка международной напряженности якобы не в интересах развивающихся стран. Нелепость этих маоистских «теорий» очевидна для большинства неприсоединившихся стран, которые определяют своих союзников по приверженности делу мира и принципам антиимпериалистической борьбы. Таким союзником движения неприсоединения, вне всякого сомнения, является социалистическое содружество, которое делает все возможное для защиты независимости развивающихся стран, в преодолении их экономической отсталости.

Сообщения, поступающие из Алжира, свидетельствуют о том, что среди участников конференции царит атмосфера подъема. Неприсоединившиеся страны полны решимости внести свой вклад в дело дальнейшей разрядки напряженности и сплочения в антиимпериалистической борьбе. Пожалуй, ничто так не символизирует обстановку на IV конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, как лозунг, которым встретил Алжир делегатов: «Неприсоединение — это борьба против империализма, колониализма и неоколониализма».

---

9 СЕНТЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК БОЛГАРСКОГО НАРОДА — 29-я ГОДОВЩИНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ.

ЭТИ ДВЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ БОЛГАРСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ — СТРАНИЦЫ ИЗ БОГАТОЙ СОБЫТИЯМИ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ.

ФЕСТИВАЛЬ НА СОЛНЕЧНОМ БЕРЕГУ

Куно ПЕТРОВ, редактор журнала «Жар»

Сентябрь в Болгарии — еще не осень. Дни стоят теплые, тихие. Склоны Витоши и других гор пламенеют багрянцем, а на обочинах дорог цветут розы и герань. Во многих местах их сажают с таким расчетом, чтобы бутоны распустились к 9 сентября — большому празднику, к которому готовится вся страна. Праздничное настроение здесь ощущается задолго до сентября. Может быть, это оттого, что лето в Болгарии — пора фестивалей песни, танца, музыки. Стало уже традицией проводить на болгарской земле международные смотры искусства. Один из них — фестиваль фольклора — недавно проходил в Бургасе. Сюда приехали профессиональные и самодеятельные коллективы Болгарии, Советского Союза, Польши, ГДР, Румынии, Югославии, Индии, Ирака.

...В эти дни Бургас стал яркой и живописной столицей песенного и хорового искусства многих народов мира. Праздник открылся разнообразной программой Болгарского государственного ансамбля песни и танца под руководством народного артиста Филиппа Кутева.

Фольклор советских народов был представлен ансамблем «Бахор». Все его номера шли на «бис». Таким же большим успехом пользовался Государственный ансамбль древней славянской культуры из Баутцена (ГДР).

Прибывший из Польши ансамбль песни и танца Щецинского воеводства познакомил зрителей с фольклором, проникнутым живым, типично народным юмором.

Выступил и один из самых популярных фольклорных коллективов — румынский «Семеникул». Темпераментная и в то же время задушевная программа румын была горячо принята публикой, так же как концерт ансамбля «Единство» — из югославского города Сплит.

А на будущий год Болгария снова встретит в Бургасе участников и гостей X фестиваля, который, надеемся, еще разнообразнее и шире представит искусство народов мира.

На снимке: болгарские артисты перед выступлением.

Фото Огняна Юсеселиева.

ПО ПРОЕКТАМ МОЛОДЫХ

Перволета ПРОКОПОВА

— Вы можете представить себе Европу без Ленинграда или Флоренции, Парижа или Вены? Разумеется, нет,— так начал беседу со мной Константин Мрянков, руководитель секции молодых зодчих при Союзе архитекторов Болгарии и Димитровском комсомоле.— Многие поколения строителей сделали эти города неповторимыми. Нашему поколению зодчих предстоит решать проблемы градостроительства будущего.

Говоря о современной болгарской архитектуре, нельзя не упомянуть о комплексе Албена, который построен недавно по проекту Николая Ненова.

Болгарским архитекторам Михаилу Соколовскому, Борису Камиларову и Цанко Хаджистойчеву присуждена международная премия имени Готфрида Гердера, учрежденная Венским университетом, за проект здания оперного театра в городе Стара-Загора.

«Артисты «Ковент Гардена» могут позавидовать своим коллегам из провинциального болгарского города Стара-Загора, которые имеют такое прекрасное здание театра»,— сказал английский режиссер Коллин Грейн.

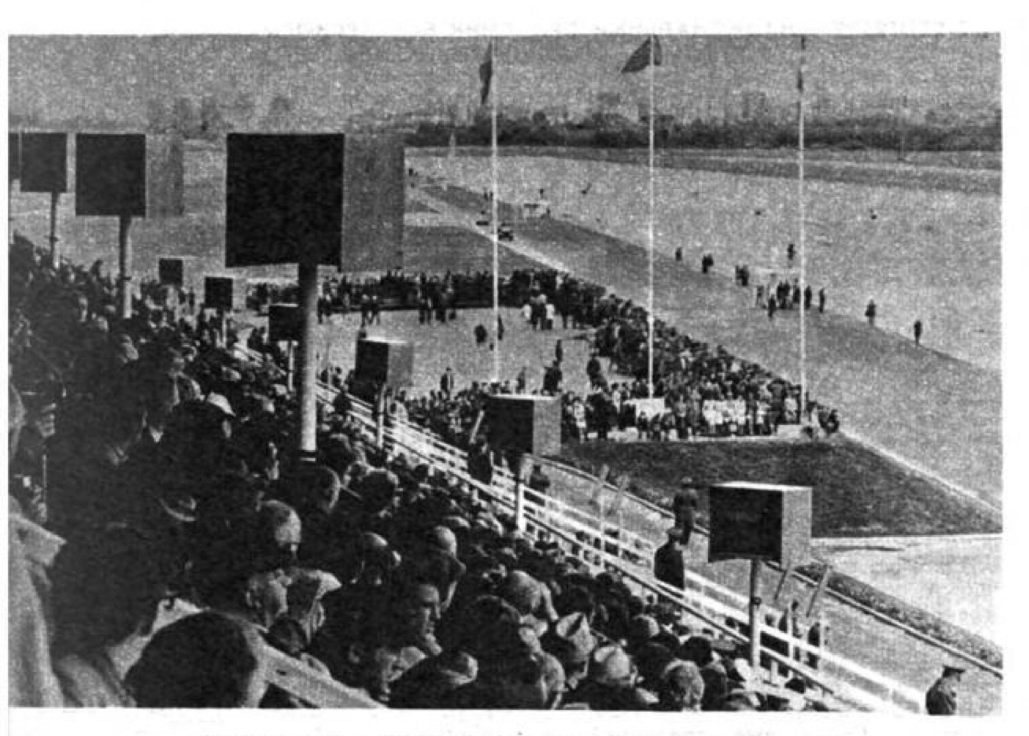
По проекту молодого Димитра Крыстева в городе Дряново построен Дом-музей Николы Фичева, напоминающий по стилю выдающиеся творения этого болгарского зодчего-самоучки. В городе Враца по проекту Татьяны Дюлгеровой строится Дом молодежи. В районе замечательного исторического и культурного памятника Болгарии — Рильского монастыря — новый отель. Авторы проекта — молодые зодчие Руси Табаков и Петр Григоров. Можно назвать еще целый ряд имен молодых талантливых болгарских зодчих, которые сегодня создают облик Болгарии завтрашнего дня.

Агентство «София-Пресс», специально для «Огонька»

На снимке: курортный комплекс «Албена» на берегу Черного моря.

Фото София-Пресс.

Московский гребной канал в дни чемпионата Европы.

СПОРТИВНОЕ НОВОСЕЛЬЕ

Еще не завершились Всемирные студенческие игры, как в Москве уже начались новые соревнования европейского масштаба — чемпионат по академической гребле. Это был двойной праздник, сильнейшие гребцы Европы (и других континентов, чемпионат Европы открытый) праздновали новоселье первоклассного гребного канала.

На его водах были разыграны титулы чемпионов Европы 1973 года.

Начали соревнования женщины. Советские спортсменки, верные своей давней традиции, завоевали командное первенство и получили почетный приз «Голландская ветряная мельница». Из пяти разыгранных золотых медалей советские спортсменки завоевали три — на одиночке Геновайте Рамошкене, на двойке парной — Ольга Клинышева и Елена Антонова и на восьмерке (загребная — Нина Быстрова).

Наши мужчины выступали менее удачно, они смогли подняться на высшую ступеньку пьедестала почета всего два раза (однако надо учесть, что на последнем европейском чемпионате в 1971 году советские гребцы не завоевали ни одной золотой медали).

Убедительной была победа экипажа четверки распашной с рулевым (Г. Московский, А. Плюшкин, А. Жаров, В. Васильев и А. Немтырев). Хорошо прошли дистанцию В. Ешинов и Н. Иванов (рулевой А. Лукьянов), выступавшие на двойке распашной.

Прекрасно выступили спортсмены Германской Демократической Республики. Они завоевали три золотые медали, в том числе и в гонке восьмерок.

Московский гребной канал обновлен. По оценке самых придирчивых знатоков это спортивное сооружение следует считать лучшим в мире.

В. ВИКТОРОВ

Чемпионы Европы советские гребцы В. Ешинов и Н. Иванов (рулевой А. Лукьянов).

Фото А. БОЧИНИНА.

9 СЕНТЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 25 ЛЕТ СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В СТРАНЕ РАЗБУЖЕННЫХ ГОР

Корею называют страной мужественных людей. И это верно. Столетиями ее сыны боролись с иноземцами и отстояли право самим распоряжаться богатствами родной земли.

Мечта осуществилась в нынешнем столетии, когда после разгрома советскими войсками главных сил японского милитаризма корейский народ добился победы в борьбе за национальное освобождение и стал на путь социалистического развития. Это был важный исторический рубеж.

Сегодня КНДР — государство, имеющее большие успехи в строительстве социалистической экономики и культуры. Это страна грамотных и образованных людей. Здесь более 140 вузов, свыше 500 технических школ. В различных областях народного хозяйства работают 600 тысяч инженеров. В этом году введено всеобщее десятилетнее обязательное обучение.

Краем разбуженных гор называют северные провинции республики. Земля здесь буквально «начинена» полезными ископаемыми. Когда-то эти глухие места были «белыми пятнами» на карте страны, а теперь их не узнать. Быстрые горные реки перекрыты плотинами электростанций, снабжающих электроэнергией новые поселки и предприятия.

Сейчас в республике осуществляется шестилетний план развития народного хозяйства. За шестилетку валовой объем промышленной продукции увеличится в 2,2 раза, значительно возрастет мощность всех отраслей, особенно машиностроения.

Успехи и достижения народной Кореи могли бы быть еще более значительными, если бы не последствия войны с американскими и южнокорейскими агрессорами. Годы после окончания войны в 1953 году стали годами напряженности и провокаций со стороны сеульского режима.

Лишь в прошлом году под давлением демократических сил в Южной Корее и требований мировой общественности Сеул дал согласие сесть за стол переговоров.

Борьба КНДР за самостоятельное мирное объединение страны пользуется широкой поддержкой прогрессивной общественности мира, социалистических стран, в том числе и Советского Союза.

Корейский народ дорожит дружбой с СССР, отношения с которым базируются на принципах социалистического интернационализма и подлинно братского сотрудничества.

Символы этого сотрудничества видишь повсюду в республике. Это — совместное строительство сталелитейных и прокатных цехов на крупнейшем металлургическом предприятии имени Ким Чака, нефтеперерабатывающий завод в Унги и крупнейшая в Азии Пукчанская ТЭС.

Чхончжинский металлургический завод. Здесь выплавляется металл, который идет во все концы страны. Во время войны завод был разрушен и восстановлен только в мирные дни. Вспоминая о тех днях, заместитель директора Кан Хон Чун рассказывает, как нужны были знания и опыт. Выручили советские друзья — на завод приехала группа специалистов из Советского Союза. Доменная печь, коксовая батарея и другие объекты были созданы совместными усилиями.

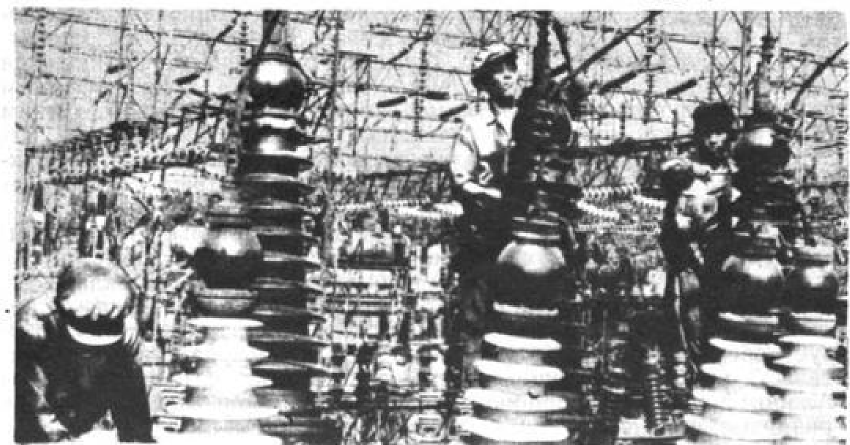
Завод растет. Вместе с корейскими специалистами здесь работают советские люди. После завершения строительства Чхончжинский завод еще больше упрочит металлургическую базу социалистической Кореи и станет новым свидетельством крепнущих связей республики с Советским Союзом.

Владимир НАДАШКЕВИЧ,
корреспондент ТАСС
для «Огонька»

Большое внимание в республике уделяется развитию энергетики. К 1976 году выработка электроэнергии в КНДР достигнет 30 миллиардов киловатт-часов.

Фото ЦТАК—ТАСС.

СЕКУНДЫ-ВРЕМЯ ГВАРДЕЙСКОЕ

Для танка — везде дорога...

Командир танковой роты гвардии лейтенант Олег Максимчик.

9 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

Командир роты гвардейской танковой Кантемировской дивизии гвардии лейтенант, коммунист Олег Максимчик понравился мне с первого взгляда. Не потому, что он молод и хорош внешне, хотя ни того, ни другого у него не отнимешь. Понравился он мне своей внутренней статью, манерой держаться, в которой на редкость гармонично сочетаются уверенность и скромность, юношеская застенчивость и влюбленность в свою нелегкую службу... Военная профессия перешла к лейтенанту по наследству: отец Олега, полковник Константин Николаевич Максимчик, прошел войну «насквозь» — с сорок первого по сорок пятый. Служит в армии и поныне. Только Константин Николаевич — общевойсковой офицер, привержен царице полей — пехоте. А Олег отдал сердце ударной силе сухопутных войск — танкам...

Мы застали гвардии лейтенанта Максимчика на танкодроме, где он отрабатывал учебные задачи по вождению танка.

Экипаж командирской машины выстроился перед приземистой стальной громадиной. Грянула команда «К бою!» Миг — и танкисты на броне. Прогрохотали сапоги, хлопнули люки, взревел мотор, выбросив струю черного дыма, и машина, разбрасывая жидкую грязь, помчалась вперед.

— Семь секунд,— удовлетворенно щелкнул секундомером подполковник Александр Трофимович Коломиец, который привез нас на танкодром.— За девять — оценка «отлично». А они — видите — за семь управляются.

Танк Максимчика между тем мчался по широкому, искромсанному гусеницами полю. Не снижая скорости, пролетел по узкому мостику, перевалил через высоту, маневрируя не хуже сламомиста, миновал узкие ворота — одни, другие, третьи...

Коломиец еще раз щелкнул секундомером и улыбнулся.

— Молодец, лучше нормы... Да, вот так: наше гвардейское время — секунды. Минуты, не говоря уж о часах, танкисту противопоказаны!..

У танкистов не только свой счет времени, но и свое отношение к жизни и к службе. И о том, что гвардии лейтенант Максимчик «отдал сердце танкам», сказано в данном случае отнюдь не для красного словца. По мнению гвардии лейтенанта, танки нужно любить. И любить по-настоящему, крепко и нежно. Без этого дельный танкист из тебя не получится.

— И в вашем экипаже такие влюбленные в танки люди?.. Как же вы их подбираете?

— Не так-то просто объяснить, хотя уверен: ошибки в этом не допустил,— отозвался Максимчик.— Возьмите механика-водителя гвардии младшего сержанта Алексея Дурманова. Он прибыл к нам недавно из учебного подразделения. Я как раз только что принял роту. Механик-водитель, который водил командирский танк, уволился в запас. Требовалось подобрать нового. Не скрою, среди вновь прибывших из учебного подразделения были водители получше и поопытней Дурманова. Я и сам видел, что он делает немало промахов. Но видел и другое — у парня крепкая рабочая хватка, он собранный, старательный, сообразительный. Решил попробовать... И Дурманов не подвел. Сейчас у него уже второй класс. На показательных занятиях продемонстрировал высокое мастерство в подводном вождении танка, и командование поощрило его десятидневным отпуском...

— Ну, а младший сержант Ярцев? Почему именно его вы назначили командиром экипажа танка?

— Ярцев, можно сказать, душа роты... Недавно избрали его комсоргом. Среди таких людей, как у нас, нелегко заслужить любовь и уважение... Народ, конечно, у нас разный. Но все образованные, начитанные, умелые...

В. ПАВЛОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

УКРОЩЕНИЕ ЕВФРАТА

Николай ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Дамаск — один из древнейших городов мира. Рядом со сказочными мечетями, живыми свидетелями самой истории, высятся ультрасовременные здания. В пестрой толпе прохожих можно увидеть и самую последнюю моду, заимствованную с картинок парижских журналов, и одеяния времен Омейядского халифата.

Сирийцы гордятся своими памятниками прошлого величия — знаменитым амфитеатром Пальмиры и храмом, своды которого украшены изображениями планет и знаками Зодиака. Они увлеченно и страстно рассказывают о своем настоящем, о решимости превратить пустыни в оазисы, сократить разрыв между бедностью и богатством, отсталостью и процветанием.

Одна из величайших битв за новое будущее Сирии происходит в долине реки Евфрат. В районе Табка река образует самый большой бассейн, где и было решено начать строительство мощного гидрокомплекса Сирийской Арабской Республики.

Два с половиной тысячелетия назад территория по обе стороны Евфрата была составной частью процветающих Ассирии и Ново-Вавилонского царства. Здесь росли леса, существовала эффективная система каналов и водяных колес. Войны разрушили систему обводнения, леса были вырублены. Глубоко в землю ушли грунтовые воды, песками покрылись плодородные почвы. Землепашцы покинули долину Евфрата, которая когда-то была житницей всего Ближнего Востока. С тех пор жители Сирии мечтали о воде: только она могла воскресить пустыни.

Трудно себе даже представить, какую роль вода играла и продолжает играть в жизни народов Востока! Из-за нее происходили войны, восстания рабов и феллахов, плелись житейские и дипломатические интриги.

В поездке из Дамаска в долину Евфрата я видел, как жизнь бурлила в оазисах, еле теплилась вдали от них и совсем прекращалась в знойной пустыне, где до самого горизонта виден только песок, песок и песок...

Мы ехали по автостраде, подобно струне, прорезавшей пустыню. Палящее солнце висело прямо над головой. Вокруг бескрайние желтые просторы. Медленно тянулось время. И вот неожиданно въезжаем в небольшую деревушку. Около лачуг, вылепленных из глины, стоят металлические вышки, увенчанные ветряными колесами.

— Что это? — спрашиваю у пожилого феллаха, жителя деревни.

— Вода здесь находится очень глубоко под землей,— отвечает он,— и ее можно только выкачивать оттуда. Человеческим рукам это не под силу. Вот и взяли мы себе в помощники ветер.

— Ну, а если стоит тихая погода?

— Этого в пустыне не случается. Беда в другом. Исчезают грунтовые воды. На эти случаи мы делаем запасы. Воду в глиняных кувшинах храним под землей. В наших местах вода дороже хлеба, риса и мяса...

Вдоль автострады мелькают такие же селения с водонасосными вышками. Но вот появляются сероватые оливковые рощи, изумрудная зелень фисташковых деревьев, фруктовые сады, виноградники, тенистые заросли тополей и акаций. Город Хама — центр цветущего, густонаселенного оазиса. Здесь в парках бьют фонтаны, а по улицам разъезжают поливочные машины, щедро разбрызгивающие воду на мостовые.

В районе Хамы протекает река, колодцы здесь неглубокие и всегда полны. Поэтому вода тут не в цене, но очень дорого стоит каждый квадратный метр земли.

По дороге из Хамы снова опаленные пески, еще один оазис — древний, знаменитый Алеппо, вечно соперничающий своим значением и памятниками древности с Дамаском. А за Алеппо снова пустыня, протянувшаяся до правого берега Евфрата. Над ней вьются песчаные облака, растворяющиеся в будто расплавленном горизонте.

И вот наконец берег Евфрата! Здесь, где еще совсем недавно находился неведомый миру глинобитный поселок Ас-Саура, сейчас вырос современный город Ас-Саура («Город Революции»), укротивший могучий Евфрат и возвращающий феллаху оживающие земли Сирии.

Южная ночь опустилась над Евфратом, когда мы достигли Ас-Саура. На транспаранте при въезде в город крупной арабской вязью написано: «Евфратская плотина — школа. Закончив ее, мы выйдем из царства тьмы». Смысл и глубина этих слов стали мне понятны только спустя некоторое время, когда я окунулся в гущу евфратского строительства.

Несмотря на позднее время, в Ас-Сауре горела иллюминация, а на главном проспекте проходило народное гулянье с песнями и музыкой.

— Что происходит в городе? — спрашиваю одного из советских специалистов.

— Праздник,— отвечает он.

— Но ведь он же должен быть завтра?

— Это по протоколу, а у нас он начался недавно, в двенадцать часов ночи. Посмотрите,— заметив на моем лице недоумение, пояснил он,— на этот щит. Под надписью «До перекрытия осталось...» каждое утро ставится цифра, показывающая, сколько дней еще до перекрытия Евфрата. Решили ноль вывесить не завтра утром, а сегодня в двенадцать часов ночи. Поэтому и начался наш праздник задолго до официального.

Вместе с новыми знакомыми иду по проспекту. Во всех окнах новых, многоэтажных домов горит свет, настежь открыты балконы. В Ас-Сауре живут и трудятся более тысячи советских специалистов. Это они вместе с одиннадцатью тысячами сирийских рабочих построили на Евфрате мощную плотину и гидроэлектростанцию.

Какое же значение имеет для Сирии евфратское строительство? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует вспомнить недавние события в этой стране. Восьмого марта 1963 года в Сирии произошла революция, и ставшая у власти партия Арабского социалистического возрождения (ПАСВ) провозгласила широкую программу преобразований во всех сферах жизни. Эта программа исходит из учета того, что страна обладает достаточными ресурсами, обширной территорией и сравнительно небольшим населением. Однако естественные богатства надлежащим образом не разрабатывались, территория страны не осваивалась экономически. Благодаря первым двум пятилетним планам в Сирии построены: новый морской порт Тартус, с помощью СССР—железная дорога Латакия — Алеппо — Камышлы, линия электропередач Дамаск — Хомс — Алеппо, нефтепровод из Карачука в Тартус, новый нефтеперерабатывающий завод в Хомсе. В этом же городе при содействии Польши оборудован завод по производству сортовой стали и при содействии Франции в Алеппо заканчивается строительство тракторного завода. Все эти объекты, а также те, которые Сирия собирается в ближайшее время построить, нуждаются в большом количестве электроэнергии. Вот ее и даст им Евфратская ГЭС. Она будет иметь восемь турбин мощностью в 100 тысяч киловатт каждая.

Сельское хозяйство продолжает играть доминирующую роль в экономике Сирии, поскольку оно служит источником 40 процентов национального дохода и в нем занято 60 процентов населения. Успехи же сельского хозяйства целиком зависят от водоснабжения и орошения засушливых земель. Евфратская плотина создает водохранилище площадью в 630 квадратных километров, которое позволит оросить более 640 тысяч гектаров земли, в том числе 110 тысяч естественным путем — благодаря изменению уровня воды, а остальные каналами общей протяженностью 1 540 километров. Создание евфратского гидрокомплекса позволит удвоить площадь орошаемых земель Сирии! На этих землях будет выращиваться пшеница и хлопок, овощи и фрукты, развиваться скотоводство. Кроме того, введение в строй новых орошаемых земель позволит перевести кочевников на оседлый образ жизни и принять часть феллахов тех районов, где ощущается острая нехватка воды.

— Я твердо убежден,— сказал мне генеральный директор «Евфратпроекта» Субхи Кахали,— что если бы не сирийско-советское сотрудничество, мы не могли бы добиться таких блестящих результатов.

В истинно народный праздник вылилось недавнее пребывание в Сирии советской партийно-правительственной делегации, возглавляемой членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС товарищем А. П. Кириленко. Делегация присутствовала на торжествах по случаю перекрытия Евфрата, посетила ряд государственных промышленных предприятий и кооперативов Сирии. Выступая по дамасскому телевидению в канун отлета из Сирийской Арабской Республики, Андрей Павлович Кириленко дал высокую оценку развитию дружественных отношений между нашими странами, отношений, которые представляют важное звено боевого союза сил мирового социализма и национально-освободительного движения, выразил солидарность с мужественной борьбой сирийского народа, направленной на ликвидацию последствий израильской агрессии. В заключение он сказал:

— Желаю сирийскому народу новых побед в строительстве его молодого, полного жизненных сил государства, в успешном решении всех задач, стоящих перед Сирией.

...В дни евфратских торжеств в Сирии побывали не только журналисты из арабских и социалистических стран. Здесь было много и представителей крупных американских и западноевропейских газет. Вернувшись с берегов Евфрата, корреспондент американской газеты «Крисчен сайенс монитор» написал: «Сирийская часть долины Евфрата снова превращается из пустыни в сад, каким она некогда была. Новая плотина, сооружаемая при участии советских инженеров и сирийских рабочих, полностью изменит облик северной Сирии». Корреспондент же французской «Монд дипломатик», в свою очередь, замечает: «Сирийцы по праву гордятся этой плотиной. Вступление в строй гидроэнергетического узла на Евфрате явится важнейшим вкладом в индустриализацию Сирии, в развитие ее экономики в целом». «Но чтобы построить эту гигантскую плотину,— пишет Роже Клэн в журнале «Ви увриер»,— несомненно, нужно было иметь специалистов. Значительно больше, чем могла дать слаборазвитая в промышленном отношении страна. И вот из крестьян и неквалифицированных рабочих были созданы отряды сварщиков, крановщиков, экскаваторщиков и водителей машин. С помощью советских специалистов и их опыта были заложены первые основы высотной плотины».

Весьма любопытную статью с берегов Евфрата прислал в журнал «Штерн» западногерманский журналист Рандольф Брауманн. Но, прежде чем его процитировать, хотелось бы вкратце поведать читателю суть дела. Еще в 1961 году Бонн подписал соглашение о строительстве Евфратской плотины. Несмотря на это, правительство канцлера Аденауэра — ярого атлантиста и поборника «холодной войны»,— обеспокоенное социальными переменами в Сирии после революции 1963 года, и в частности национализацией частнокапиталистических предприятий, попыталось оказать на Сирию нажим. И вот что затем произошло. «Это,— пишет Рандольф Брауманн,— был конец «песни дьявола» (так арабы назвали бесплодный диалог между Бонном и Дамаском). Премьер-министр Сирии поехал в Москву, и в апреле 1966 года Советы вступили в договор. Вывески немецких строительных фирм, уже установленные у Евфрата, были заменены плакатами советского «Техноэкспорта». Убыток, причиненный проводившейся Аденауэром и Эрхардом политикой сдерживания, превышает 20 миллионов марок, которые Бонн уже выдал на работы по предварительному планированию... Как сказал министр Евфратской плотины: «Мы никогда не забудем, что именно русские выполнили нашу заветную мечту!..»

...В ту памятную ночь накануне перекрытия Евфрата в Ас-Сауре проходило не только гулянье. До самого утра горел свет в окнах управления строительством. Там еще и еще раз сверялись расчеты, проверялась готовность всех узлов для перекрытия и утверждались кандидатуры тех передовиков стройки, которым доверялась честь по команде президента Сирии Хафеза Асада и члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС товарища А. П. Кириленко начать загрузку прорана каменными кубами и пирамидами.

И как только в долине Евфрата 5 июля этого года забрезжил рассвет, все советские специалисты и сотни арабских рабочих и техников собрались вокруг прорана.

Знакомлюсь с начальником управления ГЭС Николаем Федоровичем Череповым. Он покинул родную Тулу ровно три года назад. У берегов Евфрата встретил людей, горевших энтузиазмом, но у которых не было ни опыта, ни знаний в строительстве современного гидрокомплекса.

— Сначала,— рассказывает Николай Федорович,— даже растерялись, но постепенно начали преодолевать трудности и главную — отсутствие национальных кадров. В Алеппо открыли курсы. Начали учить феллахов рабочему мастерству, умению управлять современной техникой. Но на первых порах работа все же продвигалась туго. Учили на курсах, учили на месте и все же подготовили кадры.

— А когда здесь началось строительство?

— Соглашение между Сирией и СССР о строительстве плотины было достигнуто в 1966 году. Но помешала израильская агрессия. Оно было начато в 1968 году и будет полностью завершено в 1975 году, на год раньше срока.

В разговор вступает главный специалист по намыву плотины Евгений Александрович Левиновский. Он приехал на Евфрат четыре года назад из Ленинграда.

— Пришлось,— рассказывает он,— начинать с нуля. В Сирии вообще не было ни одного человека, который имел бы хоть малейшее представление о гидромеханизации. Наш упорный труд не пропал даром: сегодня Ас-Саура располагает тысячью квалифицированных рабочих-гидромеханизаторов.

— Скажите, Евгений Александрович, а как вам этого удалось достигнуть?

— Надо отдать должное сирийцам — они старались, очень старались. А когда вышли уже на стройку, мы разбили их на бригады и организовали соревнование. Даже не думали, что оно так всех захватит. Мы добились того, что сирийская администрация согласилась выплачивать премиальные за перевыполнение плана. Соревнование и экономические стимулы сейчас у нас очень внедрились. По утрам, обходя объекты, генеральный директор строительства Субхи Кахали подходит к передовикам и так их приветствует: «Поздравляю ударников образцового труда!»

— А есть ли какие-нибудь технические особенности у Евфратской плотины?

— Намывных плотин такого масштаба нет нигде в мире.

У самого прорана стоит группа по-праздничному одетых сирийских девушек. Спрашиваю у Евгения Александровича, кто они. Он говорит, что девушки учились в высших учебных заведениях Дамаска и Алеппо. Практических навыков вообще не имели. Здесь они прошли школу технических знаний и русского языка.

— Побеседуйте с ними,— посоветовал мне Евгений Александрович.

Свои имена в русской транскрипции они сами написали в моем блокноте. Лама Биссо и Мария Изакур — техники бетонной лаборатории, Малда Алжаби — техник химической лаборатории, Шукран Табах работает в отделе технической документации заводоуправления. Прошу их рассказать о жизни на Евфрате.

— О,— восклицает Малда Алжаби,— мы здесь живем и работаем очень дружно!

— Советские специалисты,— добавляет Шукран Табах,— нам очень помогают. Без них мы бы ничего не сделали и ничему бы не научились.

— Мы часто ходим в советский клуб,— говорит Лама Биссо,— он стал нашим родным домом. Смотрим советские кинофильмы и концерты, самодеятельность советских специалистов. Советские люди удивительно талантливы.

— Ваша страна,— восклицает Мария Изакур,— наш настоящий друг! Когда-то я мечтала побывать в Париже и Вене. А сейчас хочу только в Москву.

К нам подошел молодой сирийский рабочий Сулейман Рахман. На стройке он приобрел специальность гидромеханизатора, не раз был победителем в соревновании образцового труда.

— Я родился,— рассказал он,— в семье бедного феллаха. Ни я, ни мои братья и сестры не знали, что такое школа. Как-то я приехал в Алеппо. Слышу на базаре разговор о курсах, где готовят строителей Евфратской плотины. Разыскал их и записался. На стройке прошел все этапы от простого рабочего до мастера. Научился немного писать и читать и даже, как видите, овладел русской речью. Евфрат открыл мне новую жизнь, о которой феллахи и мечтать не могли.

И тут я вспомнил транспарант у въезда в город Ас-Саура: «Евфратская плотина — школа. Закончив ее, мы выйдем из царства тьмы».

Дамаск — Москва.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ЧИЛИ

Владимир **ЧЕРНЫШЕВ**

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА» С МЕСТА СОБЫТИЯ.

...Два часа ночи. В это время улица Ранкадуа всегда пустынна. Не видно прохожих, лишь изредка проедет автомобиль, и снова тишина.

Видимо, не случайно фашисты избрали именно это время для своей очередной террористической акции. Расчет был прост: ну кто может помешать им в такой поздний час! К тому же в окнах домов, окружавших теплоцентраль, свет уже погас, и люди спокойно спали, а значит, взрыв застанет их в постели. Как раз то, что нужно: больше жертв, больше паники.

Машина на полном ходу вылетела из-за поворота. Когда она поравнялась с теплоцентралью, из ее окна фашисты бросили бомбу. Она взорвалась под стоявшим неподалеку автомобилем марки «пежо», превратив его в груду металлолома.

Но не на то рассчитывали террористы. Бомба взорвалась в десяти метрах от одной из двенадцати цистерн, в которых хранится 800 тонн нефти. В них-то и целились фашисты. Удайся их план — и теплоцентраль, одна из крупнейших в Латинской Америке, взлетела бы в воздух. Большие разрушения получили бы дома, кто знает, сколько жизней унесла бы эта бомба, брошенная хладнокровной и жестокой рукой! Рабочий отряд охраны, дежуривший на территории, быстро погасил огонь, не дав ему перебраться на цистерны. Это был один из тех отрядов, который трудящиеся по призыву Единого профцентра Чили создали на заводах, фабриках, складах, сельскохозяйственных кооперативах, в важнейших учреждениях. В свободное от работы время отряды добровольцев несут охрану своих предприятий и хозяйств, готовые дать отпор возможному нападению фашистских банд. Ни на минуту, ни днем, ни ночью не остаются предприятия без охраны.

Рабочий текстильной фабрики «Кауполикан» Педро Альенде чуть ли не месяц не был дома. Живет он в пригороде, в двадцати с лишним километрах от фабрики. С началом забастовки владельцев грузовых машин и пассажирского транспорта ему не на чем добираться до дома. Отработает Педро свою смену, закусит, соснет несколько часов тут же, в цехе, и заступает на дежурство в отряд охраны.

— Мы приняли экстренные меры, чтобы из-за отсутствия транспорта и подвоза сырья фабрика не остановилась,— рассказывает Педро Альенде.— Мобилизовали весь фабричный транспорт, перевели его на трехсменную работу. Здорово нам помогли водители из МОПАРЕ — (патриотическая организация автотранспортников, члены которой отвергли забастовку.— **В. Ч.**). Я думаю, что проблемы, с которыми мы сейчас сталкиваемся, можно решить лишь в том случае, если все рабочие, независимо от их политических взглядов, будут действовать сообща против тех, кто не дает нам спокойно жить и работать. Ведь если вдуматься: кто страдает от всех этих антиправительственных забастовок? Мы же и страдаем, рабочие...

Луис Кастильо работает в механической мастерской фабрики «Кауполикан» восемнадцать лет. Он сторонник оппозиционной христианско-демократической партии, хотя и не является ее членом. Но и он состоит в отряде охраны.

— Главное для нас сейчас — защитить нашу фабрику,— говорит Луис Кастильо.— Ведь мы же добивались, чтобы она перешла в общественный сектор экономики. Все рабочие были тогда согласны, независимо от их партийной принадлежности, что они должны совместно защищать фабрику от фашистов. Если мы, рабочие, будем разделены, ничего не добьемся.

Главари конфедерации автотранспорта и те, кто стоит за их спиной, надеялись, что забастовка парализует жизнь в стране, создаст условия для осуществления планов реакции, нацеленных на свержение правительства Народного единства. Не случайно правая пресса настойчиво стремилась создать впечатление, будто ситуация в стране осложнилась настолько, что вооруженным силам пора вмешаться и навести «порядок».

Почему именно транспортники были брошены на передовую в антиправительственном фронте реакции?

Автотранспорт играет в Чили важнейшую роль в перевозке грузов. Остановить его — значит оборвать нити, связывающие центры сырья с предприятиями, сельскохозяйственные кооперативы — с городами, нефтеперерабатывающие заводы — с бензозаправочными станциями, сахарные заводы — со свекольными плантациями, рыбные порты — с холодильниками, склады удобрения — с крестьянскими хозяйствами и т. д. Словом, остановить транспорт — значит оборвать кровеносные сосуды страны, остановить жизнь, ну, а в этих условиях остается только «действовать».

С самого начала нынешней забастовки владельцы автотранспортных предприятий заявляли, что она носит «чисто профессиональный характер». Однако факты свидетельствуют о том, что это — явное политическое антиправительственное выступление. Забастовщики создали несколько «лагерей» по всей стране, куда согнали более двадцати тысяч грузовиков. Они установили вооруженную охрану и создали ударные отряды, которые вместе с бандами фашистской организации «патриа и либертад» и командами «Роландо Матус», реакционной национальной партии устроили настоящую охоту за теми водителями грузовиков и автобусов, которые отказались участвовать в политической забастовке и продолжали работу. Бандиты обстреливали и забрасывали камнями грузовики на дорогах. Останавливали машины, вытаскивали водителей, избивали, а машины сжигали. Не дрогнула их рука бросить зажигательную бомбу в несколько автобусов с пассажирами, в результате этого разгула несколько шоферов-патриотов были убиты и ранены.

Но, несмотря на это, члены патриотической организации транспортников — МОПАРЕ, созданной еще в ходе октябрьской забастовки, самоотверженно продолжали работу. По десяти, двенадцати часов не выходили они из машин, понимая, что от них зависело снабжение населения продовольствием и предприятий сырьем. Тысячи бригад добровольцев — молодых рабочих, студентов — трудились на разгрузке товаров, чтобы не допустить простоя транспорта, дорог был каждый час. Благодаря труду водителей-патриотов, добровольцев, энергичным мерам, принятым правительством, забастовщикам не удалось парализовать страну, однако ситуация создалась сложная.

В результате террора, развязанного фашистами с началом забастовки, погибли несколько человек. Десятки ранены. Бандиты провели более 500 террористических актов. Менее чем за три недели они совершили 71 нападение на грузовики, 80 — на автобусы, 31 — на предприятия, произвели 40 диверсий на железных дорогах, взорвали десять мостов, 6 нефтепроводов, причем при взрыве нефтепровода около города Курико погибло два человека и 12 было ранено, в том числе дети.

Организаторы забастовки всячески старались откреститься от этих террористических актов. Мол, они ничего общего не имеют ни со взрывами, ни с выстрелами, мол, забастовка вызвана профсоюзными требованиями. Однако арестованный на днях главарь находящейся в подполье фашистской организации «патриа и либертад» Роберто Тим на первом же допросе признался, что забастовка планировалась заранее, как часть плана, направленного на свержение правительства Сальвадора Альенде.

Накануне забастовки Тим не раз встречался с руководителем забастовщиков Леоном Вильярином для обсуждения тактики совместных действий, планов террористических актов и саботажа.

Обращает на себя внимание тот факт, что действия реакционных сил были четко скоординированы. Когда переговоры властей с транспортниками о прекращении забастовки обещали завершиться подписанием соглашения, на арену борьбы были брошены коммерсанты, которые объявили забастовку «солидарности» на 48 часов. Реакция делала ставку на обострение. Так и случилось. Вдохновители новой забастовки вывели на улицы отряды бандитов, которые с учетом опыта октябрьской забастовки начали третировать тех коммерсантов, которые отказались закрыть свои магазины.

В Сантьяго и ряде других городов произошли вооруженные столкновения. Полиция была вынуждена применить гранаты со слезоточивым газом. Бастовали также медики, часть инженерно-технического персонала. Однако попытки реакции организовать всеобщую забастовку в стране провалились. Рабочий класс ответил на происки правых решительным «нет». Ни одно предприятие не прекратило работу.

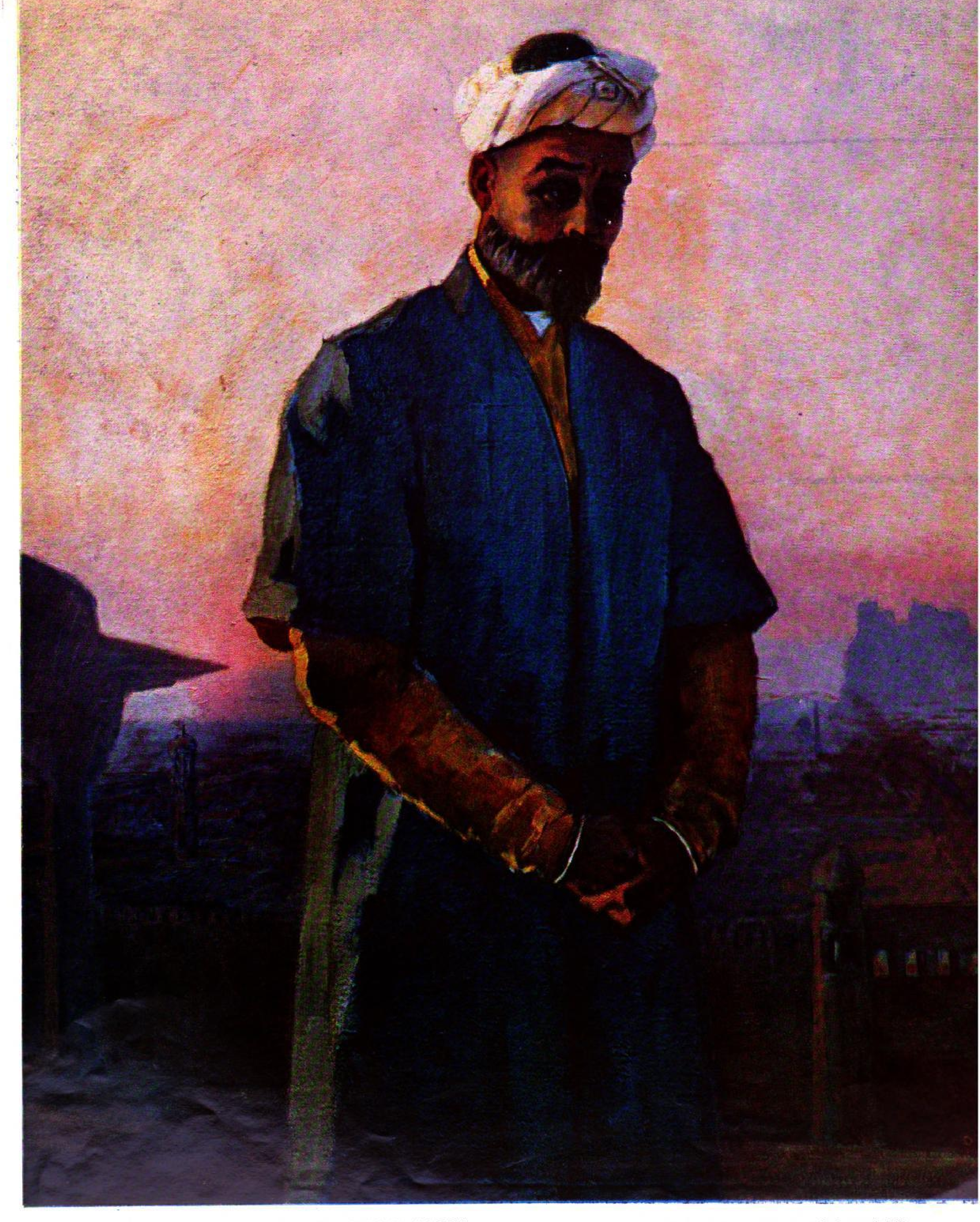
Ранее национальная партия планировала внести в конгресс проект об объявлении правительства Сальвадора Альенде «вне закона». Однако христианские демократы не решились поддержать эту идею. И тогда на свет родился новый проект, который «удовлетворил» всю оппозицию в целом. Левые силы расценили этот шаг как «легальный предлог» для государственного переворота.

Так в едином антиправительственном фронте объединились бастующие транспортники и откровенные фашисты, парламентарии, старающиеся представить себя в качестве борцов за демократию, и реакционная пресса, которая в последние дни подняла буквально дикий вой, хотя и раньше ни на один день не прекращала злобной клеветнической кампании против правительства.

На улице Аумада, одной из центральных улиц чилийской столицы, я обратил внимание на листовки, усыпавшие тротуар и проезжую часть. Поднял одну из них. Текст был кратким и ясным: «Альенде, или уходи в отставку, или кончай жизнь самоубийством». И подпись: «патриа и либертад». Вот с кем объединились хозяева автотранспортных предприятий, затеявшие политическую забастовку под видом «профессионального конфликта».

Однако у рабочего класса Чили на этот счет есть свое твердое мнение. Трудящиеся выразили его в ряде демонстраций, состоявшихся у президентского дворца в последние дни. Они прошли под лозунгами: «Защитим наше правительство!», «Фашизм не пройдет!», «Преградим путь заговору!», «Нет» гражданской войне!». Это и есть подлинное мнение большинства чилийцев.

Сантьяго, по телефону.

Абдулхак Абдуллаев. (Ташкент). ПОРТРЕТ АЛИШЕРА НАВОИ. Республиканский музей истории Узбекской ССР.

Абдулхак Абдуллаев. (Ташкент). ПОРТРЕТ МАТЕРИ

РОМАН О СИБИРИ

Юрий НОВИКОВ

«Зимние дороги в Нарыме в пять, в десять раз короче летних. К рождеству промерзают на перекатах чуть ли не до самого дна большие и малые реки, непроходимые, зыбкие болота покрываются саженным панцирем мерзлоты, озера и курьи лежат неподвижные, прикрытые гладким, отполированным ветрами стеклом в два аршина толщины. Мчись куда хочешь, лети куда тебя душа зовет!»

Так начинается вторая книга романа «Сибирь» Георгия Маркова.

Критики, писавшие о первой книге романа, неизменно подчеркивали неторопливость, обстоятельность описания событий и характеров, присущие манере автора. Некоторые предполагали, что содержанием второй книги будет «свершившееся обновление жизни» сибирского края — Октябрь, гражданская война, победа повсеместно власти Советов, закладывание новых основ бытия, первые шаги индустриальной и аграрной советской Сибири... Но эти критики сами себе противоречили, не учитывая тех же особенностей авторской манеры. Теперь, когда вышла вторая книга романа, можно сказать почти безошибочно: писатель пришел к выводу, что первая книга слишком мала как экспозиция, как прелюдия к изображению исторического преобразования такого гигантского края, каким является Сибирь. Потребовалась еще одна книга, да и то только на последней ее странице появились строки: «Самодержавие в России низложено. Началась новая русская революция».

В конце первой книги большевичка Катя Ксенофонтова пишет брату, что «народ в Сибири жаждет революции, ждет ее и, несомненно, поддержит нас». Но события второй книги развертываются в период перед 1917 годом, изображая назревание революционной ситуации. Пробуждение масс хоть и намечено в романе пунктиром, а влияние даже ссыльных революционеров на население не столь уж велико, как, казалось, можно ожидать, все же общее движение налицо. И в этой сдержанности — от правды истории. Нет нужды сравнивать революционные барометры, например, Питера или Москвы и таежных мест Сибири тех лет, но нельзя и не видеть вклада сибирских большевиков в подготовку революции.

В новой, второй книге романа продолжается и благополучно завершается побег Ивана Акимова из ссылки. Это дает автору возможность знакомить читателей все с новыми и новыми действующими лицами, с новыми общественными кругами и классовыми прослойками. Иван Акимов по заданию партийного центра направляется в Стокгольм, к профессору Лихачеву, чтобы спасти ученого от иностранных дельцов и русских реакционеров, скрытых и явных врагов грядущих социальных преобразований в России. Нужно спасти самого профессора и сохранить в неприкосновенности важные сведения о геологии сибирского края, которые могут очень пригодиться Советскому государству. В движение по оказанию помощи Акимову, то есть в той или иной степени в борьбу с самодержавием, втягиваются разные люди — от опытных большевиков-подпольщиков (фельдшер Горбяков, Катя Ксенофонтова) и сочувствующих им (Лукьянов, Маша и др.) до «стихийных материалистов» вроде Окентия Свободного, до бывших фронтовиков из окопов империалистической и начинающих прозревать бедняков из крестьян, удел которых в богатейшей Сибири — «горе мыкать».

Вместе с Акимовым, попадающим то в относительно спокойные места явок (его сдают с рук на руки связные подпольного центра), то в укрытия ненадежные, полные опасностей и неожиданностей, читатель как бы сам совершает путь из нарымской ссылки через всю Западную Сибирь до Томска. Помимо изображения основного действия — движения Акимова к свободе, обстоятельный рассказ Георгия Маркова включает в себя многочисленные описания жителей сибирского края, диалоги множества эпизодических действующих лиц, всевозможные истории, приключавшиеся когда-то в этих местах, сведения о приметах и народных поверьях и т. п.

Выразительный язык персонажей гармонично и естественно входит в систему повествовательных средств автора, удачно дополняющего этими разговорными «иллюстрациями» живой рассказ о сибиряках—представителях самых различных общественных групп.

«...Поля слышала о Фоме Волокитине. Его знали по Нарыму все — большие и малые. Купец Фома Лукич Волокитин обосновался по реке Парабели, отстроил там на одном из мысов целое поместье. Окрестные стойбища остяков и кочевья тунгусов, равно как и поселения крестьян-староверов, шагу шагнуть не могли без Волокитина. В урманах промысловиков подстерегали вездесущие волокитинские скупщики пушнины, на реках рыбаков стерегли завозни и карбаза Волокитина, скупавшие добычу под корень. Совершал свои набеги Фома Волокитин и на обские плесы, порой удаляясь от Сургута и Березова. К своим торговым соперникам был безжалостен Фома Лукич. Иные из них, на манер Епифана Криворукова, что калибром помельче, старались избегать встреч с Волокитиным, обходили его как можно дальше и если уж чинили ему какие-нибудь пакости, то непременно втихомолку, по-воровски.

— Торопись, лекарь, торопись! Игру мы тут затеяли! Будь свидетелем, что все идет по правилу! — закричал Волокитин, увидев в облаcке Горбякова с дочерью.

Горбяков был знаком с Волокитиным много лет. Приходилось несколько раз заезжать к нему на ночевку. Купец встречал фельдшера учтиво, принимал, как гостя, кормил-поил щедро, по-нарымски, укладывал спать в отдельную горницу на широкую кровать с периной.

— Что тут у вас происходит, Фома Лукич? — спросил Горбяков, хотя уже давно понял, что происходит. За многие годы жизни в Нарыме насмотрелся досыта на торгашеские бесчестные проделки.

— Что происходит? Игра, лекарь! В азарт вошли мои остячишки, — заколыхался в смехе Фома Волокитин, тяжело, по-бабьи двигаясь навстречу Горбякову. Пожав фельдшеру руку, кинув на его дочь равнодушно-презрительный взгляд, Фома объяснил: — Раззудил я их, косоротых, водкой. Выдал им к обеду по стопке, она и забрала их, разожгла аппетит. «Дай еще! Дай за ради бога, Фомка!» — кричат со всех сторон. Вижу, ничем их не остановишь. «Извольте, — говорю, — дам. А только риск на риск: ставлю батарею бутылок с водкой против вашей одной тони. Придет невод пустой — все равно берите водку. Ваша взяла! Плакать не буду — игра должна быть честной. А уж если повезет мне и тонь будет фартовой, тоже слезу не лейте, заберу все до последнего чебака». Вот на том и порешили! Вишь, как стараются! Любят, негодные, горячую водичку!

Невод был еще в реке, на закруглении, а Горбяков и Поля, не раз работавшие в артелях на стрежевых песках, поняли, что купец затеял верную для себя игру. Невод шел тяжело, поплавки то и дело подскакивали, исчезали в глубине вод. Когда началась выборка крыльев невода на песок, замкнутый прочной сетью полукруг реки закипел, забулькал, как котелок на костре. Живое серебристое месиво взбаламутило воду, смешало ее с илом и песком...»

Край сибирский выписан в романе широко и объемно. Пожалуй, трудно найти такую этническую, географическую и какую угодно еще деталь, особенность того огромного явления, имя которому Сибирь, какая была бы обойдена автором в романе. Знаменитые сибирские погоды и прославленные пельмени и шаньги, таежные пейзажи и нелегкий труд золотоискателей, охотничьи приемы добыть зверя или птицу и особые способы строительства домов... Неумирающее искусство народных умельцев, исконные традиции этого далекого и близкого уголка России. Но это все часть фона, на котором проходит сюжетная линия событий. Другая часть фона — тема сокровищницы сибирских недр.

«Российское могущество прирастать будет Сибирью». Эти слова Михаила Ломоносова, занесенные в дневник профессором Лихачевым, служат ключом к пониманию нравственной основы поступков, идейного базиса борьбы самого Акимова.

Сказать, что автор романа — певец Сибири, значит, сказать лишь половину истины. Георгий Марков — это ученый, писатель и патриот края в одном лице. Его исследовательский подход к теме обогащает читателей запасом знаний, помогающих более полному эстетическому восприятию художественного воплощения темы сибирской кладовой.

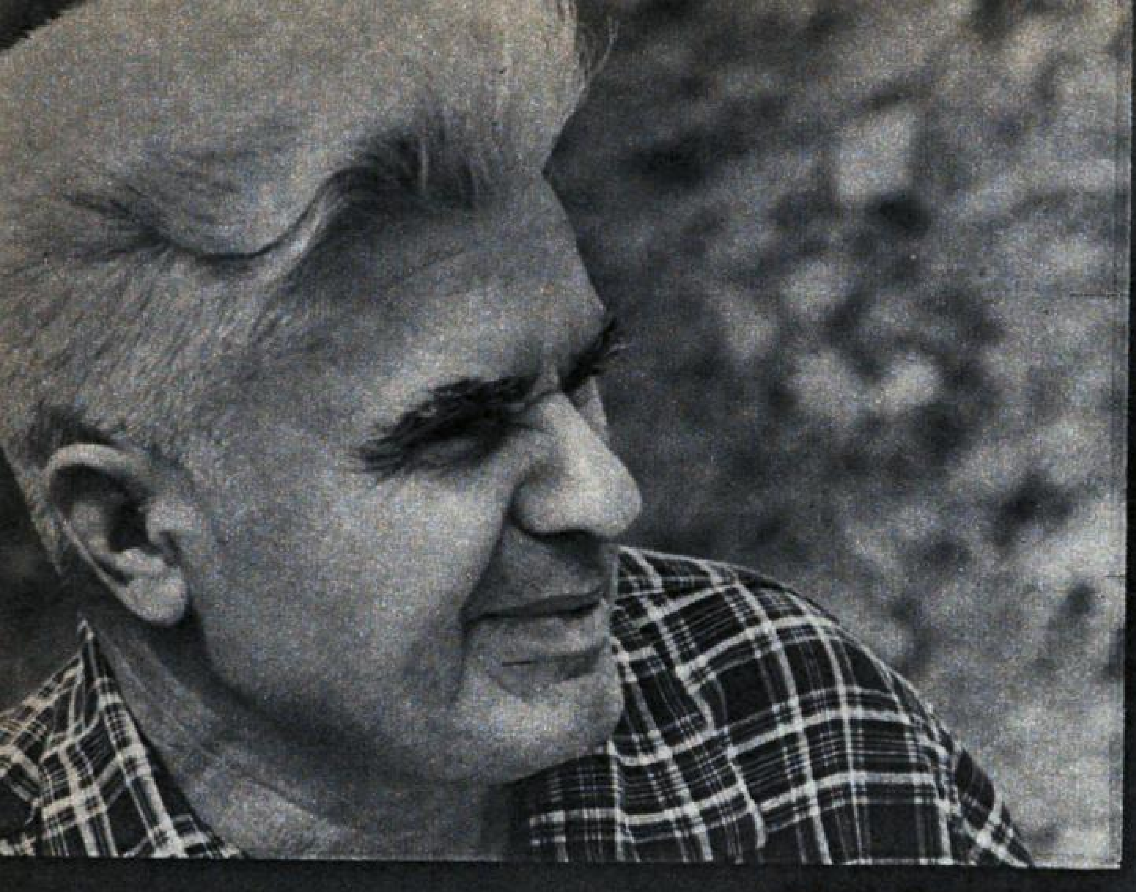
Богатство сибирской земли, так неразумно пренебреженное царским правительством (не одной эпохи!) и так хищнически расхватываемое купцами, ловкими и предприимчивыми авантюристами и просто грабителями, — это богатство, оставаясь в основе нетронутым, пропадало втуне. В сюжетном преломлении пафоса и идеи романа, предложенном Марковым, Сибирь — это край, который, как и всю Расею-матушку, предстояло еще вручить рачительному хозяину—народу, а последний, в свою очередь, надо было еще освободить от урядников и жандармов, купцов и кулаков-мироедов и от всех прочих оков самодержавия... За это и рискуют жизнью Иван Акимов, Катя, Горбяков, Маша и другие герои романа, ведя кропотливую работу по просвещению народа, отмечая даже малейший признак возможной поддержки со стороны то солдат, покинувших окопы, не дожидаясь «победного конца», то разорившихся крестьян, беря на вооружение эти многообещающие ростки революционной сознательности.

Отличительная особенность и первой и второй книг романа «Сибирь» — широкий охват движения народной жизни. Населенный множеством действующих лиц, то приближая их к авансцене, выдвигая в главные персонажи, то показывая «на расстоянии», роман подает каждого героя в свойственной ему динамике развития, мощные пласты жизни оказываются поднятыми на поверхность, давая возможность рассмотреть людские судьбы в момент самого крутого перелома, когда устои, складывавшиеся веками, вдруг зашатались под натиском оживительного ветра революции — ветра обновления и возвышения.

Теперь уже можно без риска ошибиться сказать, что почитателей таланта Георгия Маркова ждет в следующей книге романа Сибирь эпохи всенародной борьбы, гражданской войны, когда весь этот край стал ареной противоборства двух полярных сил. В том, что писатель полон энергии и творческого устремления продолжить и завершить свое многоплановое эпическое произведение, не приходится сомневаться. Яркая летопись революционной истории Сибири, плавно и широко начатая в первой и второй книгах, уже сегодня становится настоящей художественной ценностью.

Роман «Сибирь», кн. 2-я. Журнал «Знамя». 1973, №№ 6—7.

СЛАГАЕМЫЕ ХАРАКТЕРА

Михаил Юрьевич Евец.

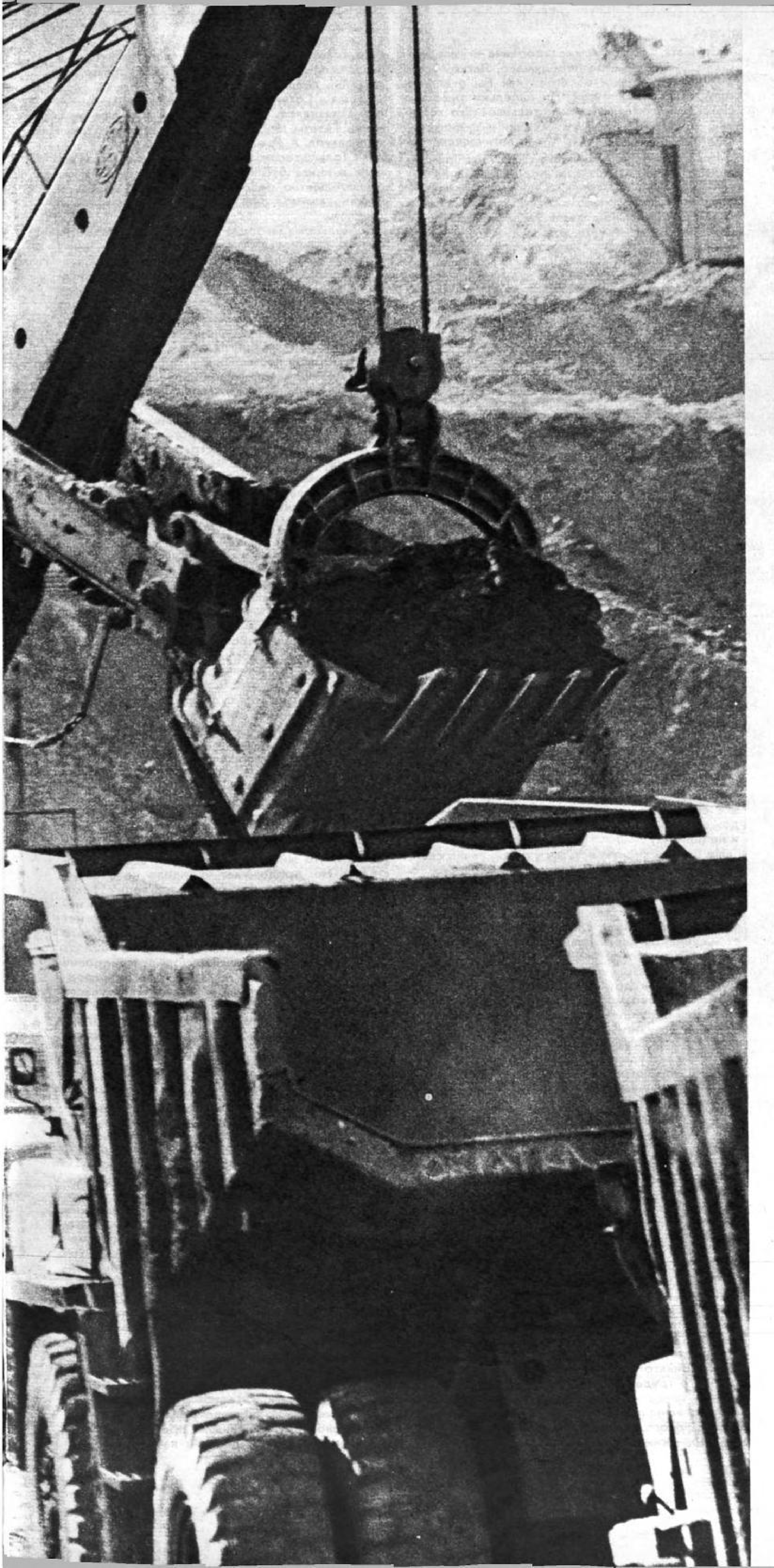

Гигантские рудники КМА уступами спускаются к залежам...

Виктор Александрович Сотниченко.

НА МАРШРУТАХ ПЯТИЛЕТКИ

«ПРИСТУПИТЬ К СОЗДАНИЮ НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ОБЩЕСОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ НА БАЗЕ МИНЕРАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ КУРСКОЙ МАГНИТНОЙ АНОМАЛИИ; ДОВЕСТИ ДОБЫЧУ ЖЕЛЕЗНОЙ РУДЫ В ЭТОМ РАЙОНЕ ПРИМЕРНО ДО 40 МИЛЛИОНОВ ТОНН».

Из Директив XXIV съезда КПСС.

Георгий **КУБЛИЦКИЙ**

Фото **А. ГОСТЕВА**

Если я скажу, что Михаил Юрьевич Евец мало изменился за те десятилетия, которые мы не виделись, это будет сущей правдой.

Да вот он, на старом снимке в «Огоньке». У кабины экскаватора на гибком стальном пруте укреплен белый голубь мира. Окно почему-то украшено бахромой из кистей, какие бывают на занавесях. Подпись: «Знатный экскаваторщик Жигулевского стройрайона М. Ю. Евец работает на мощном уральском электроэкскаваторе». Тот же седой ежик — седым он был уже тогда, поседел в войну, прошагав от Сталинграда до Праги. Снимок сделан на стройке Куйбышевской ГЭС летом 1951 года.

С тех пор Михаил Юрьевич пополнел немного. Лицо гладкое, вид у него человека бодрого, здорового, неторопливо-деятельного. Я застал его после смены. Он работает. Работает в полную силу, хотя ему 67 минуло. Не на административной должности и не наставником молодых. Михаил Юрьевич Евец, опровергая все представления о возрастных границах труда на экскаваторе, занимается делом, которому обучился сорок лет назад на стройке Магнитки. Он машинист экскаватора. По должности — рядовой машинист, хотя на парадном пиджаке у него звезда Героя, заработанная еще в Жигулях.

Видным человеком был Михаил Юрьевич на волжской стройке, очень видным! Стал заметным с первых ковшей, вынутых из котлована. Ему приписывали и честь выемки этих самых первых ковшей. Но в своей книжке «У подножия Жигулей» он опроверг это. Книжка правдивая, честная. В ней сказано, что первый ковш на стройке в феврале 1951 года вынул Владимир Колобаев. Потом стал работать экскаватор Василия Лямина. Евец был третьим.

— Правда дороже всего. Верно?

Он уже и забыл об этой книжке, удивился, как она сохранилась у меня, спросил, зачем я захватил ее сюда, в Губкин, откуда узнал, что он тут, на КМА. А-а, из газет...

Листает книжку, охваченный воспоминаниями.

— А нашего обращения к молодым здесь, кажется, нет. О соревновании было обращение. Помню, Улесов тогда подписал, я, еще кое-кто...

На этот раз было у меня в Губкине немало встреч с ветеранами наших строек. И не нашлось среди них такого, который не связывал бы звездного своего часа, наивысшего своего взлета в труде с соревнованием. Книжка Михаила Юрьевича о том же, о соревновании, которое помогло людям найти и с наибольшей полнотой выявить себя.

Это он, коммунист, новатор, занялся делом

Даешь большую руду!

вроде бы и ненужным экскаваторщику: вспомнил НОТ, купил секундомер, начал хронометраж. Сейчас научная организация труда — основа производства. Тогда о ней думали меньше. Евец думал. Расчленил и проанализировал циклы разных экскаваторщиков, от молодого, уверенно вышедшего вперед Василия Лямина, до самых никудышных. Выявил находки одних, промахи и ошибки других. После смены шел на экскаватор к отстающим, считая это главным своим партийным поручением. Показывал. Учил. Первым из экскаваторщиков стал выполнять две нормы. После этого перешел бригадиром на безнадежно отстающий экскаватор и услышал в сводке по радио: «На последнем месте экскаватор номер один, где бригадиром Михаил Евец».

Прошло некоторое время, и этот злополучный экскаватор стал первым на стройке «миллионером», первой машиной, выбравшей миллион кубометров грунта, первой, где появилось десять красных звездочек на кабине. Каждая — сто тысяч кубов.

Разве все это только история? И в нравственной сути поступков да и в самой организации соревнования, в тех его формах, которые искал и находил Евец, много такого, что, на мой взгляд, не утратило ценности сегодня.

Рабочая слава неотступно шла за Михаилом Евецом из первых пятилеток в наши дни, на Курскую магнитную.

Когда брали пятидесятимиллионную тонну здешней руды, почетное право сесть за рычаги экскаватора предоставили Михаилу Юрьевичу Евецу.

Стомиллионную тонну грузил в самосвал он же. И уже стоял рядом с ним, с его почетным местом, Виктор Сотниченко, который по возрасту мог быть его сыном.

Имя коммуниста Евеца — в хронике достопамятных событий величайшего железорудного бассейна земного шара. История КМА будет писаться еще века. Не думаю, что потомки забудут ее начальные страницы.

* * *

Еще не зная Виктора Александровича Сотниченко, я как-то прочитал в газете, что горняк успешно убрал урожай в колхозе. Экскаватор и комбайн — машины не очень схожие. Откуда же выучка?

— С целины. Нет, пожалуй, раньше, с детства. Я родом из Краснодарского края, двадцать девятого года рождения. Рос сиротой, был молотобойцем на кузне. Потом школа механизаторов, армия, комсомольская путевка, целина. Два года на Алтае. Там и научился комбайн водить.

Трудным летом семьдесят второго года Сотниченко пошел в райком. Его почин одобрили, многие к нему примкнули. Работал хорошо, заслужил медаль. За хлеб медаль! Получал вместе с хлеборобами, хотя и представлял рабочий класс. А этой весной задумал «перейти на полный цикл: посеять и убрать».

Действовал на поле колхоза «Заветы Ильича» «в индустриальном плане». Взял у комбината мощный трактор, соединил фронтально, жестко пять сеялок, приспособил гидравлику сошники поднимать. Сеяльщиков было всего двое, у них кнопка, сигнал в кабину Сотниченко. Удобно!

Пока Сотниченко сеял, экскаватор не стоял. На сменщиков нагрузка увеличилась. Справедливо ли это? Индустриальный Губкин притянул к себе молодежь окрестных колхозов. Многие ребята из села пришли на рудник, на горно-обогатительный. Колхозы помогли развитию Губкина. Но ведь не зря говорится, что долг платежом красен!

— Некоторые ворчат: у комбината свой план, а тут давай людей,— говорит Сотниченко.— Но будем мыслить шире. Сейчас в наших пригородных деревнях без помощи горняков пиковую весеннюю и осеннюю перегрузки не снять. Надо проявить солидарность. Мы в перспективном плане участка твердо записали: мне на сев и уборку. Спланировали, кто заменит меня на экскаваторе. Что железо, что хлеб — общее наше дело. Народное. Между прочим, с других участков ребята тоже на севе подсобляли. Не любительски, не абы-как, а по-рабочему, на высоком техническом уровне. Союз серпа и молота на практике, верно?

Слушать Виктора Александровича — удовольствие. Видно, многое передумано. Легким ударом ребра ладони по столу как бы отделяет одну мысль от другой. Ни капельки рисовки. Не старается казаться значительным. Его хорошо слушают старшеклассники — аудитория, чуткая к фальши, задиристо-скептическая.

На Лебединском руднике работают по-щекински. Первым из экскаваторщиков начал Евгений Данилович Черняк. У него на шагающем было два помощника. «Хотите стать машинистами?» Еще бы не хотеть! Какой помощник не захочет? Стали думать, что для этого надо. И придумали: оставить на экскаваторе в смену двоих с равными правами. Пусть каждый по очереди работает и машинистом и помощником. А высвободившегося — на другой экскаватор.

Сотниченко стал работать по-новому почти одновременно с Черняком, в семидесятом году. При этом он, учтя особенности своего гусеничного экскаватора, и то, что другой, однотипный, грузит руду совсем рядом, по соседству, решил сделать следующий шаг.

Сначала, по выражению Сотниченко, «были дебаты, как в английском парламенте». Но сама жизнь требовала движения вперед.

— Нужен помощник? Да, нужен. Смазал экскаватор, ну, подтянул кое-что. Началась работа. Машинист включен в дело полностью, а помощник? Пошлешь его по какому-либо делу, допустим, кабель передвинуть. Но разве это нагрузка? И самое главное: разве это интересно здоровому, смышленому парню? Решили: оставим в каждой смене всего троих на два работающих рядом экскаватора.

— А заработок?

— Чуть побольше. Если бы вырос сильно, то зачем бы мы все это затевали? Тут главная выгода — у рудника, у государства. С другой стороны, рост людей. Теперь все трое машинисты, у всех один разряд. Когда выполняешь обязанности помощника, отдыхаешь от вибрации, меняешь ритм, нагрузку. И тут польза.

— А как в смысле престижа? Так сказать, психологический барьер...

— Простите? А-а, вот вы о чем... Так ведь это гонор, не престиж. Разве у рабочего человека в этом гордость? (Я вспомнил слова еще не старого экскаваторщика, с известностью куда меньшей, чем у Сотниченко: «Чтобы я к своему помощнику в помощники? Нет, не дождутся они этого от меня». Кто они — я так и не понял...)

Не берусь судить, есть ли у Сотниченко свой особый «почерк». Работает он сноровисто, с каким-то очень быстрым и точным расчетом. Экскаваторщик и шофер заинтересованы в быстроте, в заработке. Происходит, возможно, полуавтоматическое планирование. Подъезжает машина, он берет ковшом с дальнего места. Почему? А потому, что другая еще не подоспела, есть секунды в запасе. Но вот две в подходе, одна за другой. Ковш загружает их с наименьшим возможным ходом стрелы. Выигрываются секунды, доли секунд...

Однако грузить руду надо так, чтобы железа в ней оказалось 57 процентов — ни больше ни меньше. Руда разная, одна богаче, другая беднее. При погрузке ее смешивают, взглядом как бы мгновенно анализируя груду, к которой движется ковш.

— Это и сложно и просто,— пояснил Виктор Александрович.— Приучаешься видеть руду, чувствовать ее, что ли. Ко всему присматриваешься, прислушиваешься, все оцениваешь: структуру, оттенки. Я вот и тяжесть в ковше чувствую, слышу, какой у руды звук, когда ее берешь. Все в тебе, как в электронной машине, мигом складывается. Ковш тянешь куда надо. Ну, ошибусь я на одну десятую процента, сколько в ней железа. Так ведь каждый час нас проверяют пробоотборщицы. Если ошибка — немедленно сигнал от горного мастера. Иной раз приходится повертеться, пососображать: машины не задержишь.

«Повертеться, пососображать». Очень обыденные слова. Тридцать, сорок лет назад они тоже были в ходу. А смысл-то в них сегодня уже иной! Принято думать, что преобладание умственного труда над мускульным, интеллектуализация труда — это прежде всего сфера автоматизированного производства. Но вот экскаватор рудного карьера. И машинист его должен творчески мыслить, буквально ежечасно ища оптимальные варианты своих действий в зависимости от руды, с которой ему приходится иметь дело.

Дома у Сотниченко мы разговорились о книгах. Признался, что для чтения времени, увы, мало. Газеты, журналы, кое-какая техническая литература. А романы, повести?

— Только если захватит с первых страниц. Если в книге бурлит сегодняшний день. И не обязательно о рабочем классе. Но чтобы я чувствовал: вот она, наша жизнь, такая, какая она есть.

Я мельком заметил, что бывал за океаном. Виктор Александрович достал с полки книгу Н. Смелякова «Деловая Америка».

— Хорошая книга. Толковая. Просто написана. Деловитости учит. Подкупает, что автор размышляет, делает свои выводы, приглашает и читателя подумать, что у них плохо, а что и хорошо. Надо брать, перенимать все хорошее, в хозяйстве пригодится. Смотрите, у них на образцово поставленном производстве ничего не пропадает, все рационально, все продумано. Интересная глава о техническом обслуживании машин. О дорогах очень верно. Действительно, национальное богатство! Сколько мы теряем на дорогах!

Еще в первую нашу встречу я упомянул о железных рудниках Кируны, о том, как Сара Лидман записала рассказы шведских горняков, образовавшие книгу «Рудник». Книга нашлась в библиотеке, и при случае я занес ее Виктору Александровичу. Он прочитал сразу же.

— Это не просто — понять людей, которые дышат другим воздухом. О Швеции что большинство знает? Богатая страна, всего навалом. Еще бы: полтора века не воевали. В кино както показывали Стокгольм. Красивый город, но чужой. А в этой книге описано то, что близко каждому горняку. Вот, посмотрите, тут про обогатительную фабрику. Мельницы, магнитные сепараторы... Как у нас на горно-обогатительном комбинате. Есть люди тех же профессий. Материально, судя по рассказам, шведские горняки живут хорошо. Но читаешь: каждый — одиночка среди чужих. «До этого мне нет дела, это я знать не хочу». Как по нашей пословице: «Моя хата с краю». Гребет только себе. Его друга лишают заработка, а он еще подумает, стоит ли вмешиваться. Нет, и там, конечно, есть сознательные люди, в книге приводятся их высказывания, но таких — меньшинство. А то вот интересное место, послушайте. Человек работает на обогатительной фабрике, говорит, что живет в квартире со всеми удобствами. Но, продолжает он, дело не в этом. «Дело в том, что мы, рабочие Швеции, находимся вне общества. Мы не свободны. Мы невежественны. Мы бессильны». Ему еще нет тридцати, а полон пессимизма: не знаю, что буду делать, как буду жить дальше...

В Америке и Швеции Виктор Александрович не был, зато в Польшу ездил не раз. Белгородщина дружит с Опольским воеводством, часто обменивается делегациями. Ребятишки из Ополья отдыхают летом в горняцком пионерском лагере «Орленок». Последний раз Сотниченко ездил с делегацией Общества советско-польской дружбы.

— Вот лампочка шахтерская...

Маленькая, изящная, с угольного месторождения «Адамов». Есть там карьер, есть экскаваторы, очень даже знакомые, хоть сейчас садись за рычаги: советская марка. Сотниченко выступал на митинге, говорил о Курской магнитной. В общем, впечатлений было много.

Однажды я попросил Виктора Александровича рассказать подробнее, как это он с земли, с целины, с вольного воздуха пошел на горное дело, с трактора — в карьер. Оказывается, не в карьер. Под землю. В шахту имени Губкина. А приехал на КМА по письму товарища. Начал проходчиком, освоил. Присмотрелся к скреперной лебедке: ничего, можно и с ней действовать. А электровоз? Обучился управлению. Потом электросварке. Организовал комплексную бригаду из ребят «на все руки». В 1966 году дали ему Героя за доблестную шахтерскую работу. Начал учиться в школе рабочей молодежи, потом в техникуме, а там специальность — открытая разработка. Вот и вышел из-под земли. Теперь дипломированный горный техник. И училище машинистов экскаватора окончил с союзными правами.

Вот какой путь проделал к кабине экскава-

тора! И ведь не метался без толку, осваивал все досконально. Он — в живом потоке современности, когда производство требует рабочих широкого технического кругозора, владеющих несколькими близкими профессиями.

Я спросил, интересно ли ему сегодня работать на экскаваторе. Он даже вскинулся:

— А как же! Конечно, интересно. На шахте работал — тоже было интересно. А с экскаватором как? Я когда-то участвовал в погрузке пятидесятимиллионной тонны руды КМА. И стомиллионной. Что значит участвовал? Был у Михаила Юрьевича Евеца в кабине вроде зрителя. И, знаете, захватила меня мощность машины, что ли. Она черпает руду, этакие глыбы, и кладет в самосвал так аккуратно, словно это вещь совсем легкая, пустяковая. Я будто зуд в руках почувствовал. И вот уже сколько с тех пор прошло, а загрузишь БелАЗ — ощущаешь: сила! На экскаваторе именно силу чувствуешь, будто ты великан какой...

По депутатским делам бывает Виктор Александрович в столице, бывал за границей и вообще легок на подъем. Но памятнее всего оказалась для него поездка в Липецк.

— Друг теперь там у меня.— И сразу оживился, заулыбался.— Вы знаете, наша руда куда только не идет! Ну, и на Липецкую Магнитку. Мы с ними соревнуемся. И вот запало в голову: надо туда с нашими ребятами съездить. А тут как раз «длинный выходной». Поехали, благо не за тридевять земель. Наша смена соревнуется со сменой Ивана Пантелеевича Куприянова, газовщика доменного цеха. Мы — все машинисты экскаваторов — прямиком к нему. Он и повел нас за нашей рудой, шаг за шагом, от разгрузки до стана «2000». Домна, чугун, прокат. Мои говорят: «Вот теперь знаем, что к чему». Домна новая, гигант на всю Европу... И на свой карьер по-другому взглянули. В Липецке слышим: руда ваша хороша, но есть примеси глины. А кто ее примешивает? Я, машинист экскаватора! Не обращал внимания на глинистые прожилки. Говорим между собой: нет, так не годится! Соревнование не бумага. Живое это дело и ох как всем нам нужное!

Я не слышал, чтобы Сотниченко дурно отозвался о ком-либо из своих товарищей. Он не завистлив, не мелок. Чужие успехи подгоняют его, но уж никак не расстраивают.

— В прошлом году без малого половина того, что рудник дал сверх плана,— работа нашей смены. Не хвалюсь — ребят наших хвалю. Ведь простая штука: дал слово — держи. Выполни, что обязался, по-рабочему, твердо, не отступая. Вот так у нас дорожат рабочей честью Петр Васильевич Солдатов, член парткома рудника, Миша Белоусов, Иван Тимофеевич Еременко... Впору всех перечислить, такие подобрались. Работаем вместе да, бывает, и в свободный час не разлучаемся. Вот и в Липецк всем табором... А то еще как-то после смены к речке выехали, в зону отдыха. И ночь уже, но никто спать не ложится, сели у костра над речкой и столько переговорили о разном! Знаете, у нас как-то все дружно, не то что один сюда, другой туда. Вот, подумалось, в давнее время рабочих на маевках что сплачивало? Душевное единство, чувство братства. Люди мы разные, если взять хотя бы нашу смену. У каждого свой характер, свой норов. Но едины мы в самом главном, из чего, наверное, и складывается рабочий характер.

* * *

...Номер был уже сверстан, когда в конце августа с писательской бригадой журнала «Знамя», имеющего свой постоянный редакционный пост на Курской магнитной аномалии, я снова побывал в знакомых местах. Белгородщина в эту пору боролась за трудный хлеб. Небывало затяжные ливни повсюду положили, пригнули колосья к раскисшей земле, комбайны двигались медленно, словно бы неуверенно.

Сотниченко завершал свой «полный цикл» там, где сеял,— на полях колхоза «Заветы Ильича».

— Положение трудное, что говорить,— услышал я.— Но ничего, справимся. Пока вот держу второе место среди здешних комбайнеров. И ребята без меня не подкачали: семь тысяч тонн руды сверх плана. Так что в общем рабочее свое слово держим!

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

О ВЕЛИКОМ ЧУВСТВЕ ДОЛГА

Почти две недели зрители следили за развитием событий телефильма «Семнадцать мгновений весны», поставленного Т. Лиозновой по роману Ю. Семенова.

Скажем сразу: фильм необычен. В нем почти нет стрельбы, погони — всего, что можно было ожидать от картины подобного жанра. Зато здесь есть нечто гораздо более интересное: кропотливая, незаметная, буквально ювелирная работа советского разведчика, вызывающая наше ответное напряженнейшее внимание.

Внутренняя жизнь, мысль человека стали главным в «Мгновениях», поэтому фильм построен на крупных планах. Лица, лица... И даже улыбки, даже взгляды говорят о многом, заставляя задумываться, волноваться и тревожиться... Снимались в фильме такие мастера, как Р. Плятт, Л. Броневой, В. Лановой, Е. Евстигнеев... На первом же плане здесь от начала до конца схватка двух воль, двух личностей, двух мировоззрений... Тихонов и Броневой — оба великолепны.

В роли советского разведчика Исаева (Штирлица) Вячеслав Тихонов покоряет больше всего, пожалуй, тем, что его герой вовсе не похож на «супермена», всемогущего, не ведающего поражений... Советский человек силою обстоятельств поставлен в исключительные условия, когда ему надо собрать все мужество, всю силу... Великая любовь к Родине, чувство долга перед народом, да и перед самим собой,— своим человеческим, но и советским достоинством,— вот что движет Исаевым, заставляет его рисковать жизнью изо дня в день, из года в год,— до войны и после ее окончания...

Не будет в конце фильма счастливого возвращения, встречи на аэродроме. Будет новая работа. И ее надо выполнить...

В «Семнадцати мгновениях весны» еще на редкость удачен сплав документальности и художественности, создающий впечатление полной достоверности происходящего. А это тоже условие успеха.

Н. АЛЕКСЕЕВА

На снимке: Л. Броневой — Мюллер, В. Тихонов — Исаев (Штирлиц).

ГАСТРОЛИ

ДУМА ПРО ЛЮБОВЬ

В репертуаре почти каждого театра есть спектакль, наиболее полно выражающий особенности творческого коллектива. В Черновицком государственном музыкально-драматическом театре имени Ольги Кобылянской, чьи гастроли проходили недавно в Москве, на сцене Театра имени Моссовета,— это «Дума про любовь».

Спектакль, поставленный В. Грипичем по пьесе выдающегося украинского писателя лауреата Ленинской и Государственной премий Михаила Стельмаха, вобрав в себя мысль драматурга и постановщика, развивается естественно и закономерно, подобно классической мелодии, где нет ничего лишнего, случайного.

Любовь настоящая неотделима от таких понятий, как совесть и справедливость. По тому, как любит человек, мы судим, насколько он ЧЕЛОВЕК... Главные герои «Думы» — девушка Ярина и молодой учитель Богдан Романишин — любят друг друга, но какой же долгой и трудной оказывается дорога, ведущая их друг к другу... Она проводит героев сквозь военные годы, через страшные и трагические события...

Может показаться исключительной ситуация когда Ярину — ее играет артистка В. Попова,— которую немцы должны казнить как партизанку, в самый последний момент спасают народные мстители... Это и впрямь почти невероятно, но вспоминаешь об этом только после спектакля, потому что для театра главное здесь не ситуация, а сильные и чистые характеры, для которых героизм, самопожертвование — норма жизни.

Ярина — Попова — яркое воплощение именно такого народного характера. Его невозможно убить. И в этом — самая большая правда авторской идеи.

Богдан Романишин — его играют В. Сова и Н. Сиренко — родствен Ярине. В нем — то же бесстрашие, та же чистота. Герой молод, однако юношеское его изящество сочетается с благородной сдержанностью зрелых чувств.

Очень хороши и другие любящие — Соломия и Максим Туровец; актеры В. Косахивская и П. Никитин заставляют зрителей отчетливо услышать негромкую, но глубокую, щемящую тему их выстраданной любви...

Думается, весь состав с удовольствием играет в этом спектакле. Причина в большой психологической точности драматургического материала, в гармоническом созвучии идей автора и режиссера, поставившего «Думу», и еще в том, что четкость режиссерского замысла В. Грипича в то же время оставляет исполнителям большой простор для фантазии. И разве забудешь партизанскую семью Шаламаев, ярко сыгранную артистами А. Мартыненко, Н. Наталушко, А. Бортником, А. Поддубным... Они показывают душу народа, щедрого в доброте и неустрашимого в бою.

Надо сказать, что Черновицкий театр богат яркими индивидуальностями. Среди самых заметных, наиболее самобытных исполнителей необходимо назвать А. Янушевич — исполнительницу роли Зои Жмут в драме «Волчиха», написанной артистом театра А. Ананьевым по мотивам одноименного рассказа Ольги Кобылянской, чье имя носит театр.

Андрей БАТАШЕВ

На снимке: В. Попова — Ярина, Н. Сиренко — Богдан Романишин.

ICM—73

Это сокращение в переводе на русский означает — Международная конференция по магнетизму. Она проходила с 22 по 28 августа в Москве.

Полторы тысячи физиков из тридцати девяти стран собрались в Московском университете, чтобы обсудить новейшие достижения в теории и практике науки о магнитных свойствах тел.

Наша Земля — огромный магнит, и нет такого вещества, которое бы в той или иной степени не обладало магнитными свойствами. Вот почему наука о магнитах используется почти во всех отраслях современной техники: от компаса до трансформатора, от вычислительной техники до медицинских приборов.

С докладом о достижениях советской магнитологии выступил на конгрессе крупный советский ученый академик С. В. Вонсовский.

Не надо говорить о том, насколько обычным стало сейчас использование электронно-вычислительных машин. Однако дальнейшее развитие их упирается в проблему, как уменьшить габариты приборов, увеличив при этом их электронную память. Над этой проблемой работают ученые всего мира. Решить ее помогут тонкие магнитные пленки, обладающие способностью хранить огромный запас информации. Ученые рассказывали на конгрессе о последних достижениях своих лабораторий в этой области.

Применение магнитных пленок в вычислительной технике и радиоэлектронике в сотни раз ускорит действие машин и приборов. Совсем недавно были созданы прозрачные магнитные пленки. Информацию на них записывает луч лазера. Применение таких пленок увеличит объем памяти ЭВМ в тысячу раз. Физики считают, что этот метод записи информации произведет революцию в вычислительной технике и пятое поколение электронных машин будет работать на новых принципах.

Все шире становится профессия магнитов. Недавно они пришли и на транспорт. На конгрессе говорилось о мощных магнитах, впервые созданных учеными из материалов, до сих пор не использовавшихся. Уже сконструирована модель поезда на магнитной подушке. В покрытие дороги и в основание вагонов вмонтированы магниты, которые в силу взаимного отталкивания поддерживают поезд над землей. Он летит по воздуху с огромной скоростью. Ведь составу не надо преодолевать силу трения о рельсы.

На конференции выступил всемирно известный советский ученый академик П. Л. Капица. Он подчеркнул особую важность новых работ в магнитологии для дальнейшего развития промышленности в наш век технического прогресса.

О. ПЕРФИЛОВА

КИНО

КОМУ ОН НУЖЕН, ЭТОТ ВАСЬКА?

Кадр из фильма

— Недавно я получил письмо от мальчика лет восьми. Называет он меня дядя Сережа, хотя никакой он мне не родственник. Пишет, что нашел на улице котенка — хорошего, пушистого. Назвал Васькой, а папа сказал: выброси. Мальчик котенка не выбросил, положил его куда-то в уголок и побежал в школу. А когда вернулся из школы, то увидел своего Ваську перед домом в канаве, с отрубленной головой. Он кинулся к отцу. А отец сказал: «Кому он нужен, этот твой Васька?» И пишет мальчик: «Что мне делать: я не люблю папу...»

Голос с экрана звучит просто, спокойно, почти буднично, а по залу прокатывается вздох возмущения, возглас стыда и негодования за мерзкий поступок взрослого.

Письмо мальчугана послужило поводом для создания фильма: «Кому он нужен, этот Васька?». Авторы сценария и режиссеры-постановщики С. Образцов и В. Рытченков ставят этот вопрос и сами же на него отвечают своей картиной, снятой Центральной студией научно-популярных и учебных фильмов.

— Я свою работу в кинематографе рассматриваю как общественную,— сказал в своем выступлении в редакции «Огонька» народный артист СССР Сергей Владимирович Образцов.— Мои фильмы: «Удивительное рядом», картины «Невероятная правда» и «Кинокамера обвиняет», ленту о пингвинах — я делал просто потому, что это было необходимо. Вот и теперь я не мог молчать, получив письмо мальчика. Вместе с группой кинематографистов Центрнаучфильма мы по телевидению обратились к тем людям, которые любят и охраняют животных. В ответ пришло более четырех тысяч писем. Изучив их, мы отобрали наиболее интересные и отправились в поездку по различным адресам, к людям, о которых решили рассказать. Фильм получился своеобразным социологическим опросом... Я уверен: если ребенку жалко маленькую птичку, он обязательно вырастет добрым человеком. И наоборот: мучитель животных наверняка порочен и в отношениях с людьми.

Перед зрителем три преступника. Их путь на скамью подсудимых шел через жестокость, ничем не пресеченную в раннем детстве. «Я мучил животных: живыми сжигал кошек, отрубал собакам хвосты»,— говорит один из них...

Сменяется кадр. И мы видим других подростков. Они как раз ровесники тех самых преступников, но у каждого из них на поводке собака: будущие пограничники ласково расчесывают овчарок, учат их преодолевать препятствия... Они друзья...

Вместе с Сергеем Владимировичем зритель входит в дом к незнакомым людям и видит самых разных животных, которых здесь любят и берегут. И каждый раз это встреча с человечностью, с такими отношениями, которые приносят радость.

Фильм будут смотреть с большим интересом, а потом — думать о нем. Думать о том, как важно с самого раннего детства заложить в душе ребенка любовь к природе, ко всему живому на земле.

В. МОРОЗОВА

1 мая 1948 года на страницах журнала «Огонек» была напечатана поэтическая подборка демобилизованного фронтовика, студента Литинститута имени А. М. Горького Эдуарда Асадова. Это была первая публикация стихов молодого поэта. С тех пор прошло 25 лет. Стихи и поэмы Эдуарда Асадова прочно завоевали любовь и уважение читателей. 7 сентября 1973 года Эдуарду Аркадьевичу Асадову исполнилось 50 лет. И, публикуя сегодня новые стихи поэта, редакция журнала от души поздравляет Эдуарда Асадова со славной датой и желает ему крепкого здоровья и новых поисков и открытий в поэзии.

МОЕЙ МАМЕ

Пускай ты не сражалась на войне,
Но я могу сказать без колебанья:
Что кровь детей, пролитая в огне,
Родителям с сынами наравне
Дает навеки воинское званье!

Ведь нам, в ту пору молодым бойцам,
Быть может, даже до конца не снилось,
Как трудно было из-за нас отцам
И что в сердцах у матерей творилось.

И лишь теперь, мне кажется, родная,
Когда мой сын по возрасту солдат,
Я, как и ты десятки лет назад,
Все обостренным сердцем принимаю.

И, хоть сегодня ни одно окно
От дьявольских разрывов не трясется,
Но за детей тревога все равно
Во все века, наверно, остается.

И скажем прямо (для чего лукавить?!),
Что в бедах и лишеньях грозовых,
Стократ нам легче было бы за них
Под все невзгоды головы подставить!

Да только ни в труде, ни на войне
Сыны в перестраховке не нуждались.
Когда б орлят носили на спине,
Они бы в кур, наверно, превращались!

И я за то тебя благодарю,
Что ты меня сгибаться не учила,
Что с детских лет не тлею, а горю
И что тогда, в нелегкую зарю,
Сама в поход меня благословила.

И долго-долго средь сплошного грома
Все виделось мне в дальнем далеке,
Как ты платком мне машешь у райкома,
До боли вдруг ссутулившись знакомо,
С забытыми гвоздиками в руке.

Теперь, когда я сам уже отец,
Я до конца, наверно, понимаю
Тот героизм родительских сердец,
Когда они под бури и свинец
Своих детей в дорогу провожают.

Но ты поверь, что в час беды и грома
Я сына у дверей не удержу,
Я сам его с рассветом до райкома,
Как ты меня когда-то, провожу.

И знаю я: ни тяготы, ни войны
Не запугают парня моего.
Ему ты верь и будь всегда спокойна:
Все, что светло горело в нас, достойно
Горит сегодня в сердце у него!

И пусть судьба, как лист календаря,
У каждого когда-то обрывается.
Дожди бывают на земле не зря:
Пылает зелень, буйствуют моря,
И жизнь, как песня, вечно продолжается!

И ЖИЗНЬ, КАК ПЕСНЯ, ВЕЧНО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Эдуард АСАДОВ

ЛЕСНАЯ РЕКА

Пускай не качает она кораблей,
Не режет плечом волну океана,
Но есть первозданное что-то в ней,
Что-то от Шишкина и Левитана.

Течет она медленно век за веком,
В холодных омутах глубока.
И ни единого человека,
Ни всплеска, ни удочки рыбака!

В ажурной солнечной паутине,
Под шорох ветра и шум ветвей,
Течет, отливая небесной синью,
Намытой жгутами тугих дождей.

Так крепок и густ травяной настой,
Что черпай хоть ложкой его столовой!
Налим лупоглазый, почти пудовый
Жует колокольчики над водой...

Березка пригнулась в густой траве.
Жарко. Сейчас она искупается!
Но платье застряло на голове,
Бьется под ветром и не снимается.

Над заводью вскинул рога сохатый
И замер пружинисто и хитро,
И только с морды его губатой
Падает звонкое серебро.

На дне неподвижно, как для парада,
Уставясь носами в одну струю,
Стоят голавли чернославным рядом,
Как кони в едином, литом строю.

Рябина, красуясь, грустит в тиши
И в воду смотрится то и дело:
Сережки рубиновые надела,
Да кто ж их оценит в такой глуши?!

Букашка летит не спеша на свет,
И зяблик у речки пришел в волненье.
Он клюнул букашкино отраженье
И изумился: букашки нет!

Удобно устроившись на суку,
Кукушка ватагу грибов считает.
Но, сбившись, мгновение отдыхает
И снова упрямо: «Ку-ку, ку-ку!»

А дунет к вечеру холодком —
По глади речной пробегут барашки,
Как по озябшей спине мурашки,
И речка потянется перед сном.

Послушает ласково и устало,
Как перепел выкрикнет: «Спать пора!»
Расправит туманное одеяло
И тихо укроется до утра.

Россия степная, Россия озерная,
С ковыльной бескрайнею стороной,
Россия холмистая, мшистая, горная,
Ты вся дорога мне! И все же, бесспорно, я
Всех больше люблю тебя вот такой!

Такой: с иван-чаем, с морошкой хрусткой,
В хмельном и смолистом твоем раю,
С далекой, задумчивой песней русской,
С безвестной речушкой в лесном краю.

И вечно с тобой я в любой напасти,
И в солнечных брызгах и в черной мгле,
И нет мне уже без тебя ни счастья,
Ни песни, ни радости на земле!

* * *

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать,
Год, и два, и всю жизнь, наверно!

Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо!

Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,
По горам, по любому пути,
Где и черт не бывал ни разу!

Все пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,
Только знать бы, что все не зря,
Что потом не предашь в дороге.

Я могу для тебя отдать
Все, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.

Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что все не зря,
Что люблю тебя не напрасно!

ДАЧНИКИ

I

Брызгая лужами у ворот,
Ветер мчит босиком по улице.
Пригорок, как выгнувший спину кот,
Под солнцем в сонной дремоте щурится.

Радость взрослых и детворы!
Долой все задачи и все задачники!
Да здравствуют лодки, грибы, костры!
И вот из города, из жары
С шумом и грохотом едут дачники!

Родители любят своих ребят
И, чтобы глаза малышей блестели,
Дарят им кошек, птенцов, щенят,
Пускай заботятся и растят,
Хорошему учатся с колыбели!

И тащат щенята с ранней зари
С хозяев маленьких одеяла.
Весь день раздается: «Служи! Замри!»
Нет, право же, что там ни говори,
А добрых людей на земле немало!

II

Ветер колючий листву сечет
И, по-разбойничьи воя, кружит.
Хлопья седые швыряет в лужи
И превращает их в ломкий лед.

Сады, нахохлившись, засыпают,
В тучи закутался небосклон.
С грохотом дачники уезжают,
Машины, простудно сопя, чихают
И рвутся выбраться на бетон.

И слышат только седые тучи
Да с крыш глядящее воронье,
Как жалобно воет, скулит, мяучит
На дачах брошенное зверье...

Откуда им, кинутым, нынче знать,
Что в час, когда месяц блеснет в окошке
(Должны же ведь дети спокойно спать!),
Родители будут бесстыдно лгать
О славной судьбе их щенка иль кошки...

Что ж, поиграли — и с глаз долой!
Кончилось лето, и кончились чувства.
Бездумно меняться вот так душой —
Непостижимейшее искусство!

А впрочем, «звери» и не поймут.
Сердца их все с тою же верой бьются.
Они на крылечках сидят, и ждут,
И верят, глупые, что дождутся...

И падает, падает до зари,
Как саван, снежное покрывало...
Конечно же, что там ни говори,
А «добрых» людей на земле немало!

ЦВЕТА ЧУВСТВ

Имеют ли чувства какой-нибудь цвет,
Когда они в душах кипят и зреют?
Не знаю: смешно это или нет,
Но часто мне кажется, что имеют.

Когда засмеются в душе подчас
Трели по-вешнему соловьиные
От дружеской встречи, улыбок, фраз,
То чувства, наверно, пылают в нас
Небесного цвета: синие-синие.

А если вдруг ревность сощурит взгляд
Иль гнев опалит грозовым рассветом,
Те чувства, наверное, в нас горят
Цветом пожара — багровым цветом.

Когда ж захлестнет тебя вдруг тоска,
Да так, что вздохнуть невозможно даже,
Тоска эта будет, как дым, горька,
А цветом черная, словно сажа.

Если же сердце хмельным-хмельно,
Счастье, какое ж оно, какое?
Мне кажется, счастье, как луч. Оно
Жаркое, солнечно-золотое!

Назвать даже попросту не берусь
Все их — от ласки до горьких встрясок.
Наверное, сколько на свете чувств,
Столько цветов на земле и красок.

Судьба моя! Нам ли с тобой не знать,
Что я под вьюгами не шатаюсь.
Ты можешь любые мне чувства дать,
Я все их готов, не моргнув, принять
И даже черных не испугаюсь.

Но если ты даже и повелишь,
Одно, хоть убей, я отвергну! Это
Чувства крохотные, как мышь,
Ничтожно-серого цвета!

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРОМКЕ ПРИБОЯ

Н. ХРАБРОВА,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Три прибалтийских республики лежат у кромки прибоя. Чтобы увидеть Прибалтику, спокойную и бурную, отдыхающую и трудовую, надо было плавать по воде, ездить по суше, летать на самолете, что мы и делали, стараясь не отдаляться от золотисто-голубой кромки. Мы увидели творения человеческих рук и разума.

ЯНТАРИНКИ

Однажды на Куршской косе, в Юодкранте, я пыталась вместе с рыбаками тянуть за толстый, мокрый канат сеть, полную лососей. Это было нелегко. Когда сеть выползла на берег, я отправилась собирать вынесенный ночным штормом янтарь. Его надо уметь собирать, а я не умела, пришлось вернуться к костру, где жарился «куршский шашлык» — надрезанный, круто посоленный, нанизанный на палочки лосось. Разбредшиеся по берегу рыбаки тоже стали возвращаться, и каждый ссыпал мне в горсти крупные и мелкие янтаринки. Они хранятся у меня в деревянном литовском башмачке «клумпе» как символ всего, что хранится в памяти о Литве за многие годы поездок. Каждая новая поездка добавляет новую «янтаринку».

ЧЕТЫРЕ ВИЛЬНЮСА

Вот две трудовых и свободных руки...
Свободных!

Э. Межелайтис.

С первой встречи я влюблена в Вильнюс. В его доброжелательных жителей, в его старинную архитектуру, в улицы, спускающиеся с холмов к центральным проспектам. В его новые районы.

Все это, стараясь выбирать слова посуше и построже, я высказываю заместителю председателя Вильнюсского горисполкома Александру Тимофеевичу Кириченко.

— Это очень приятно,— говорит Александр Тимофеевич.— А можете вы себе представить, как я влюблен в Вильнюс, если уж больше четверти века в разных должностях занимаюсь его строительством?! Когда я приехал сюда — сразу после демобилизации,— в городе было сто двадцать четыре тысячи человек, теперь — четыреста двенадцать тысяч. Тогда был один миллион квадратных метров жилья, теперь — три с половиной миллиона. Город увеличился больше чем в три раза, значит, плюс к старому мы построили здесь еще два таких же города.

Три Вильнюса. Два из них созданы в условиях обостренного войной квартирного кризиса, спешки и необходимости пользоваться стандартными типовыми проектами, стандартными блоками, потому что это быстрее и дешевле. Так построено после войны много городов в нашей стране, и — увы! — многие из них похожи друг на друга.

— А новый Вильнюс, согласитесь, неповторим,— говорит Александр Тимофеевич.

Да, с этим согласится каждый, кто хоть краем глаза видел новый Вильнюс. А мы с Александром Тимофеевичем смотрим его сейчас не краем глаза и не вообще, а в частностях. Поднимаемся на смотровую площадку на крыше высотного дома, откуда город на холмах и под холмами как на ладони. Заходим в квартиры, вникаем в конструкцию окон и форточек, потому что окна тут особые — двойные, открывающиеся целиком, а когда не надо целиком, то хватает узкой, продолговатой, закрытой тонкой металлической сеткой форточки.

— Это чтобы «самодеятельности» с форточками не было. Удобно, и вид окна не портит,— рассказывает наш спутник.

Исследуем спуски с холмов — лесенки — для пешеходов и рядом без ступенек — для детских колясок. Любуемся плющом, диким виноградом, хмелем — эти растения энергично осваивают высокие блочные стены. Между домами совсем как в дачных поселках — уютные внутренние дворы с мальвами, синими башмачками, молодой сиренью и смородиной. Внизу, у главной магистрали, круглые углубления в земле, огороженные металлической решеткой: кооперативные подземные гаражи. Скоро вокруг решеток будут посажены цветы и декоративный кустарник. Просторен, широк новый Вильнюс. Ширь эта и простор здесь тоже своеобразны. Может быть, потому, что на площадях и перекрестках стоят могучие декоративные металлические сооружения. В содружестве простора, бетона, стекла и железа нестандартная новь.

— Теперь разберемся в причинах появления нестандартного в стандартном,— предлагает Александр Тимофеевич.— Прежде всего это творчество, о нем рассказывать не стану, расспросите архитекторов, это их дела. Во-вторых, конечно, ландшафт — это уж природе спасибо и предкам за выбор места. В-третьих, наш Вильнюсский ордена Ленина домостроительный комбинат вот уж мастер на все руки! Выпускает строительные и декоративные детали, в блоках и кирпиче, для жилых домов и школ, больниц и специализированных магазинов, для кинотеатров и ресторанов... Новые дома у нас все с балконами и подвалами, лестничную клетку снаружи закрываем ажурной панелью: и плоская стена смотрится красивей, и белье, развешенное на специальных устройствах за панелью, на сквознячке хорошо сохнет.

А четвертая и, наверное, самая главная причина вильнюсской современной красоты,— продолжает Александр Тимофеевич,— это добросовестность каждого из восьми тысяч человек, занятых на строительстве, благоустройстве и озеленении города. Мастерство, чувство ответственности, выдумка — это в Вильнюсе величина постоянная, надежная и, как видите, принесшая хорошие результаты. В девятой пятилетке восемь тысяч вильнюсских градостроителей сдадут еще миллион двести пятьдесят ты

На развороте вкладки:

Корабелы и корабли клайпедского судостроительного завода «Балтия» (снимки вверху).

Наладка электронных машин на Вильнюсском ордена Трудового Красного Знамени заводе счетных машин имени Ленина.

На снимках внизу: в Клайпедский морской порт из Атлантики возвращаются летом суда.— Женя Касимова, радистка из Клайпеды.— Кришкальнис. Памятник воинам Великой Отечественной...

Отплавал парусник «Меридиан», стал рестораном в Клайпеде.

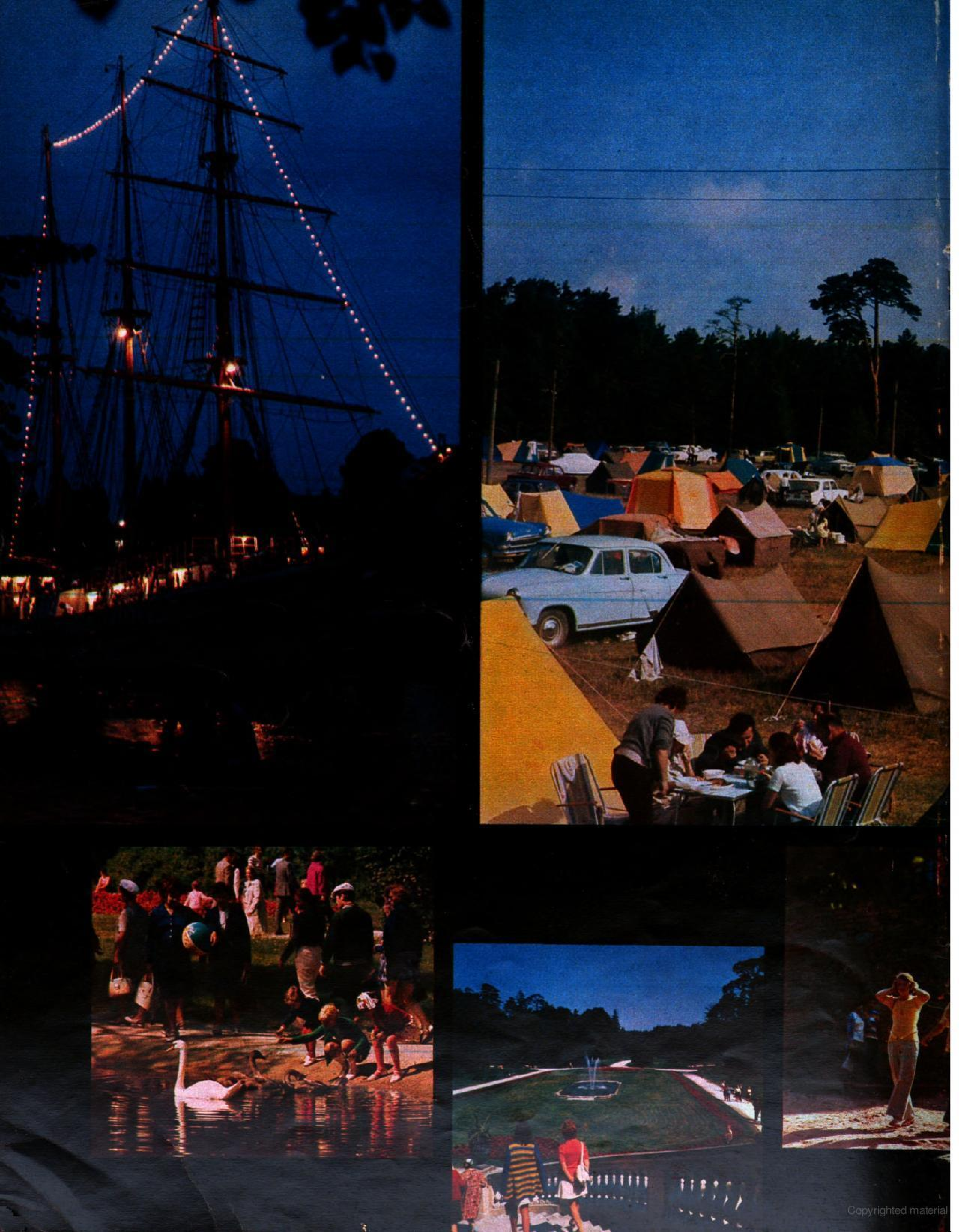
Паланга. Полдень в палаточном городке Контининкай.

Здравствуй, море!

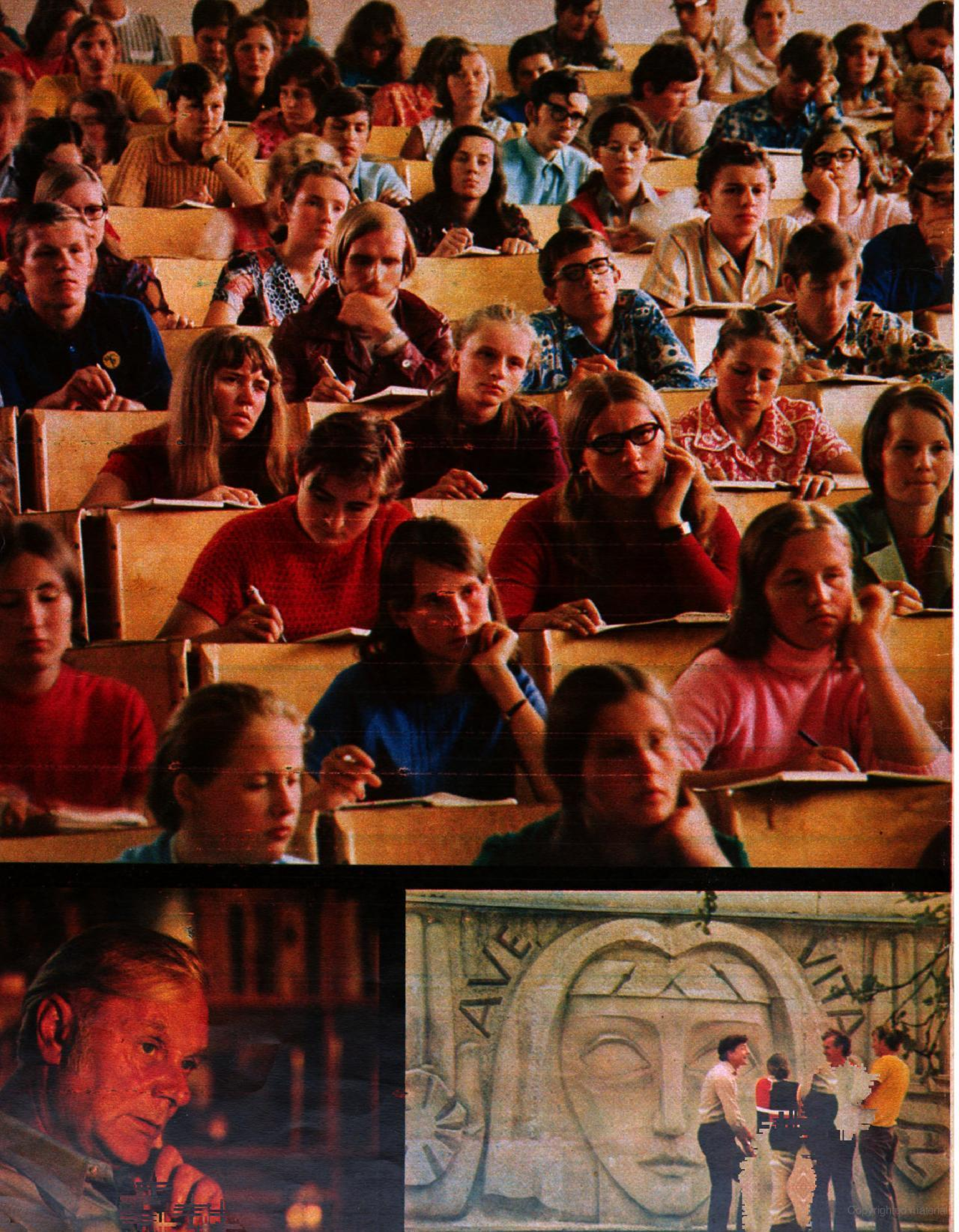
Пруд и парк в Паланге, в бывшем имении графа Тышкевича (два снимка внизу слева).

Все туристские пути скрещиваются у старой башни Гедиминаса в Вильнюсе.

AVE
VITA

сяч квадратных метров жилья, иначе говоря, построят еще один — четвертый — Вильнюс.

Разговаривая, мы словно в некой фантастической машине времени странствуем по разным Вильнюсам — из промышленного в художественный, из нового Лаздиная на улицы, помнящие невообразимую старину. Хотя почему же невообразимую? Вот идем мы с Александром Тимофеевичем по улице Антокольского в центре, раньше я что-то и не замечала этой улочки.

— Так она, как и все остальные, такие же старые, скрывалась под «культурным слоем»,— поясняет Александр Тимофеевич.

Реставраторы, историки, археологи, художники превратили улицу Антокольского в волшебную. Коваными фонарями, низкими сводами, окнами из цветного стекла она переносит нас в Вильнюс средневековых ремесленников. Здесь достоверны не только фасады, но и расположившиеся под низкими сводами магазины, где продаются изделия народных мастеров, обустроенные под старинные харчевни, кафе и дворики. Ах, эти крохотные, старые вильнюсские дворики, заросшие плющом и цветами, пахнущие дровами и свежевыстиранным бельем... Но Александр Тимофеевич качает головой — нет, не такими они должны быть. И мы идем в дворик, где, по предположениям историков, в двадцатых годах шестнадцатого века находилась Виленская белорусская типография, где «лекарских наук бакалавр и доктор» Георгий Франциск Скорина издавал свои знаменитые, с белорусским орнаментом на заставках и концовках книги. Дворик восстанавливали студенты — будущие художники, скульпторы: маленький, мощенный красным квадратным кирпичом, с серой гранитной скульптурой печатника, он магически уносит в атмосферу пергаментных свитков, гусиных перьев, раздумий о могуществе человеческого разума. Эта явственная, зримая встреча с далеким предком волнует...

А отсюда снова в самую гущу современности, в Институт проектирования городского строительства. Здесь я наконец знакомлюсь с женщиной, с которой намеревалась встретиться давно,— с Бируте Касперавичене. Почему именно с ней из всей могучей плеяды вильнюсских архитекторов-градостроителей? Ну, допустим, потому, что она женщина...

— Да,— соглашается со мной Бируте,— архитектор-градостроитель — это действительно мужская специальность. Конечно, я еще в школе любила и умела рисовать. Ну и что? Наверное, рисовала бы картинки в девчоночьи альбомы, как тысячи женщин до меня, если бы не время. Я ведь окончила Кедайняйскую гимназию в 1944 году, после освобождения, считайте, что уж после войны. Время наслоило на мою любовь к рисунку одну необходимость и одну возможность: необходимость строить и восстанавливать разрушенное войной и возможность учиться девушке там, где ей будет угодно. Вот я и «взорлила» — ринулась в Каунасский госуниверситет на архитектурное отделение. Наш выпуск был первым послевоенным, мы шли нарасхват! Я попала в Вильнюс, в архитектурную мастерскую. Вот парки — Вингис и Нагорный... Они разрослись теперь, но в их планировке мне приятно узнавать мои первые идеи, первые шаги. Иногда бываю в десятом квартале по проспекту Красной Армии — за этот проект я получила вторую премию Союза архитекторов СССР. Уже руководителем группы делала первый квартал на Антакальнисе. Потом была по-настоящему высокая ступенька — совершенно новый город Электренай, проектировала его вместе с архитектором Казимерасом Бучасом. И сразу вслед за ним — Жирмунай.

Слушаю Касперавичене и вспоминаю первое впечатление от Жирмуная. Однажды получилось так, что целый год не ездила в Вильнюс. Прилетела вечером, остановилась в гостинице «Гинтарас» на холме. Утром первым делом к окну — поглядеть, как в море старинных крыш мачтами высятся шпили костелов и над городом возносится башня Гедиминаса. И вдруг вижу: между пышно коронованным костелом и башней в старинном море крыш стоит ультрасовременный, как бы особый город в городе, полный чувства собственного достоинства, красоты и силы.

Каунас, институт сердечно-сосудистых заболеваний. Лекция по биохимии в Большой аудитории. Внизу справа: «Аве Вита!» — «Да здравствует жизнь!», барельеф у входа в институт.

Эдуардас Межелайтис.

— Что это такое вы тут построили?— спрашиваю пожилую женщину, дежурную по этажу.

— Это Жирмунай, новый микрорайон,— пояснила она и добавила: — Женщина проектировала, говорят, приезжая, откуда-то из провинции. Раньше, знаете, литовских женщин из провинции с особым удовольствием брали в прислуги — трудолюбивые и безответные были. Теперь за такое короткое время научились города строить, есть чему удивиться...

— Выбрать место для новостройки,— продолжает Касперавичене,— это самое главное, здесь творчество должно не то что подружиться, а накрепко сродниться с решениями рациональными, экономическими. Теперь Жирмунай стал, по существу, центром города. Раньше был холм с несколькими улочками — деревянные дома, рядом природа почти девственная — сосны, просвеченные солнцем, душистые травы. Думалось: как же вам тут будет, сосны и травы, среди каменных домов? Знаете, для архитектора это ведь нелегкие размышления — и городу надо быть и природу жаль. Решила, что и тому и другому надо быть. Решила: «поиграю» кварталами домов, оставив между ними поляны и группы сосен. За основу взяла московский проект пятиэтажных домов, к ним прибавила девятиэтажные дома нашего института. Эти, казалось бы, сухие горизонтали и вертикали таят в себе много разных возможностей, много разных вариантов, только не надо идти по линии наименьшего сопротивления.

Вот за это — за поиск оригинального в большом наборе стандартов, за отрицание линии наименьшего сопротивления — Бируте Касперавичене получила Государственную премию СССР.

Сейчас она проектирует новый район — Вершулишкес. С радостью, тревогой, волнением — он ведь и будет еще одним, четвертым Вильнюсом, он должен быть лучше, чем все предыдущие...

ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ В СЕРДЦЕ

Мне руки нужны...
И, чтобы слезу стереть со щеки,
Нельзя мне никак обойтись без
руки...
Э. Межелайтис.

Чтобы задержаться в этом красивом Каунасе, городе художников, музыкантов, студентов, всегда найдутся уважительные причины. Выбираем, вероятно, одну из самых уважительных — Научно-исследовательский институт физиологии и патологии сердечно-сосудистых заболеваний. А рядом — больница на тысячу коек.

Из трех каунасских светил, профессоров с мировым именем, присутствовал один — доктор медицины Альфредас Смайлис. Янушкевичюс и Бредикис были в отпуске.

Специальность Смайлиса — общая и грудная хирургия. А если более узко, то он занимается электрической стимуляцией и дефибрилляцией сердца. Что это такое?

Профессор начинает издалека.

— Это только так кажется,— говорит он,— будто болезни одолевают человечество. Просто мы узнали о них побольше, а раз узнали, значит, доконаем: не они нас, а мы их.

По правде говоря, мне хотелось поспорить с профессором, тем более что он чихал и вытирал нос платком. Но он настолько не придавал простуде значения, что самый безобидный юмор был бы неуместен. Это понятно. Ведь ежедневное, будничное дело профессора — отнюдь не насморк лечить: чужой или собственный. Его ежедневное дело — бой со смертью.

— В результате разных сердечных заболеваний,— рассказывал профессор,— иногда наступает фибрилляция сердца — такое тяжелое состояние, когда каждое волокно его мускулатуры дрожит и трепещет вразнобой. Есть разные способы медицинской помощи, очень эффективные. А когда и они бессильны, когда наступает клиническая смерть, на арену борьбы с ней выходим, а точнее сказать, выбегаем мы. Выбегаем потому, что каждая секунда дорога. Известно ведь, что электричество со времен Гальвани и Ботелли пытается помочь сердцу. Однако дело двигалось медленно, первый успех был достигнут в 1947 году американским ученым Беком. Теперь опыт накоплен у москвичей, у нас, у воронежцев. Мы после москвичей считаемся на втором месте. База у нас хорошая — тысяча коек под боком не у каждого НИИ найдется.

К счастью, несмотря на опасные для сердечников прыжки погоды от холода к жаре, случаев клинической смерти в больнице не было. Профессор Смайлис и кандидат медицинских наук Зенонас Дулявичюс спокойно занимались теорией и показать нам ничего, повторяю, к счастью, не могли. Они рассказывали:

— Самое сложное — это необходимость молниеносно оказаться на месте и применить комплекс реанимационных мероприятий — а этому у нас обучен весь персонал, такая у нас больница. Через сердечную мышцу пропускается сильный электрический разряд. Остановившееся было сердце «подпрыгивает», что ли, и с помощью массажа, инъекций, словом, целого комплекса реанимационных процедур входит в ритм жизни. Очень трудно. Да, иногда так тяжко бывает, что слов нет рассказать. И все же с помощью одного только электричества мы буквально с того света вытащили двести человек.

— Как они чувствуют себя?

— Неплохо. Наблюдаем за ними. Первый спасенный живет и здравствует вот уже десять лет.

Эта неотступная битва со смертью в Каунасе становится одним из главных направлений медицины. При НИИ организован подготовительный курс поступающих в медицинский институт. Большая, амфитеатром, аудитория битком набита. Идет лекция по биохимии. Вслушиваюсь в полузнакомый язык, понимаю: тема лекции — новые сердечные медикаменты и механизм их действия. Лица будущих студентов напряжены, серьезны. Да это и понятно: несерьезный человек не пойдет сюда, в самое пекло борьбы со смертью, где победа дается трудно. Недаром Каунасский институт является международным центром по изучению ишемической болезни сердца; недаром он представляет нашу страну во Всемирной организации здравоохранения.

ДЛИННЫЕ ПЛЕЧИ

Это право за мною —
Волноваться с волной
И сливаться с волною...
Э. Межелайтис.

К синему морю мы едем по зелено-золотому морю — так выглядит Литва летом, в пору созревания хлебов. Впервые по этой же дороге я проехала двадцать лет назад. По этой же и совсем по иной: та была сырая, глинистая, машина была в диковинку, и, когда мы застревали на скользких подъемах, крестьяне без зова подходили и уважительно подталкивали нас. На холмах вдоль дороги повсюду виднелись высокие темные деревянные католические кресты, и от этого Литва с небогатыми ее тогдашними хуторами казалась грустной.

Теперь в глубине хлебов белеют сельскохозяйственные сооружения; теперь у дорог появились новые поселки, дома с широкими окнами. На холмах уже давно нет трагических крестов — их унесло потоком жизни, теперь здесь иные памятники. Всему миру известна скульптура Литовской Матери в Пирчюписе: стоит с платочком в руке и за всех матерей, уже ушедших и еще живых, всегда будет стоять и помнить невернувшихся сыновей. На перекрестке Кришкальнис появилась еще одна скульптура: молодая женщина в литовской одежде с дубовой ветвью в руках стоит над дорогой. Здесь в год освобождения встретились наступавшие с разных сторон на врага подразделения Советской Армии; теперь тут высятся стелы с надписью: «Литовский народ — Советской Армии-освободительнице». И нет дня, чтобы не остановились здесь люди, не принесли бы сюда цветов в знак благодарности...

Летят и летят среди холмов и хлебов по отражающему небо накатанному асфальту разноцветные автомобили. Кто едет, откуда? Всматриваюсь в номера: Москва, Ленинград, Минск, Вильнюс, Каунас — едут люди на отдых в золотую Палангу. Останавливаются у памятника, складывают к подножию заранее припасенные цветы. Вот двое светленьких «Жигулей» остановились, еще без номеров — вид-

но, какие-то счастливчики только что обзавелись собственным транспортом.

Море в Клайпеде, кажется, не очень-то воспето поэтами, все песни и лавры больше достаются морю в Паланге. А клайпедская волна радужна от мазута, клайпедский берег пахнет мокрыми канатами, солярной и рыбой, и никакого голубого простора не видно — весь заслонен кораблями. Куда вы плывете теперь, литовские суда?

Впрочем, насчет «теперь» — вопрос чисто риторический. До Советской власти Литва никаких кораблей, кроме гребных и парусных лодок, не имела, а на них далеко не уплывешь, так что самым высоким уловом рыбы в довоенной Литве считался улов 1936 года: 46 тысяч центнеров. Улов этого года оставил тот уровень далеко позади.

Не было судов — естественно, не было и порта. Его строительство началось в 1949 году на месте беконной фабрики и двух лесопилок. Теперь Клайпедский порт стал самым крупным в Прибалтике. В кабинете Юрия Филипповича Орлова, начальника портового радиобюро, висит на стене карта, на ней видно, в каких водах находятся суда. Здесь не только видно, но и слышно — по радио, конечно,— как они живут: круглосуточно работают каналы связи. Женя Касимова — одна из лучших здешних радисток. Сняв наушники, она стала рассказывать нам, что собирается поступать на курсы тренеров по гимнастике, ей жаль порывать со спортом. Но и с дальними рейсами литовских кораблей, что на языке транспортников называются «длинными плечами», ей совсем невозможно расстаться. Поэтому на тренерских курсах она собирается заниматься заочно.

— У нас здесь такие радистки работают, вы себе представить не можете!— говорит Женя.— Анна Александровна Поспелова в войну была радисткой партизанского отряда. Бригадир наш, Роза Даниловна, молодая совсем женщина, а стаж работы больше, чем возраст нашего порта... Хочется быть похожей на них.

...Толпятся у клайпедского берега разные суда. Яблоку упасть негде, можно бы сказать, если бы яблоки не падали в саду на территории клайпедского судостроительного завода «Балтия», на том самом месте, где двадцать лет назад я блуждала в строительном хаосе.

— Наверное, никого уж и не найду теперь из тех, кто строил завод и начинал работать?— спрашиваю я работников парткома.

— Найдете, и не одного,— отвечают мне и тут же представляют газосварщика Антанаса Кикиса. А я его не помню.

— И не мудрено,— усмехается Кикис,— я тогда фэзэушником был, ходили мы все в одинаковой форме и, по правде говоря, по-деревенски побаивались этого грохота, этих громадных «выкроек» из железа.

Побаивались, но кроили. Теперь о той боязни вспоминают с усмешкой.

А гигантский цех грохочет. «Выкройки», поднятые кранами, проносятся высоко над головой. Молниями вспыхивает в разных точках цеха сварка. Рождаются корабли. И какие! «БМРТ» — большие морозильно-мучные рыболовные траулеры. Они ловят и в своих холодильных установках тут же замораживают рыбу, а непромышленную превращают в муку. Еще «ПСРТ»—посольно-свежевые рыболовные траулеры. И еще — могучие ремонтные доки.

— Как же вы прожили эти двадцать лет?— спрашиваю Кикиса.

— Можно долго рассказывать,— откликается он,— а можно и совсем коротко: хорошо. Работа моя тонкая, ответственная, волнения — каждый день, а другой я не хочу.

— Еще бы!— добродушно комментирует кто-то из сварщиков за спиной.— Знаете, почему он сегодня такой растроганный? Вчера из Вильнюса новенькие «Жигули» пригнал!

— Светлые, без номера? — спрашиваю.

— Так точно,— весело говорит Кикис. Таким образом, он оказывается мне дважды знакомым.

За индустриальной, масштабной Клайпедой, в Паланге,— вот где предлагает литовское побережье Балтики отдых во всех его ипостасях, от санаториев до теплых дюн, от коричневого загара до посинения в воде, от грохота шторма до тишины парка бывшего графа Тышкевича, где плавают лебеди и томно вздыхают бледные розы и где в бывшем замке, теперь Музее янтаря, всеми оттенками золота мерцает древний, завораживающий камень...

С солнечного Палангского аэродрома мы взмываем в прибалтийское небо, чтобы через полчаса оказаться в залитом ливнем, но тем не менее функционирующем по графику Рижском аэропорту...

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

СЛОВО О ПОЭТЕ

Николай ТИХОНОВ

Выдающемуся народному поэту Дагестана, лауреату Ленинской и Государственной премий Расулу Гамзатову исполняется пятьдесят лет.

Как и дагестанская горная страна, аварская поэзия имеет свои вершины. Такими вершинами является поэзия Чанка, прославленного лирика из аула Батлаич, поэзия несравненного Махмуда из Кахаб-Росо, автора знаменитой поэмы «Мариам», и великолепное творчество народного поэта Гамзата Цадасы из аула Цада, отца Расула Гамзатова.

Расул Гамзатов, являясь прямым наследником народного поэтического слова, продолжил высокие традиции своих предшественников, сам стал народным поэтом нового Дагестана, воспев мир преображенных гор, сделав героем своих стихотворений и поэм нового человека — строителя социалистического общества, борца за новые чувства, героя мирных и боевых достижений, для которого чуждо все отжившее, обветшалое, близко все стремящееся в высоту, все, что украшает человека нашего времени.

Он прекрасно сознавал свою большую ответственность, вступая в мир поэзии. Он помнил советы своего мудрого учителя Гамзата Цадасы, глубоко почитал поэтический его подвиг, знал, что старый певец бесстрашно боролся своими стихами со всеми темными силами старого мира, восторгался победой Октября, славил труд и хотел, чтобы сын продолжил его дело, но обратил свой поэтический взор на нового героя, на новую жизнь, открывающую широкий простор всему радостному и прекрасному. И Расул Гамзатов доказал своими произведениями, что он стал истинным наследником своего отца, что он вышел за пределы родного края, и его стихи стали широко известными не только в пределах Советской Родины, но и далеко за рубежом.

И в ранней своей юности он жадно знакомился с огромным вековым наследством классической литературы и, как он сам признается, его любовью на всю жизнь стал солнечный гений — Александр Пушкин.

Рядом с Пушкиным со временем встает поэтический великан, воспевший победы Октября,— Владимир Маяковский, который зовет в будущее громоносными строфами своих революционных стихов.

И вот новое начинает рождаться так стремительно и сильно в поэзии Гамзатова, что он сам чувствует прилив необыкновенных сил, которых запас неисчерпаем. Он берется за темы, достойные уже большого мастера.

«Горцы у Ленина» явились благородным сплавом народных легенд и вдохновенным образным утверждением поэта.

Книга его «Земля моя» говорила уже о том, что советская поэзия получила новый голос, который отличен от многих и свидетельствует не только о новом явлении аварской поэзии, но слышен в обширной семье молодых национальных поэтов.

Чем дальше развивается творчество Расула Гамзатова, тем богаче его тематика, тем ярче становится его образность, тем шире звучание его лирического голоса.

Если бы мы взяли его «Разговор с отцом», то всем стало бы ясно, что напиши он одну только эту поэму, и мы признали бы его большим поэтом, потому что в этой поэме с острой искренностью и вдохновенно рассказано о самой его главной страсти, о самой главной направляющей идее — о служении правде, жизни, народу. Продолжением этой темы служит и цикл «Стихи о Гамзате Цадаса». И как бы завершением этих поэтических раздумий является стихотворение большой внутренней силы — «Цадинское кладбище», в котором поэт от воспоминания о скромном месте последнего упокоения земляков возвышается до большого поэтического обобщения, говоря о могилах героев Великой Отечественной войны, похороненных вдали от родных мест; среди этих могил есть и могила его родного брата — Магомеда Гамзатова.

Его аульные соседи вышли на огромный простор героического подвига как современники мировых событий эпохи.

Лирический запев Расула Гамзатова многообразен и благодаря творческому труду его неутомимых переводчиков, в первую очередь Н. Гребнева и Я. Козловского, стал известен самому широкому читателю.

Все его книги и среди них «Год моего рождения», в «В горах мое сердце», «Горянка», «Поэмы» говорят о том, как непрерывен рост поэтического таланта, достигшего полной зрелости и обещающего многое.

Книга стихов «Высокие звезды» удостоена высшей награды — Ленинской премии — в 1963 году.

Во всех своих книгах Расул Гамзатов выступает как певец-гуманист, защищающий дружбу людей, братство народов, воспевающий чистоту человеческих чувств, интернационализм, бесстрашие и мужество.

На X Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине среди других произведений прозвучало имевшее большой успех стихотворение «Журавли», положенное на музыку.

Особое место в поэзии Гамзатова имеет тема борьбы за женское равноправие, за право любить. В предреволюционное время посвящали свои стихи этой теме многие дагестанские поэты. Особенно известна поэтесса Анхил Марин, которую называли «сладкогласной». Могучий лирик Махмуд из Кахаб-Росо воспевал всю жизнь любовь, свободную от цепей адата. Но в поэме Расула Гамзатова «Горянка» прозвучал совсем другой мотив. Борясь со всеми трудностями и бытовыми преградами, героиня Расула Гамзатова побеждает в этой борьбе. Его героиня Асият побеждает силой своей воли, своим устремлением к свету, свободе.

Новая эпоха идет на помощь. Кончаются мрачные картины прошлого. Сегодня в Дагестане социалистическом, передовом, даже в самом отдаленном селении, затерянном в горах, знают, что делается в мире, все грамотны, и уже не одинокие лампочки светят по вечерам в горах. Люди многих современных профессий — земляки поэта, и он рад такому преображению своего родного края, и его стихи о любви и о дружбе поются молодежью, как пелись стихи чудесного Махмуда в свое время. Расул Гамзатов пишет стихи самого разного содержания. То это чистая любовная лирика, то это рассуждения, то это афоризмы с тонкой народной иронией, то это рассказы-притчи, то это сатирические стихи, полные мудрой, веселой ярости.

Он хочет внести новизну в самые глубины аварского стихосложения. Недавно он опубликовал Книгу сонетов на аварском языке. Он понимает всю трудность этого, но он не боится, он заявляет: «Я надеюсь, что мои земляки не будут сетовать на меня и на мои сонеты за непривычное горскому уху название. Брак аварского стиха с европейским сонетом — это брак по любви, и в нем не было никакого насилия. Здесь я на своем коне и у своей калитки».

В своем открытии мира Расул Гамзатов посетил много стран. Был он и на далекой Кубе и во многих краях Востока, хорошо знакомы ему государства Европы, в том числе страны социалистического содружества. Друзей у него несчетное количество, и он держит с ними самую сердечную связь.

Он старый борец за мир, и его стихи — лучшее доказательство его поэтического служения делу мира и дружбы народов. Он же, помимо поэзии, занимается и государственными делами. Расул Гамзатов — депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета СССР. Его популярность на родине, в горах, и по всему Советскому Союзу огромна.

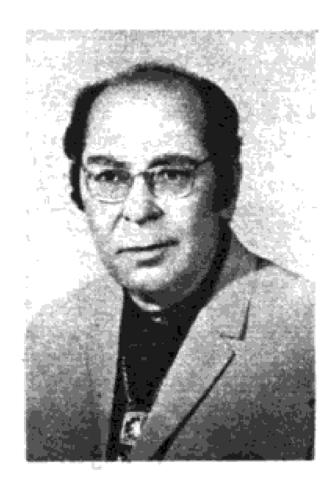
Недавно, выступая в сборнике «О партии слово», изданном «Советской Россией», он так назвал свое выступление: «Уверенность».

Он сказал: «Это крепкое слово — уверенность. В своих силах — уверенность. В победе — уверенность. В непоколебимой правоте нашей, дум наших, дел наших, наших мечтаний».

И эта уверенность живет в нем, воспитанная всем содержанием жизни нашего социалистического общества, всей историей развития передовых направлений нашей поэзии, как залог того, что еще много замечательных произведений создаст талант Расула Гамзатова, так преданно служащий человеку, народу, миру.

В МОИХ ЗРАЧКАХ ОСТАНЕТСЯ ТВОЙ СВЕТ

Абд ар-Рахман аль-ХАМИСИ

ТАШКЕНТУ

Ташкент — белокрылая дева,
восточное диво,
старинная чаша хмельного вина.
Весенний дневник, где строки
чертила звезда Надежды.
Ташкент — голубой колодец.
Под солнцем старинного зноя
он утоляет жажду,
золотым питает сияньем
живые сердца людей.
Ташкент — это нежная дева.
К ее белопенной улыбке
на огненных крыльях счастья
я прилетел,
и сердце светилось,
как небо
белого утра,
открытого всем зрачкам.
Ташкент — это дева
с пронзительными очами.
В сумраке звездном
плели мы кружево танца
под музыку
чутких деревьев.
Кружились, кружились,
пока рассвет не рассеял темень,
и бессонница не простилась
с влюбленными в парках,
и высоту не пронзила
золотистая быстрая птица.
Тогда мы вдвоем зашагали
навстречу лучам восхода.
И ты чуть слышно смеялась,
заре протянув ладонь...

* * *

В моих зрачках
останется твой свет.
В родных садах
среди цветов Египта
сверкающий жасмин
повеет на меня
дыханием твоим,
и захмелею я
и прошепчу,
лицо склонив
над лепестками:
Ташкент,
в моей груди живет
любовь
к тебе.

О ТЕБЕ

Памяти жены.

В твоих очах рожденный,
очами твоими жив.
Истерзанный ветром
скитаний,
с комом тоски в груди,
к тебе приходил я, чтобы
согреться под взглядом твоим.
Ресниц утешающий шепот,
свеченье и нежность зрачков
мои выпрямляли плечи,
надеждой питали кровь.
И губы касались робко,
и плачи сливались в один,
прозрачный, утешный и сладкий,
смывающий с сердца тоску.

Не угасай,
огонь воображенья,
а то пойму:
пусты мои объятья,
и сердце вскрикнет громко
и очнется,
и в нем не будет места для надежды.
И воздух утра станет беспросветным.
В беспамятстве вечерний сумрак встречу
и, как незрячий, вновь пойду
на площадь,
сквозь время протянув к тебе ладони.
Лишь пустота овеет руки,
и слезы жаром щеки обожгут...

Безумная агония прощанья
с притихшей комнатой,
куда пришла навеки,
которую покинула внезапно.
Углы пустые лампа освещает,
сиротство стульев, нищету стола
и в зеркало глядящее безмолвье.
И лишь бокал отчаянно сверкает
остатком влаги в светлом хрустале
да отпечатком чудного дыханья...
И это все, что твой уход оставил.

КУМИР МОЙ

1

Был бы я светом,
скользящим
над горизонтом,
словно жнец,
я собрал бы
колосья лучей
и горячей рукой
выжал из них бы
голубое сиянье —
яркий пламень,
летящий
по жилам моим,
чтобы этим огнем освещать
твою поступь, отчизна!

2

Был бы я ночью
чуткой и зоркой,
я бы чернотой
насурмил твои брови,
чтобы они над озерами глаз,
словно ласточки, взмыли...
Был бы ночью
нежной, бессонной,
запеленал бы тебя в объятья
и баюкал бы, как ребенка...
Был бы я ночью...
Я раскрою тебе
свои мысли,
ввысь уходящие,
будто птицы,
чтобы сердце твое
вслед за ними рванулось.

3

Был бы я молотом,
дерзким железом,
сбил бы я с ног твоих
путы стальные,
чтобы шагами
украсила
Землю:
Ей так одиноко
без них.

4

Был бы я меткой винтовкой,
Я зарядил бы себя,
Чтобы расправиться
с мраком.
Пусть с выстрелом
каждым
становится день мой
короче!
Вздох последний отдам
отчизне и человеку!

Перевел с арабского
Георгий АШКИНАДЗЕ.

Юр. ЗУБКОВ

Три года обязан проработать молодой специалист на предприятии, куда направлен по распределению после института, Саша же Муромцев работает всего полгода, а неприятностей от него сверх головы. Рационализаторские предложения сыплются от молодого инженера одно за другим, да все такие, от которых у начальника цеха давление наверняка подскочит, а настроение понизится... То Муромцев бьет в набат: некуда готовую продукцию вывозить... То сам замораживает ее в цехе — сделали его председателем комиссии по охране памятников старины, а склад-то, оказывается, размещен в памятнике архитектуры XVII века... Проводится на заводе рейд по борьбе с опозданиями — и снова Муромцев недоволен, снова протест: шестьдесят участников рейда по полтора часа не работают, ожидая пятерых опоздавших... Как хоть на время избавиться от этого «чудака человека» — тщетно ломают головы главный инженер и главный технолог завода, начальник цеха и председатель цехкома... Должность другую — с прибавкой в зарплате — предлагают, внеочередной отпуск, командировку во Францию — Муромцев от всего отказывается.

«Чудак человек» — так и называется пьеса молодого журналиста В. Азерникова, поставленная на сцене Театра сатиры М. Захаровым. Это уже второй дебют В. Азерникова за минувший сезон на московской сцене. Как и в пьесе «Третьего не дано», поставленной Театром имени Моссовета, автор привлекает внимание к явлениям, мешающим производству интенсивно двигаться вперед. Только если в пьесе «Третьего не дано» события носили драматический характер, то здесь автор определяет жанр иначе: сатирическая комедия. Орудием смеха бичует он недостатки производства и людей, ставящих свой личный покой, свое благополучие выше интересов завода и государства.

Кстати, беспокойство доставляет Муромцев не только заводскому и цеховому начальству, но и родителям девушки, которую любит. Поначалу очень им хочется, чтобы дочь их Марья вышла за Муромцева замуж: он по распределению оставлен в Москве, значит, и она после окончания института останется возле родителей. Однако Марье брак по расчету не совсем по душе. А когда выясняется, что оба они любят друг друга, Муромцев идет в комиссию по распределению и заявляет, что согласен ехать туда, куда получит назначение Марья.

Это заявление уже никого не радует. Не в силу того, что руководители цеха перевоспитались за это время и приняли сторону Муромцева,— нет, просто они тоже видят, что перемены, какие приносит с собой этот человек, рождены **временем**: от них никуда не уйдешь!.. В сатирическом плане В. Азерников ставит и рассматривает проблемы, которые и сам он в пьесе «Третьего не дано» и Г. Бокарев в «Сталеварах», И. Дворецкий в «Человеке со стороны» освещали в жанре драматическом.

В спектакле Театра сатиры заняты актеры А. Ширвиндт, З. Высоковский, М. Державин, создающие острые сатирические портреты. М. Державин играет родителя Марьи безропотным рабом забот и волнений своей супруги (Н. Феклисова), стремящейся свое чадо любой ценой удержать возле себя... З. Высоковский исполняет две роли — начальника цеха и председателя месткома. Один его герой труслив и горлодерист, другой... Впрочем, простите, другая... Цеховой комитет возглавляет женщина, и вот она-то нахраписта и вульгарна. Мгновенная трансформация, переход из одного образа в другой происходят на глазах. Главное для актера — изменение ритма внутренней жизни «героя», а что касается костюма,— он его даже и не меняет, только клипсы крупные прикрепляет к ушам да берет в руки большую сумку... На долю же А. Ширвиндта выпала встреча с тремя образами — главного инженера, главного технолога и зам. по кадрам. И каждый из них в воплощении актера вполне определен и активен, пронизан его гневом и злостью. Правда, все эти портреты носят у автора плакатно-обобщенный характер, подробной социально-психологической разработки они в себе не содержат.

Заслуживают добрых слов и другие участники спектакля: Р. Ткачук (директор — человек на заводе новый, зорко вглядывающийся в происходящие события, стремящийся постичь их суть) и В. Байков (дядя Коля, олицетворяющий собой мудрость народную)... Главный же успех спектакля связан с тем, как А. Левинский играет Муромцева; играет человека с глазами широко, по-детски открытыми на мир. Нет в нем ни упрямства, ни строптивости. Просто он — бессребреник и энтузиаст — не может жить по-другому. Автор назвал его чудаком. Да, Муромцев из породы чудаков, только он не противопоставляет себя, как в иных пьесах и спектаклях, обществу, государству.

Сатирическое и лирическое сплавлены в спектакле воедино. Никто из его участников не переступает границы, за которой нарушилась бы правда внутренней жизни героев.

Муромцев ведет бой на сцене с носителями косности, равнодушия, потребительского отношения к жизни в одиночку. Но пьеса и спектакль пронизаны ощущением, что одиноки-то все же главный инженер и главный технолог, начальник цеха и председатель цехкома, а за ним, молодым инженером, правда времени. Поступки Муромцева рождены духом святого беспокойства, вечного творческого поиска, который бросает свой отблеск на характер героя, на его внутренний облик. Это и делает спектакль тем «сильным средством», тем «внутренним лекарством самокритики», которое Вл. Маяковский рекомендовал принимать «против внутренних неполадок».

Именно этого духа времени, на мой взгляд, недостает другому комедийно-сатирическому спектаклю — «Старый новый год» М. Рощина в Московском Художественном театре.

Автор и этой комедии довольно точно подметил и обрисовал недостатки, мешающие нашему обществу в движении вперед: с одной стороны, накопительство, страсть к вещам, их обожествление, с другой — анархическое своеволие, отказ не столько от тех благ, которые дает человеку общество, сколько от своих обязанностей перед обществом, от чувства личной ответственности перед ним. Точно подметил и передал автор и то, что эти явления, внешне полярные, на самом деле представляют собой разные стороны одной и той же медали.

Несут на себе определенную смысловую нагрузку уже фамилии главных героев: рабочий фабрики игрушек Себейкин и ученый в области усовершенствования унитазов Полуорлов. Один — все себе, а другой — не орел, а лишь наполовину... «Философствует» первый: «За все отвечать — дураков нету... Снегоочиститель и тот на себя гребет... Мы рабочий народ, так? И как есть наша страна рабочих и крестьян, то пускай, значит, нам чтоб это... Чтоб все в ажуре... Когда все есть, тогда ты человек!..» А второй, у которого «тему закрыли»: «Я не желаю участвовать... Без меня, пожалуйста! Без меня... Ни тебе ученых советов, ни тебе конференций, никто тебя не учит... Свобода!».

Не замечают ни Себейкин, ни Полуорлов, что исповедуемые ими жизненные «принципы» чадами их, можно сказать, доведены до абсурда. Вопит одиннадцатилетняя дочь Себейкина: «Зачем они моего медведичку взяли... Не трогай мои игрушки!.. Мое пианино! Мое!..» И столь же категоричен и определенен в поступках ее ровесник Федя Полуорлов: «Надо делать то, что хочешь, а чего не хочешь, не надо делать!.. Я и в школу завтра не пойду! Свободу учащимся четвертых классов!..» Папаши оба — тот и другой — готовы схватиться за ремень, но что ж на зеркало пенять, коли рожа крива!..

Сначала события развиваются в семье Себейкиных, позднее в семье Полуорловых. Затем — параллельно. И, наконец, оба героя после обильной выпивки под «старый новый год» встречаются в бане... Тут-то и обнаруживается, сколь родственны между собою их души. Они трусливо переадресовывают женам прописные мещанские истины, авторами которых являются сами. Откровенно изрекают они с похмелья свои эгоистические, антиобщественные взгляды...

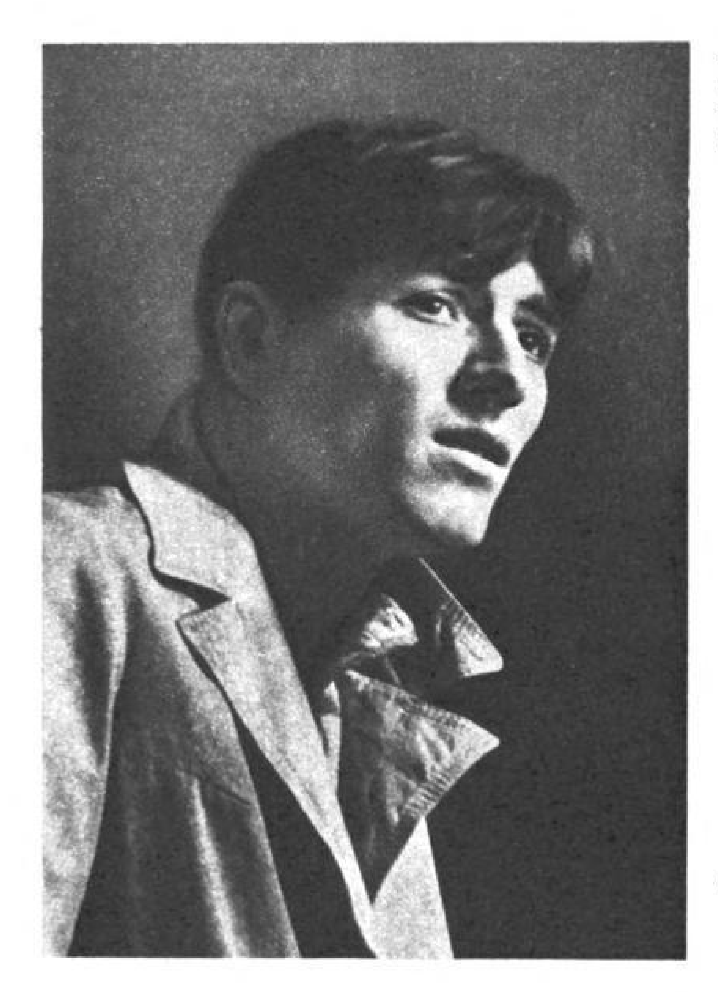
Все это узнаваемо, все бьет в цель. Нет только ощущения **единичности** этих явлений в социалистическом общежитии, их враждебности нашей действительности, нравственным нормам нашей жизни.

И дело здесь не в том, что в пьесе В. Азерникова есть положительный герой, а в пьесе М. Рощина — нет. Если идти этим путем, то и В. Азерникова можно упрекнуть: почему, мол, Муромцев один, а персонажей, ему противостоящих, несколько. Не в количестве суть. И даже не в наличии или отсутствии непосредственно на сцене положительного героя. Дело в передаче атмосферы нашей действительности, в том, насколько ощутима она в пьесе и спектакле.

Осмысливая особенности своей работы над комедией М. Рощина, постановщик спектакля «Старый новый год» О. Ефремов говорит, что драматург, режиссер и актеры не ставили перед собой задачу убить смехом своих «героев». «Мы сурово разоблачаем их вначале, но затем заставляем их самих познать себя, прийти к иным жизненным взглядам. И тут в спектакле сатира кончается и идет уже просто комедия. И хотя мы все не очень верим их покаянию, тенденция к выздоровлению все же ощущается довольно четко. Все это потребовало сложной стилистики спектакля. Во второе действие вошли чисто комедийные трюки: мы хотели, чтобы они вызвали уже не злой, а сочувственный смех зрителя, чтобы зал испытывал здесь к нашим «героям» хотя бы начало симпатии».

Здесь и обнаруживается, пожалуй, самое слабое место спектакля. В том-то и дело, что в последней картине, происходящей в бане, и

«ВНУТРЕННЕЕ ЛЕКАР

А. Левинский в роли Муромцева в спектакле «Чудак человек»

Фото Л. Хлюппе.

Себейкин и Полуорлов теряют укрупненные, сатирически заостренные черты и превращаются в обыкновенных, в общем-то довольно милых ребят. И если мы согласимся с утверждением постановщика: «Мы все не очень верим их покаянию»,— то откуда же тогда берется эта самая «тенденция к выздоровлению»?.. Мы тоже в нее вместе с режиссером спектакля не верим!.. Иное прочитывается в финальной сцене. Театр вместе с автором как бы говорит: мы показали вам ранее наших «героев» укрупненными, а вот теперь они перед вами в своем натуральном обличье. Вспоминаете знаменитую рекламную летучку Вл. Маяковского к «Клопу»: «Но только не злись на шутки насекомого. Это не про тебя, а про твоего знакомого»?

Но все дело в том, что четыре с половиной десятилетия назад, когда Вл. Маяковский создавал своего «Клопа», иным было соотношение сил в нашем обществе. Из многих щелей лезло «мурло мещанина», готового схватить революцию за горло.

Разумеется, и сегодня снова возникает вопрос о соотнесенности себейкиных и полуорловых с нашей действительностью. И не об отдельных достоинствах и недостатках пьесы и спектакля идет сейчас речь. И даже не в их соотношении друг с другом суть вопроса, а в том, насколько выражается наша действительность средствами ее сатирического изображения автором и театром. В том, насколько это изображение содействует ее утверждению. Н. В. Гоголь, делая единственным «честным благородным лицом» «Ревизора» смех, вольно или невольно становился на позицию ниспровержения тогдашней действительности. Советский сатирик, клеймящий недостатки, встречающиеся в нашей действительности, не может не стремиться к ее **утверждению.**

В спектакле заняты превосходные артисты: Е. Евстигнеев, В. Невинный, Е. Ханаева, В. Калинина, И. Мирошниченко и другие. И все же применительно к театру, к особенностям его художественной стилистики не в оценках отдельных работ — суть вопроса. А в том, насколько спектакль верен мхатовской традиции социально-психологического исследования явлений жизни; насколько развивает и обогащает ее? Можем ли мы поставить эту работу театра в один ряд с такими его сатирическими спектаклями, как «Горячее сердце» и «Мертвые души»? Иная здесь стилистика, иная глубина, вернее, броскость, подменяющая глубину, подробную психологическую разработку образов, их типизацию.

Могут возразить: авторы, дескать, несопоставимы!.. Что ж, с этим трудно спорить. Но не напомнить театру о критериях требовательности и к своему репертуару и к его воплощению, которые всегда были свойственны ему в лучшие годы, нельзя.

Некоторые критики, в частности А. Свободин и К. Щербаков, года полтора назад, в связи с постановкой горьковских «Последних», писали о привнесении О. Ефремовым в актерское искусство Художественного театра новой современной эстетики. Нуждается ли, однако, Художественный театр в этом «привнесении»?.. Я отнюдь не собираюсь брать под защиту некоторые нынешние мхатовские спектакли, которым недостает той психологической глубины и эмоциональной силы, что всегда отличали работы его основоположников. Мысль в ином. Спектакли, подобные «Старому новому году», скорее отступают от традиции Художественного театра, нежели развивают ее. И отступают в сторону далеко не самую глубокую и содержательную.

Традиции Художественного театра сегодня развивает спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», вышедший на сценические подмостки в одно время со «Старым новым годом».

Не собираюсь сравнивать их между собою. Пьеса М. Рощина и гениальная комедия А. Н. Островского... Слишком уж очевидна их несопоставимость — ни по степени обобщения социальных и нравственных явлений, ни по таланту и мастерству. Но обе они поставлены на сцене одного и того же театра. И те слова, которыми критик И. Вишневская заканчивает свою рецензию на постановку гениальной комедии Островского: **«Во МХАТе — как во МХАТе...»** — передают, мне кажется, самую суть вещей. Самую суть проблемы сохранения и развития мхатовской традиции.

Дело даже не в параде актерского мастерства как такового. Дело в масштабах режиссерского (постановка В. Станицына) и актерского мышления, в глубине и содержательности тех обобщений, которые содержит в себе их искусство.

В самом деле, кажется, что М. Яншин, играющий Мамаева, ничего «не делает» на сцене. Вроде остается он самим собой, таким, каким мы знаем его по многим спектаклям. Но какое же могучее и грозное сатирическое начало заключают в себе эти привычные его достоверность и мягкость! И в плане ретроспективном — выбитый из седла крепостник-делец, пытающийся приспособиться к новым условиям, и в плане современном — обыватель, демагог, одержимый стремлением остановить движение жизни.

М. Прудкин, кажется, сконцентрировал в своем отставном генерале Крутицком все вожделения и надежды ретроградов — встать на пути прогресса, высмеянное замечательным сатириком стремление «тащить и не пущать». А то обстоятельство, что в сценах с Турусиной в герое М. Прудкина оживает былое сластолюбие, лишний раз подчеркивает всю фальшь этого невежды и лицемера, стремящегося, чего бы это ни стоило, непременно быть на поверхности жизни.

Совершенно неожиданно сыграла А. Зуева роль Манефы. Не этакую квашню, что «пришла да села», какой рисовала ее в свое время знаменитая В. Массалитинова на сцене Малого театра, а визгливую полупьяную бабенку. Исполнение пронизано мыслью, что другой-то Манефы-«предсказательницы» они — все эти корыстолюбивые и эгоистичные турусины и глумовы и не стоят!

Характеризуя спектакль, можно перечислять одну актерскую работу за другой: О. Стриженов (Глумов) и Л. Губанов (Городулин), К. Головко (Турусина), Г. Калиновская (Мамаева), С. Пилявская (Глумова)... Все образы пронизаны значительной современной мыслью. Отвергая действительность глумовых и крутицких, мамаевых и городулиных, обличая мамаевщину и глумовщину как явления не только социальные, но и нравственно-психологические, не утратившие своей живучести и в наше время, они утверждают высокие моральные принципы человеческих взаимоотношений.

На примере талантливой, мастерской постановки классической комедии мы снова убеждаемся в том, что сатира всегда остается сильнодействующим средством, важно только, чтобы диагноз был поставлен точно и рецепт прописан безошибочно.

Постановка «На всякого мудреца довольно простоты» сразу же и прочно входит в арсенал мхатовской классики. И это радостно: жив Художественный театр, наше национальное достояние, гордость нашей культуры,— живы, нетленны его традиции.

СТВО САМОКРИТИКИ»

СТАРЫЙ ПЕТУХ БЫЛЫМ-ГОТОВЫХ

Пшимаф КОШУБАЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Н. УШАКОВА.

Если вы и не знаете самих Былымготовых, то наверняка слышали про их петуха. Что там ни говори, старый этот петух — птица и правда необыкновенная, и слава о нем идет в ауле недаром. Быть в доме прибытку — он оповестит об этом заранее, случиться беде — тоже обязательно предупредит. Можно напрочь забыть дорогу к гадалке, если во дворе у тебя гребет под ногами да спокойно себе поклевывает такой петух.

Раз-другой туго ударит он своими красными крыльями, громко запоет, повернувшись к дому, и Молехан уже ни капли не сомневается, что к Былымготовым спешит радость... Но если он глухо закричит прерывистым голосом, если, глядя на улицу, нахохлится и вытянет голову, словно отгоняя беду, то... нет, поздно! Уже слишком близко она от двора.

— А, чтоб тебя холера взяла! — ворчит тогда Молехан и веником сбивает петуха с плетня.

В этот день петух важно подошел к двери дома, покосился рыжим глазом, потом неторопливо прошелся туда-сюда, как будто раздумывая, и снова остановился напротив распахнутой двери, у которой стояла Молехан. Сначала распушил и аккуратно собрал на шее и груди красные космы, словно хотел хорошенько приготовиться, а потом вскинул голову и радостно закричал, раз, другой, третий!..

Пока он сулил радость, Молехан руками боялась всплеснуть, чтобы не спугнуть петуха. Морщинистое лицо ее прямо-таки помолодело, забытой нежностью засветились глаза.

— Счастье, счастье давай, мой ты красавец! — прошептала она горячо.— Если правда добрая весть,— в долгу не останусь.

И весть не заставила себя долго ждать.

Вечером Молехан слегка вздремнула, сидя на своей кровати, и в это время в соседней комнате загрохотало, как в небе перед дождем. Перескакивая через катившееся ведро, в комнату влетел соседский мальчишка.

— Дай награду за добрую весть, тетя Молехан! У вас в доме невеста!

— Что ты сказал? — От удивления и испуга глаза ее так и застыли.

— Я сказал, что ваш Масхаб женится! И, знаете, на ком? На дочке Зузы Меретуковой — вот на ком!

И тут лицо у Молехан снова слегка помолодело, а рот расплылся в довольной улыбке.

— А ты ничего не перепутал?

Если Масхаб женится на дочери Зузы Меретуковой, это другое дело. Сколько раз, засыпая, представляла себе Молехан, как сын ее вводит в родительский дом именно ее, гордую красавицу Нафисет! Даже слова, которые она скажет тогда будущей невестке, Молехан давно уже знала наизусть: «О, самая красивая из красивых, самая скромная из скромных, будь счастлива в нашем...»

А петух-то, петух!

Известное дело, куры устраиваются на ночь очень рано... Ну, что ж, придется подождать до утра!

Чуть свет поднялась Молехан на следующий день. Открыла загородку, и старый ее петух выскочил первым. Она быстро захлопнула за ним дверь. И куры, ничего не понимая, толклись у порога и обиженно клохтали, а Молехан, одна посреди двора, неторопливо рушила кочан кукурузы, и крупные зерна сыпались петуху на спину, падали рядом с ним на землю.

Петух подбирал их неторопливо и даже как будто с гордостью, и гордость тоже была написана на помолодевшем лице Молехан: разве она сказала неправду, что за добрую весть отблагодарит?

А чуть позже к дому Былымготовых потянулись гости — поздравить их с невестой. Не успеет Молехан одних проводить, как приходят другие, и так целый день. Она и правда как будто помолодела на добрый десяток лет — так и бегает, так и летает. Успевает и угостить, и спросить совета у женщин постарше ее, и вставить свое слово в разговор тех, кто помоложе.

И муж ее Бачыр тоже принимает гостей.

В комнате у него сидят несколько уважаемых стариков, а он прохаживается туда-сюда, поддерживает общий разговор, да только по тому, как он иногда хмурится, как поглаживает свою колючую седую бороду, можно понять, что занят он своими думами.

И верно, на душе у старого Бачыра не очень спокойно. Почему сын не попросил своих друзей, как водится по обычаю, предупредить мать да отца, что решил жениться? От случайных людей приходится узнавать. Почему не сделал все по старым, добрым традициям адыгов?

Снова поглаживает он седую бороду.

— А не опозорил он меня? — решается наконец заговорить о том, что давно у него на душе.— Невесту забрали, а родителям за нее... Молодые, не понимают еще, чего с них взять. Да только мы-то никогда уже не станем детьми... Вот и я думаю: почему это власть старых наших обычаев должна закончиться на мне?

И старики неторопливо закивали: мудрые слова.

— Разве Былымготовы — последние в ауле?

И старики снова закивали: и это верно.

— Вот я и думаю: что можно послать в дом невесты?.. Н-ну, пусть не весь калым, если им так хочется... а так что-нибудь. В добрый знак того, что мы уважаем старину и не спешим от нее первыми отказаться. Давайте прикинем...

Эх, если бы хоть приблизительно знать, что там на уме у старого Бачыра! Тогда бы можно дать дельный совет. А так скажи, и тут выяснится, что сам-то он об этом и думать не думал. Чего доброго, можно человека обидеть. Тем более, что речь идет не просто о калыме — тут дело гораздо тоньше...

— Я тоже раскидывал и так и сяк,— сказал Бачыр, снова принимаясь за свою бороду.— И ничего подходящего в голову не пришло. Да, спасибо, добрые люди подсказали..., что, если отправить им с нашими... рублей сто?

Старики снова переглянулись, и один степенно сказал:

— По старым деньгам это целая тысяча?

Бачыр живо обернулся:

— Что ты хочешь сказать, уважаемый Аскербий?

Но тот слегка приподнял руки:

— Нет-нет, я только хочу сказать, что сто рублей — это хорошие деньги! Кто теперь даст тысячу?

Другой поддержал:

— Главное, Бачыр, что ты даешь эти деньги от души... А кто сегодня в самом деле от души даст целую тысячу?

Напрасно, эх, напрасно не было рядом кого-нибудь из молодых, чтобы поучиться у старших неторопливым размышлениям да мудрости! Ну, да ничего, подольше поживут на этом свете — сами начнут многое понимать.

На следующий день, съев полбарана и запив холодным бахсымэ, послы Бачыра отправились в дорогу.

Долго они ехали, коротко ли — как тут скажешь. Машины теперь бегают быстро, и мно-

гие дороги и в самом деле стали короче сказок.

Пока поговорили старики о том, что у Молехан получилось вкуснее, щипсы или шашлыки, машина въехала в соседний аул, пока еще раз неторопливо обтерли усы да огладили бороды, она остановилась у дома Меретуковой Зузы.

Гостей здесь встретили как родных.

— Как там наша милая Нафисет?— спросила тетя невесты по ее покойному отцу.

И другие родственники заговорили наперебой:

— Здорова ли она?

— Не скучает?

Зуза начала обычный в таких случаях разговор: дочь ее научена всему, что положено знать да уметь хорошей девушке из хорошей семьи,— и работать не покладая рук, и хозяйствовать, и угодить старшим... Гости все кивали, поддакивали, и Зуза так увлеклась, что под конец сама вспыхнула: ей показалось, что нельзя так нахваливать родное свое дитя, если даже оно самое любимое. Да что поделаешь, она уже успела по ней соскучиться, разве почтенные старики это не поймут?

— Все так, Нафисет — замечательная девушка! Все так!

Тут и вступил самый старый из послов Бачыра:

— Да будет счастливым для обеих семей шаг молодых! Да будет и для них самих он большим счастьем!— И тут он немного заторопился, как будто хотел поскорее покончить с делом, ради которого приехал.— Ставший вам родственником достопочтенный Бачыр велел передать вам эти сто рублей... И просил простить сына и его молодых друзей, которые не догадались сделать это в тот вечер, когда дочь покинула ваш уважаемый дом!

Глаза у матери Нафисет зажглись:

— Я не ослышалась? Вы сказали — уважаемый?

— ...ваш уважаемый дом,— негромко повторил самый старый из послов, пытаясь соблюсти прежнее достоинство, но голос его почему-то дрогнул.

А у Зузы Меретуковой лицо уже было красное, губы тряслись от обиды:

— Нет, вы подумайте! Я хотела промолчать, да как тут промолчишь — они сами тянут тебя за язык! Ничего так ничего, пусть будет так, как было, но если прислали сто рублей?.. Значит, так они оценили мою Нафисет? Ни копейки меньше и ни копейки больше?

— Слава аллаху, она у нас не коротышка какая-нибудь,— холодно произнесла тетя невесты по отцу.

И другие родственники заговорили разом:

— Что статная! Что красивая...

— А умница!

— Да, дешево они оценили нашу Нафисет!— обернулась к ним Зуза.

Старики вздыхали да переглядывались, а старший сказал:

— Если я съем то, что поставили передо мною на стол, я не обжора. Если расскажу о том, что слышал, я не сплетник. Так говорят распорядители свадебных пиров... И мы лишь передаем то, что нам дали, и говорим то, что нам велели сказать. Разве не так?

Жаль, очень жаль, что рядом опять не было никого из молодых: пусть бы они учились неторопливой мудрости старших!

Зуза даже чуть-чуть побледнела. Да ведь ей и было о чем подумать: а вдруг отказом принять подарок принесет она дочери своей горе?

И все-таки чувствовала она себя очень обиженной.

— Отнесите деньги обратно!— сказала гордо.— Или... как знать? Может, их примет бабушка Нафисет?

Трудно передать, как растревожил Былымготовых сбивчивый рассказ стариков. Да что поделаешь — у них сейчас было слишком много забот, связанных с предстоящей свадьбой, и за этими заботами иногда забывалась обида, но только иногда!..

А невестку через неделю перевели из гостиной в кухню.

Сопровождали ее свадебной песней да шутками. Подошла она к старухам, и те открыли ей лицо.

Ох, и хороша же была Нафисет, невеста Масхаба Былымготова! Помните старинную скороговорку: «И первая коса, словно золота ручей, вторая — шелка черного черней, брови черны, как черное у сороки, кожа бела, как белое у сороки... Смотришь на нежную шею ее и видишь воду, которая льется по горлу!..» Помните? Это как будто о ней, о Нафисет!

И, конечно, она была большая скромница, потому что как только ей открыли лицо, из глаз ее, больших и черных, как две спелые сливы, бесценным ожерельем покатились крупные прозрачные капли...

С утра и до обеда продолжались нескончаемые объятия да поздравления.

А в полдень к воротам Былымготовых подкатила машина, и все в доме пришло в движение. Женщины забегали, забеспокоились, захлопотали над большими старыми чемоданами, укладывая в них то конфеты, то пряности, а то большой отрез синего шевиота... Мужчины взвалили на машину связанного барана.

И опять — к Зузе Меретуковой. Только на этот раз с подарками поехали женщины.

А Зуза, выслушав их, сказала:

— Вы снова хотите меня обидеть? Я вдова и потому беззащитна, но терпеть обиду я не стану...

Они открывали чемоданы, спеша задобрить гордячку.

Зуза краем глаза посмотрела на тот, в котором сверху лежал отрез, подошла к нему, усмехнувшись:

— По-моему, знакомый шевиот. Когда еще жив был мой муж, мы сами дарили его Кунчуковым. Тут и метка должна быть, Кунчуков уронил на него горевшую табачную крошку, он же никогда не расставался со своей трубкой... Вот!

Ловко, как продавец на людной ярмарке, она развернула отрез, и у женщин вытянулись лица — в самом деле чертовка, а не Зуза! Недалеко от края на шевиоте была небольшая дырка с еле заметной желтизной по краям.

А Зуза продолжала рассматривать шевиот:

— О, да его уже, оказывается, и моль успела побить... и то, прошло столько лет!— Не складывая, бросила отрез в чемодан и стояла теперь, подбочenясь:— Видно, то, что вы привезли, самим Былымготовым давно не нужно. Мне это тоже ни к чему. Если вы так щедры, отвезите все это бабушке невесты — может быть, старый человек от этого не откажется?

Не шутки шутить — проехать из Чемгуя в Бжедугию! Родственники Былымготовых, которые отвозили старушке сто рублей, ехали туда целый день — сначала одним автобусом, потом другим. Но ведь не повезешь же в автобусе живого барана? А поладить с родными невесты как-то надо, никуда тут не денешься.

Кое-как уговорили шофера, и машина взяла путь в неближний край. Трое женщин поехали к бабушке Нафисет, а одна вернулась к Былымготовым, чтобы рассказать им о новом отказе Зузы.

Теперь оставалось ждать, что скажет бабушка. В доме Былымготовых было тихо и остаток дня и на следующее утро.

Признаться, еще после отказа Зузы принять деньги в душу к Молехан закрался холодок: что, если и невестка в мать? Но она все сдерживала себя, только другой раз, собирая и закручивая на затылке свои жидкие, как мышиный хвост, волосы, посматривала на свою невестку искоса, как будто хотела что-то сказать, да не решалась.

А тут она больше не выдержала. Проходя вечером мимо Нафисет, негромко шепнула:

— Ну, милая, если у тебя и бабка такая!..

И Бачыр тоже с сомнением уже подумывал о невестке, хотя по обычаю до сих пор не встречался с ней ни в доме, ни во дворе... Кто знает, может, невеста Масхаба одноглазая? Ведь старому Бачыру об этом пока неизвестно.

В полдень он решил пройтись по аулу, поговорить с умными людьми. Невестка как раз была во дворе, подметала около крыльца. Пришлось ей крикнуть, чтобы отошла куда подальше — он хочет выйти.

Вышел Бачыр со двора, но далеко уйти ему не пришлось: встретил возвратившуюся от бабушки своей невестки машину.

Когда он вернулся во двор, здесь уже был настоящий базар. Приехавшие женщины, перебивая одна другую и горячась, рассказывали, что и старуха тоже отказалась принять калым!

Всю дорогу женщины просидели наверху в открытой машине и здорово замерзли. Может быть, для того, чтобы хорошенько согреться, они и рассказывали теперь с таким жаром?

Бачыр отвел в сторону одну из женщин, которая казалась ему посмышленей.

— А что старуха сказала насчет наших ста рублей?

— Ничего не сказала. Даже и разговора о них, кажется, не было.

— Значит, взяла?

— Выходит, так.

— Слава аллаху! Потому она и отказалась от подарков, что с нее и ста рублей хватит за глаза... А здесь вон еще всего сколько!— Бачыр обрадовался, что деньги за невесту отдать им все-таки удалось, и теперь даже пошутил: — Куда ей столько съесть с ее-то зубами! Или совсем без зубов!

— Вот-вот, или совсем без них...

Зато Молехан готова была рвать на себе волосы.

— Ой-ой!— кричала, суетясь между людьми и машиной.— Неужели мой бедный сын родился под несчастливой звездой?

— Эй, женщина, замолчи наконец!— прикрикнул Бачыр.— Что ты понимаешь!

— Одно я понимаю,— запричитала Молехан.— Правильно говорят старые адыги: сначала посмотри на мать и только потом женись на ее дочери! Ты думаешь, наша вертихвостка будет лучше этой бесстыжей Зузы? Яблоко от яблони...

А на крыльце стояла Нафисет, прижав кулачки к подбородку, слушала. При последних словах свекрови спрятала лицо в ладонях и бросилась в дом.

— Замолчишь ты наконец! Или все будешь нас позорить? Хватит с них и того, что старуха все-таки взяла сто рублей!

— Двухлетний баран ей, видишь, не нравится, этой Зузе!— продолжала причитать Молехан.— Есть у людей совесть, или они давно уже забыли, что это такое?

Старый Бачыр за руку потащил ее к двери.

В доме Былымготовых начались безрадостные дни.

Молодые старались не попадаться родителям на глаза. А те при встрече делали вид, будто не замечают молодых. Другой раз, если сын где-нибудь поблизости, Молехан приложит ладонь ко лбу, словно пробует, нет ли у нее жара, жалостно вздохнет, немощным голосом скажет:

— И за что только наказал нас аллах? У людей, как приведут в дом невестку, радости на долгие годы. Новые родственники — они ближе родных. А у нас? Ни вол, ни корова. Не покажешь — не сделает, не попросишь — сама не догадается... Говорю ей как-то, что пол грязный, а она ноль внимания. А когда сказала прямо: помой,— она только фыркнула: я сюда пришла не полы мыть!

Так ли это было? Или не совсем так?..

Масхаб уходил на свою половину, ссутулившись и упрямо нагнув голову, и оттуда потом обрывками доносился сердитый его говор.

Молехан прислушивалась, пытаясь угадать, что говорит в свое оправдание невестка, но женского голоса совсем почти не было слышно.

— Скажешь ей, а она молчит, как стена,— вроде бы про себя недоумевала Молехан, когда в следующий раз ее сын снова был где-либо рядом.— Конечно, молодые-то думают, что им с лица жены воду пить... со лба кашу есть. А потом поживут...

Старый Бачыр долго крепился, а потом однажды среди долгой осенней ночи толкнул Молехан:

— Как они рассказывали?.. Сама, говорит, дарила этот отрез, только тогда он был совсем новый?

— Все дни думала,— живо откликнулась Молехан.— По-моему, она подарила его Устоковым, когда выходила замуж за Саида.

— А Устоковы — Хагундоковым,— подхватил Бачыр.— Хагундоковы потом Апшековым, Апшековы... Вот здесь я...

— Захечуковым, кому же еще! У них он и пролежал, небось, лет пять или семь, пока их родственники Шиковы не дождались, когда их Фатима выйдет наконец замуж. Конечно, пока такую выдашь, не то что моль побьет — весь отрез успеют сгрызть мыши!

— Да люди долго выбирают, знают, что на всю жизнь... Это наш Масхаб...

И Бачыр надолго замолчал.

Однажды утром, когда солнце сияло уже вовсю, на крыльце у Былымготовых снова появился старый петух. Он пришел, гордо неся свой большой, красивый гребень, так же, встряхнувшись, поправил свою гриву, хлопнул крыльями и закукарекал в открытую дверь.

Молехан готова была прослезиться.

— Ах ты, старый мой петух! Давай-давай добрую весть — ты знаешь, что в долгу у тебя я не останусь.

Она даже замерла на миг с протянутой к птице рукой... да ведь и правда именно сейчас, как никогда, нужна была в доме у Былымготовых радость!

Петух успел уже уйти в огород, когда у калитки тренькнул велосипедный звонок, потом в нее ударили сапогом. Молехан бросилась на улицу: почтальон!

Тот вошел во двор и без приглашения сел на скамейку у забора, поставил на колени не очень толстую свою сумку.

— Придется тут кое-что заполнить, тетушка Молехан. А потом я отсчитаю вам деньги... Сто рублей.

Молехан толкнула почтальона в плечо, и он понял, подвинулся на скамейке. Она опустилась рядом, ударила по коленям:

— Да что же это такое, аллах?..

— Я никому ни слова,— сказал почтальон, но в глазах у него бегала нагловатая усмешка.— Разве я не понимаю: весь аул будет смеяться...

— Где же они были почти два месяца?

— В дороге,— нарочно вздохнул почтальон.— Старушка не совсем правильно указала адрес... пока разобрались.

Потом в туго сжатом кулаке Молехан принесла в дом трубочкой свернутые деньги и положила на стол. Было тихо, и новенькие бумажки с едва слышным шелестом раскручивались, распрямлялись. Совсем как живые.

Она смотрела на них, все шире раскрывая глаза, а потом бросилась к столу, дрожащей рукой смахнула деньги на пол.

— Несчастные эти бумажки! Ой, несчастные!..

Молехан тронула их носком башмака, словно хотела оттолкнуть от себя подальше, и в эту минуту в комнату вошел ничего еще не знавший Бачыр.

— Ты что делаешь, глупая старуха?

— А ты не видишь? На, возьми свои сто рублей, если не боишься! Возьми! Да будут они потрачены на тризне у новой нашей родни!

И она стала топтать деньги.

— Что ты делаешь?!

Он хотел остановить ее, но Молехан вдруг схватилась за сердце и стала тихонько опускаться на пол. Упала, неловко привалившись к ножке кровати, и голова ее беспомощно свесилась на грудь.

— Молехан! Э, старуха?

Бачыр сбегал за водой, снова наклонился над ней и плеснул из кружки ей в лицо. Глаза Молехан начали медленно открываться, потом вдруг обрели смысл, и она закричала, увидев склонившегося над ней Бачыра:

— Уйди! Это ты во всем виноват!

Сильно толкнула его в грудь, и старик, неловко сидевший около нее на корточках, качнулся, попытался привстать, но не удержался и со всего маху сел в таз, в котором перед этим Молехан мыла обувь.

Другой бы на его месте закричал. Но Бачыр всегда был мужчиной! Он только барахтался, выплескивая на пол последнюю воду, все пытался привстать.

Зато Молехан дала волю своим легким:

— Это все наша золотая невестка!.. Так она платит за наше добро!

Когда вбежали испуганные Масхаб и Нафисет, Молехан, опустив голову на грудь, снова держалась за сердце.

Бачыр хотел было отвернуться, чтобы не видеть лица младшей женщины, да вовремя спохватился, вспомнил, что сзади у него, должно быть, не все в порядке... не хватало, чтобы его еще в чем-либо заподозрили!

Сын с невесткой осторожно уложили Молехан в постель.

Потом Масхаб, придерживая за плечи, повел в другую комнату старика.

Нафисет одна осталась у постели свекрови. Может быть, ей надо сейчас утешить Молехан? Сказать ей что-нибудь доброе, что-нибудь такое, что растопило бы сердце пожилой женщины?

У Нафисет никогда не было такой привычки, но сейчас она невольно хрустнула пальцами.

Молехан заворочалась, повернулась к невестке спиной и даже одеяло натянула на голову, прикрыв ухо под жидкими волосами. Как будто угадала мысли своей невестки и не захотела мириться!

Хоть бы скорей вернулся Масхаб!

А его нет и нет. Что его там, привязали?

Эту ночь Нафисет провела без сна. Мужа рядом с ней не было, он дома не ночевал. Масхаб вернулся, когда она уже убрала в своей комнате и подметала теперь во дворе.

Он подошел к ней и, сдерживая жалость, как можно холоднее сказал:

— Я много думал... видишь, как! Мы с тобой не можем...

Нафисет вскинула узкую ладонь, и черные глаза ее сверкнули:

— Тебе, я вижу, тоже захотелось соблюсти обычай? Сказать обо всем первому?.. Так нет, я раньше говорю: мне нечего делать в твоем доме!

И в это время громко скрипнула дверь — как это не успел придержать ее старый Бачыр! Но ведь он впервые посмотрел на свою невестку внимательно. И невольно залюбовался: столько в ней было сейчас и гордой красоты, и достоинства, и еще чего-то такого, что заставило вдруг старое сердце сильней забиться от внезапно нахлынувшего ощущения чужой молодости и непрерывности жизни...

— Простите, отец!

Еще выше приподняв подбородок, Нафисет проплыла мимо.

* * *

Рано утром Молехан быстро шла по двору. Длинное ее платье трепал ветер, голова с белой повязкой на лбу была грозно приподнята. В руке Молехан сжимала большой кочан кукурузы.

Она открыла загородку для кур, немного отошла от нее и стала рушить кочан. Ядреные зерна падали хохлаткам на спину, и они вертелись, склевывали друг с друга, толклись по башмакам Молехан...

Выцветшими глазами поискала она старого своего петуха, и что-то вроде горькой усмешки тронуло ее тонкие губы.

Видел аллах, чтобы сама она когда-нибудь обманывала своего старого петуха?..

Она резко наклонилась, и красный петух забился в ее по-старушечьи цепких руках.

Сзади нее, опустив голову, словно в задумчивости, прохаживался по двору муж ее Бачыр.

Она, не глядя, протянула руку назад.

Бачыр уже вытащил из кармана острый свой ножик. Схватив петуха за крылья и ловко зажав их под сапогом, он стал лицом на запад, двумя пальцами нащупал петушиный язык и вытянул его, чтобы он не мешал птичьей душе покинуть тело. Но вдруг отпустил петуха, выпрямился и молча стал глядеть поверх крыш... Потом негромко сказал:

— Пусть живет петух! И молодые... Слышишь, старуха, сделал я, как ты хотела? А теперь сделаем так, чтобы вместе были молодые. Собирайся, поедем к Меретуковым. За Нафисет.

И заранее поморщился, видя, как жена его понесла к лицу обе руки, и снова стал смотреть поверх крыш, над которыми ветер медленно тащил с севера на юг сизые осенние облака.

Перевел с адыгейского Гарий Немченко.

Искандар Мухамедов. (Душанбе). ЗЕМЛЯ.

Хушбахт Хушвахтов. (Душанбе). В МИНУТУ ОТДЫХА. СТРОИТЕЛИ НУРЕКА.

Алексей Бесперстов. (Душанбе).

ДОЯРКА ДЖУМАГУЛЬ.

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. УШАКОВА.

ТЕЛЕГРАММА

В полночь Бутову позвонил дежурный по управлению.

— Разбудил, наверное?.. Прошу прощения, Виктор Павлович. Только что передали от Михеева: нашли наконец ее. В больнице... Попала в аварию. Врачи говорят, что опасности для жизни нет, даже операции не потребуется, но беседовать с ней пока не разрешают.

Бутов поблагодарил дежурного, сказал, что в комитет приедет пораньше.

Итак, она не сбежала. Но зачем так неожиданно покинула тетку? И кто он, ее спутник? И что за авария? А таинственные игрушки?.. Выявился ряд настораживающих обстоятельств, о которых Михеев хочет доложить лично.

— Какие будут указания, товарищ полковник?

— Сообщите Михееву: часа через полтора я буду в комитете. Жду подробного доклада. И еще одна просьба... Кто из моих оперативных сотрудников сейчас дежурит? Покровский? Отлично. Он в курсе дела. Познакомьте его с последними сообщениями Михеева.

Бутов принял душ, наспех позавтракал и вышел на улицу, тихую, влажную и еще немноголюдную в этот ранний час. Тучи рассеялись, только розовели редкие облака, и после недавнего дождя воздух был свеж и терпок.

Виктор Павлович любил и тонко чувствовал природу. Особенно весной, в пору пробуждения всего живого. Какое это блаженство — ранним утром, на даче, еще до восхода солнца, пойти на речку, как на концерт. Вот где-то засвистал скворец, зачиринали воробьи, потом прилетела зеленовато-желтая иволга... Увы, все его планы на первомайские дни рухнули.

...В канун праздника, когда Бутов уже собирался уходить домой, его задержал генерал.

— Звонили из приемной. Пришла женщина, почтовый работник. Выслушайте ее внимательно. Дело несколько странное и, возможно, выеденного яйца не стоит. Но всякое бывает. К тому же день сегодня необычный, сами знаете. Если что-то серьезное, сообщите.

Бутов хорошо знал строгое правило чекистов — перед праздниками требуется особая настороженность. Многолетний опыт учит: провокации, диверсии и всякие иные акции, вражеские спецслужбы, как правило, приурочивают к той поре, когда советские люди отдыхают, принимают гостей, сами идут в гости. И вот именно сегодня и случилась эта странная история...

...В восемнадцать двадцать пять из Москвы в один из пограничных городов Западной Украины на имя Марии Павловны Денисенко с указанием «для Чижика» была отправлена телеграмма. Девушка, принимавшая ее, несколько раз удивленно перечитала текст и недоуменно посмотрела на молодого человека, стоявшего у окна. Лицо его было бесстрастно, но текст не мог не вызвать удивления и даже тревоги:

«Явки провалены срочно ховай игрушки огороде лесу Сергей».

Рассказав об этом Бутову, начальница отделения связи несколько смущенно добавила:

— Конечно, частная переписка неприкосновенна. Но случай уж больно странный. И к тому же адрес получателя: сколько там всяких банд орудовало!

Бутов озадаченно потер лоб: «Что за этой телеграммой — розыгрыш, шутка? Но в любом случае связисты молодцы, что насторожились... Известны случаи, когда враг действует удивительно примитивно, в лоб, надеясь откровенной наглостью сбить с толку контрразведку. Даже если это только шутка, небезынтересно познакомиться с человеком, которому подобное приходит в голову».

Вскоре было вынесено постановление об изъятии подлинника телеграммы, получена санкция прокурора. И вот первые вопросы: кто он, Сергей? Кто она, Мария Павловна Денисенко, настоящая ли фамилия? Кто этот Чижик? Что касается Сергея, то, как и следовало ожидать, обратный адрес был липовый: дома № 230 по Ленинградскому проспекту в Москве нет...

Бутов и не очень рассчитывал, что сумеет здесь, в Москве, быстро напасть на след Сергея. Он больше надеялся на ответ работников КГБ той области, куда адресовалась телеграмма. Полковник попросил их подготовить данные о Марии Павловне Денисенко, узнать, не открывая причин поиска, кто такой или кто такая Чижик, а там уж и до Сергея легче будет добраться... Однако первое сообщение, полученное им от коллег, не давало оснований для серьезных подозрений.

Мария Павловна Денисенко — женщина лет под семьдесят, в прошлом учительница. В этот тихий городок переехала из областного центра десять лет назад, после смерти мужа, участника гражданской и Отечественной войн. Местная школа предложила ей работу, домик с огородом, и Денисенко покинула большой, по ее представлениям, шумный город, с которым были связаны тяжкие воспоминания: она не успела эвакуироваться и полной мерой приняла от гитлеровцев все муки, какие только могли выпасть на долю жены комиссара.

У старушки гостит племянница, Ирина, из Москвы. Эта красивая молодая женщина, видимо, и есть тот самый Чижик, которому предназначена телеграмма. Ирина здесь не впервые, и о ней кое-что известно. Родилась в первый год войны. Отец, которого она никогда не видела, работал секретарем райкома партии где-то на северо-западе, недалеко от границы. Район был оккупирован в августе сорок первого. Секретарь успел еще до прихода немцев отправить беременную жену к родственникам в Тулу, а сам ушел в подполье. Когда Анна Павловна уже перебралась в Москву, к брату, пришла горестная весть: муж ее схвачен гестаповцами. А раз такой человек попал в гестапо, считай, что его уже нет в живых. Так он и не объявился.

Ирине было два года, когда мать оставила ее на попечение бабушки и с концертной бригадой — она была пианисткой — отправилась на фронт. Там, в начале сорок пятого, она познакомилась с военврачом Захаром Романовичем Рубиным, и вскоре после окончания войны у Ирины появился отчим. Жили дружно, весело. Захар Романович сначала относился к Ирине, как к родной дочери, и ласково называл Чижиком. Но, когда в пятьдесят девятом Анна Павловна умерла, между Ириной и отчимом возникло отчуждение. Отчуждение это углублялось по мере того, как в доме Захара Романовича — он быстро утешился — часто стали собираться веселые компании: была у него такая слабость — любил, когда о нем говорили: «О, это грандиозный хлебосол!» В его доме за столом, бывало, шумело много людей — не всегда, увы, хорошо знавших друг друга и хозяина.

Первое лето после смерти Анны Павловны девочка провела в гостях у тетки. Мария Павловна хотела и вовсе оставить Ирину у себя, но Рубин категорически воспротивился. В письме его к сестре жены были душевные слова о покойной Анне Павловне, о приемной дочери, ставшей для него самым близким существом. Словом, девочка вернулась в Москву, но ежегодно летние каникулы проводила в живописном украинском городке.

Ирина не попала сразу же после школы на биофак, не хватило одного балла. Было, конечно, обидно, но она не сочла случившееся трагедией — о, сколько ее сверстниц, не попав в вуз, считали, что жизнь кончена! Ирина иронически смотрела на безрассудно слепую любовь к детям тех пап и мам, которые оказывались так неразборчивы в средствах, лишь бы пробить своему дитяти дорогу в вуз. Ей было неприятно наблюдать, когда уважаемые люди становились жалкими просителями. Хотя в ту пору Захар Романович уже не пылал нежной отцовской любовью и в общем-то его не очень опечалили итоги конкурсных экзаменов, тем не менее он тоже собрался ринуться в бой. И вдруг — неожиданный противник. Сама Ирина... «Нет, так поступать в вуз я не хочу. Не надо!» Отчим растерялся.

— Ты с ума спятила! Ведь Иван Иванович обещает помочь... Или иди в медицинский, туда я тебя запросто устрою.

Но Ирина стояла на своем, отказалась от всех предложений отчима и сказала, что уедет на год к тете Маше, будет там работать, а потом снова станет пытать абитуриентское счастье. И не обязательно в Москве. Может быть, там, в тетиных краях, «бросит якорь». Захар Романович в принципе не возражал, но решительно отверг вариант переезда на постоянное жительство к Марии Павловне. Трудно сказать, был ли то голос человека, для которого Ирина действительно оставалась близким существом, занявшим большое место в его жизни: уйдет она, и появится пустота, и ему будет трудно. Но возможно, что возвышенные эмоции прикрывали соображения сугубо практического порядка: судьба отдельной трехкомнатной квартиры, в которой он остался вдвоем с Ириной. Однако, как бы там ни было, Захар Романович настоял на своем. Правда, взаимопонимания в доме не наступило. Более того... Пожалуй, что с этого времени «холодная война» между отчимом и падчерицей стала упорной и длительной.

Окончив биофак, Ирина получила назначение в один из научно-исследовательских институтов и всерьез увлеклась проблемой биологической защиты водоемов. Зимой она работала почти без выходных, и в порядке компенсации ей дали возможность недельку отдохнуть. Отчим рекомендовал Сухуми: «Бог ты мой, какая там весна, все в цвету!» А она полетела к тете Маше — очень уж захотелось побыть возле родного, хорошего человека, согреться его душевным теплом.

...Обо всем этом, правда, более скупо и официально, Бутову на следующий же день утром сообщили коллеги из областного управления. Видимо, помогли работники милиции маленького городка, где, как говорится, все на виду и хорошо знают друг друга. Бутов предложил подключить их к проведению операции: туманную телеграмму надо попытаться расшифровать, не допрашивая получателей. Быть может, о ней осведомлен еще кто-нибудь.

Вскоре от коллег пришло второе сообщение. Во-первых, в городке о телеграмме никто, включая ближайших соседей и друзей Марии Павловны, ничего не знает. Во-вторых, утром Чижик на машине отбыла в неизвестном направлении.

Насторожившийся Бутов распорядился действовать более энергично и, если к полудню Ирина не покажется в городе, поручить участковому деликатно побеседовать со старушкой. Еще через час доложили подробности. Рано утром к домику учительницы подкатила «Волга». Номера не приметили, но обратили внимание, что машина из областного центра. За рулем сидел мужчина лет тридцати. Лица его толком никто не разглядел. Запомнились лишь рыжеватые усики, темные очки и замшевая куртка. И ослепительно нарядная Ирина — красное трикотажное платье, плотно облегавшее фигуру, очень шло к ее черным глазам, к густым, соломенного цвета волосам, свитым на макушке в пышный узел. Ирина уселась рядом с «очкастым», так окрестили его мальчишки, послала тете Маше воздушный поцелуй и, крикнув «До завтра!», укатила.

Вскоре на праздничную улицу вышла и сама учительница — как никогда, хмурая и озабоченная. Ни за кого вопреки обыкновению не «зацепившись» разговором, она проследовала к остановке автобуса, идущего в областной центр.

Итак, неожиданно исчезли из городка и Мария Павловна и Чижик. Куда отбыла «Волга» с «очкастым» за рулем, неизвестно: что это, первомайская прогулка или нечто другое? Кто он, рыжеусый друг Чижика? И где уверенность, что «московская племянница» — это и есть «Чижик»? Быть может, Мария Павловна как раз и отправилась с телеграммой к настоящему «Чижику»?..

Слишком много неизвестных. Бутов вызвал в комитет своего ближайшего помощника.

Михеев не заставил себя долго ждать — о его оперативности и пунктуальности ходили легенды. Как всегда, он был в наимоднейшем костюме. И, как всегда, весел, бодр, что далеко не всякий раз соответствовало обстоятельствам его жизни и работы.

— Слушаю вас, Виктор Павлович.

— Товарищ Михеев! Хоть и праздник, но придется лететь.

— Когда?

— Немедленно...

Ночью Михеев уже докладывал с места событий. Чижик (если Чижик — это Ирина) еще не вернулась. Старушка тоже. Ее видели в областном центре. Видимо, гостит у кого-то. Здесь очень модны автомобильные путешествия в Карпаты — до них рукой подать. О «Волге» и «очкастом» узнать пока ничего не смог. Сведения от постов ГАИ весьма скромны. Проверили несколько машин с водителями в черных

очках и замшевых куртках — не то! Видимо, машина выехала за пределы области.

Утром второго мая Михеев сообщил, что связался с коллегами из соседнего областного управления. Если к полудню от тамошних постов ГАИ никакие наводящие на след сообщения не поступят, он вместе с оперативным сотрудником КГБ и инспектором милиции, знающим Ирину в лицо, сам займется поисками. Возможно, что к этому времени объявятся Чижик и Денисенко.

Но никто не объявился. Никаких вестей с дорог не поступило, и бригада Михеева отправилась в путь. Погода была мерзкой — густой туман. Часто останавливались, расспрашивали водителей — безуспешно. Пошел дождь, и «дворник» лихорадочно маячил по ветровому стеклу. Зажженные среди дня фары выхватывали из желтоватой мути только пять-шесть метров глянцевитого асфальта или пузырящейся глины, которая еще час назад была грунтовой дорогой. А михеевский «газик» все петлял и петлял.

Только под вечер напали на след: в небольшом селе им сказали, что в районную больницу доставили девушку в красном трикотажном платье, по описанию похожую на Ирину. Документов при ней никаких, а спросить, кто она, невозможно: шок! Случилась беда: «Волга» перевернулась и чуть было не грохнулась в реку. Туда же, видимо, полетела сумка с документами. Водитель умер по дороге в больницу.

От села до больницы — километров тридцать. При хорошей погоде это не расстояние. Но вот уже третий час без удержу хлещет дождь. Темень. Дорогу размыло, а дорога — серпантин, обвивающий крутые склоны Карпат. Водитель устал до отупения. Как быть? Снова в путь? Если еще быть уверенным, что это она — мало ли их, девиц в красных трикотажных платьях? Участковый предложил:

— Пусть водитель отдохнет до рассвета. Ночью все равно ничего не предпримешь. А в Москву позвонить можно и рано утром. Как, товарищ Михеев, согласны?

Михеев помедлил с ответом, посмотрел на шофера, который уснул, сидя на стуле, и сказал:

— Он поспит на заднем сиденье, а машину я поведу сам...

Поздней ночью они добрались до больницы.

— Больная чувствует себя лучше. Но шок может продлиться несколько часов. Около нее медсестра, а посторонних увольте! Не могу,— сказал им дежурный врач.

— Вы установили ее имя, фамилию?

— Пока нет. Документы не обнаружены, а спросить... Я уже вам объяснил...

— Ее спутник ничего не успел сказать?..

— Нет. Умер. Не довезли. Лежит в морге. Протокол составлен. Все, что требуется для установления обстоятельств аварии, сделано.

— Что же, прикажете ждать до утра? — недовольно спросил Михеев.

Врач молча развел руками: ничем, мол, помочь не могу. И тут Михеев вспомнил про участкового.

— Разрешите товарищу хоть мельком взглянуть на нее. Поймите, доктор, это очень важно. Я вам потом все объясню.

...В четыре часа утра из райцентра в областное управление, а оттуда в Москву ушло сообщение полковнику Бутову: «Ирина найдена. Попала в аварию. Находится в больнице. Шоковое состояние. Беседа состояться не может».

ЧИЖИК

Бутов пришел в свой кабинет задолго до начала рабочего дня. Виктору Павловичу по душе эти ранние часы, когда еще не «закрутилась машина», тебя не тревожат телефонными звонками, запросами, докладами и можно неотрывно прочесть, спокойно обдумать и написать то, что не успел прочесть, обдумать, написать вчера.

Бутов высок и худощав. Узкое лицо с острым подбородком, полуседые волосы гладко зачесаны назад. На работе привыкли к его мягкости, деликатности и неизменному спокойствию. И только самые близкие люди знают, ценой каких усилий ему, по натуре человеку нервному и легковозбудимому, дается это спокойствие. И не удивлялись тому, что порой он «срывался». Иногда казалось, что полковник абсолютно безучастен и даже не слушает собеседника. Но это только видимость: нет более вдумчивого слушателя, чем Бутов.

Полковник открыл сейф, достал папку с документами, настольный календарь. Уже много лет его рабочий день, как бы трудно он ни складывался, начинался с просмотра «Правды» — привычка, сложившаяся еще в те времена, когда Бутов был на партийной работе. Но вот уже газета отложена, полковник откинулся на спинку кресла, закурил, и опять назойливо зажужжали тревожные мысли: Чижик... Очкастый... «Ховай игрушки»... Авария... А главное, Сергей! Молодец Михеев, в общем-то он достаточно быстро восстановил картину событий! Позже, дополненная и уточненная, она выглядела примерно так.

Телеграмма пришла вечером, когда на кухне пахло пирогами и в комнате был наведен тот блеск, без которого праздник не в праздник. Старушка бережно перебирала довоенные фотографии. Еще накануне приезда Ирины она достала этот пухлый альбом, в который не заглядывала много лет. Тетя Маша давно обещала племяннице найти снимок покойного отца, да все было недосуг. И вот: «Батюшки мои, нашла!» Ирина так и впилась взглядом в пожелтевший любительский снимок. Совсем молодая мама, а рядом с ней отец. Обязательный в ту пору полувоенный костюм секретаря райкома партии — гимнастерка, бриджи, сапоги... Отец, который так и не увидел свою дочь. Тихо в комнате. Молча сидят на диване тетя и племянница. Каждая думает о своем. И вдруг стук в дверь.

— Телеграмма!..

Мария Павловна не торопясь надела очки, подошла поближе к свету и развернула телеграфный бланк. Прочла раз, другой... Протянула телеграмму племяннице и вопросительно посмотрела на нее.

— Полагаю, Чижик — это ты, а Сергей — тот самый шалопут. Так, что ли?

Она знала, что дома Ирину звали Чижиком и что есть среди ее друзей некто Сергей, студент. И вроде бы любят друг друга, крепко, понастоящему, а до свадьбы дело не доходит, чем премного доволен отчим: «Он тебе не пара... этот шалопут».

Ирина прочла телеграмму и молча вернула ее тете. Наступила хрупкая тишина — вот-вот зазвенит, расколется.

— Может, любезная племянница соблаговолит объяснить, что сей бред означает?—спрашивает Мария Павловна, и в голосе ее металл: никогда до сих пор она так не разговаривала с Ириной.

— Не считаю нужным, тетя Маша. Известно же, шалопут...

— Но должен же быть какой-то предел... И потом, кто вас, молодых, нынче разберет!

Ирина барабанит пальцами по столу, потом, закусив губу, начинает ходить из угла в угол.

— Ну что же ты молчишь?..

— Я все сказала.

Молчание кончилось тем, что, упрямо сверкнув глазами, Ирина накинула плащ и хлопнула дверью. Она пошла на почту.

— Можно в течение часа получить Москву? Телефонистка удивленно посмотрела на нее.

— Да что вы! Люди накануне заказывают...

Ирина вышла на улицу, но вскоре вернулась и заказала телефон в областном центре. Телефонистка, не поднимая глаз, спросила: «Когонибудь или определенное лицо?» Ирина ответила: «Глебова, Василия Михайловича».

С Василием Михайловичем Глебовым она познакомилась в Москве, у Владика Веселовского, друга детства Сергея. Владик и Сергей жили когда-то в одном доме, вместе голубей гоняли, дворовую хоккейную команду сколачивали, вместе тайком курить начинали. Учились в одной школе, и хотя Владик шел на три класса впереди, были однолетками: что поделаешь, трудно сложилась жизнь Сергея. А Вася — это уже институтский товарищ Владика. Каждый раз, когда Глебов, работавший на одной из строек Западной Украины, приезжал в Москву, они достойным, по их мнению, образом отмечали встречу.

В тот вечер в квартире гудела молодежь. Среди приглашенных были Ирина и Сергей. Тон задавали Владик и Василий: блистали эрудицией, галантно ухаживали за своими девочками — оба холостяки. Покачиваясь, с ненатуральным кавказским акцентом Глебов произносил витиеватый и весьма двусмысленный тост за больших и малых руководителей, тост с подтекстом, с явным намерением бросить тень на все дорогое, святое...

Владик и еще кто-то зааплодировали, а Сергей, сидевший рядом с Ириной,— он, как всегда, много выпил — только хмыкнул.

— Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме... Это настоящие парни... Они, Иришка, смело судят обо всем...

— Смело — это не значит умно и правильно. Древние говорили: невежество — еще не аргумент...

— Вот так у нас с тобой всегда. Если я скажу, что это белое, ты обязательно: черное. Характерец! — И, поднявшись с места, стал кричать: — Друзья, выпьем за женский характер!

Глебов, наблюдавший за перепалкой влюбленных, чокнулся с Ириной.

— За ваш чудесный характер, Ириночка! На месте Сергея я боготворил бы вас...

Владик решил поддержать друга и тоже стал расточать комплименты. Тогда Сергей резко отодвинул стул и выскочил в соседнюю комнату. Но Владик и Василий сделали вид, что ничего не заметили. Глебов продолжал рассказывать Ирине о стройке, о всяких неурядицах, честил начальство, острил по поводу «неэкономичной» экономической реформы, разглагольствовал о настроениях молодежи и полемизировал с какой-то газетной статьей. Он не говорил, а вещал, непререкаемо судил обо всем, будь то литература, искусство, экономика, архитектура. Время от времени Вася эффектным движением головы закидывал назад длинные волосы, неторопливо приглаживал их обеими ладонями и торжествующе оглядывался по сторонам: «Что, каково сказано? Имеете что возразить?» Высокий, широкоплечий, атлетического сложения, круглое лицо с насмешливо улыбающимися глазами — словом, сплав интеллигентности, юмора и обаяния. Он держался этаким «властителем дум», каждое слово которого слушатели обязаны ловить благоговейно.

Когда расходились по домам, Василий и Ирина обменялись телефонами и адресами. И назло насупившемуся Сергею Ирина нарочито громко сказала Глебову:

— Если задержитесь в Москве, заходите. В нашем доме бывают интересные люди. Не так ли, Сережа?

Сережа буркнул в ответ что-то резкое и, не прощаясь, вышел на лестничную площадку.

Через день Веселовский и Глебов «завалились», по выражению Владика, к Ирине. Сергей уже был там. И не один, а с давним, закадычным другом Игорем Крутовым. Он так и отрекомендовал его хозяину дома, пустившись при этом зачем-то в пространное объяснение, словно хотел оправдаться, почему привел незнакомого человека.

— Прошу прощения... Как говорится, гость незваный. Он только вчера прилетел с Севера... И всего на три дня. Можно сказать, силком затащил сюда: «Не пойду,— говорит,— и баста... Отвык от шумного столичного общества...»

— Что же это вы такой бука, Игорь... У нас никто не кусается.— Ирина мило улыбнулась и, не дожидаясь, что скажет гостю Рубин, взяла растерявшегося Крутова под руку, повела его в свою комнату и, подчеркивая давнишнее знакомство с Игорем, спросила:— Как вы там, в тайге? Все характер проявляете?

— Нет! Убеждения...

— Возможно... Я думала, что знаю о вас все. А выходит, что нет. Недавно Сергей рассказывал о вашем несколько странном призыве в армию... Могли бы и дома остаться, но... Как бы это сказать точнее...

— Тут и уточнять нечего. Пришло время, я пошел служить...— не без раздражения заметил Игорь.

— Я, вероятно, не совсем ясно выразила свою мысль.— И она резко повернулась в сторону гостя.— Но вы же поняли меня. Не так ли?

— Предположим...

— У нас был спор с Сергеем: правильно ли вы тогда поступили?

— Что это вы стали ворошить дела минувших дней? Да и стоило ли спорить...

— Вы считаете, что не было повода для спора?

— Каждый строит жизнь, сообразуясь со своими взглядами на нее.

— Вот поэтому и спорили... Вам неприятен этот наш разговор? Ну что же, тогда поговорим о лютых морозах, об оленях...

— Нет, зачем же так... Вы не сердитесь...

Но в этот момент шумно появились Владик Веселовский и Вася Глебов, и казалось, что они сразу заполнили собой всю комнату. Вася весело подмигнул Ирине, галантно поклонился и торжественно объявил:

— Синьорита! Мы у ваших ног...

«Синьорита» столь же галантно ответила, что рада приветствовать «синьоров» в своем «палаццо», и стала знакомить их с Крутовым.

— Северянин... Игорь... Но не тот...

Каламбур был воспринят Крутовым молча и угрюмо. Он явно чувствовал себя здесь не в своей тарелке и в сердцах честил Сергея: зачем тот приволок его сюда?

Когда Сергей с Игорем вышли в кухню покурить, Владик кивнул в сторону «северянина» и спросил Ирину:

— Из какой берлоги притопал сей медведь?

— Из сибирской.

— А кто он есть?

Ирина иронически посмотрела на него, ответила вызывающе:

— Человек... И кажется, из тех, о ком точно сказано — «делать жизнь с кого».

— О Ириночка, он уже успел очаровать вас! — воскликнул Глебов.

— Нет, скорее заинтересовать...

— Чем?..

— Долгий разговор. Как-нибудь в другой раз.— Ей не хотелось посвящать посторонних в историю сложно и трудно сложившихся взаимоотношений Сергея и Игоря. Закадычные друзья успели уже не раз скрестить шпаги на перекрестках жизненных дорог. Она знала об этом от Сергея, когда он, поскользнувшись на одном из таких перекрестков,— в который уже раз! — уверял ее, что больше не повторится. Ирина погрузилась было в тяжкие воспоминания, но из столовой раздался голос отчима:

— Молодежь, прошу к столу!

В большой комнате по обыкновению шло шумное застолье: какая-то актриса пела романсы, завсегдатай этого дома поэт надрывно читал стихи, о которых потом, когда гости разойдутся, Рубин скажет: «Чертовски острые и смелые».

Глебов и Владик подсели поближе к Рубину, и до Ирины, сидевшей рядом с Игорем и Сергеем, донеслись слова, сказанные молодым поэтом: «...согласитесь, Захар Романович, увы, действительность такова. А мы должны знать все. «Свободная Европа» разговаривает сейчас круглые сутки. И все о чехословацких событиях. Мы же слепые котята... Ничего не знаем...»

— Зачем вы говорите «мы», не имея для этого оснований? КТО ЭТО МЫ, позвольте спросить. Я, например, к семейству ваших КОТЯТ себя не причисляю...— Сидевшие за столом недоволько оглянулись в сторону Игоря, нового в этом доме человека. Невысокий, плотный, он поднялся со своего места, словно школьник, который хочет сказать учителю: «Да, это я сказал!» И вот так, стоя, в упор глядя на поэта, с какой-то брезгливостью обронил: — А вы и не похожи на котенка. У вас когти хищника...

— Я попросил бы вас, молодой человек...

Поэт ринулся было к Игорю, но Владик примиряюще встал между ними.

— Дорогие друзья! Битва интеллектов закончилась со счетом один-один. А сейчас выпьем за тех, кто дерзает, кто ищет, кто борется! — И он несколько театрализованно объявил: — Я хочу напомнить вам Омара Хайяма: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало».

Не все уловили, в чей огород брошен сей «поэтический камешек». Ирина недоуменно пожала плечами. Захар Романович безучастно — видимо, он уже опьянел — кивал головой, Глебов зааплодировал, а поэт обнял Владика и повторял: «Ты лучше голодай, чем что попало есть...» Черт возьми, как это здорово сказано!..

Уже потом Владик подошел к Сергею и тихо спросил: «Ты как полагаешь, старик?»

Сергей уклонился от прямого ответа, но заметил, что в принципе в этом есть, кажется, сермяжная правда.

— А правдолюбец твой понять того не может. Странный товарищ, этот Игорь... Игорь-северянин! Смешно... Я и не знал, что у тебя такой дружок имеется.

Владик сказал это вполголоса, но достаточно жестко. И пошел объясняться в любви к поэту, который все еще зло поглядывал на Крутова. Но Игорь уже никого и ничего не замечал. Он о чем-то спорил с Ириной, что-то доказывал ей. И Сергею, внимательно следившему за своим другом, послышались его запальчивые слова: «Есть такая философия... Удачливый, предприимчивый, ловкий, значит, правильный?.. Мой дед коллективизацию проводил. Там все было ясно... А сейчас... Сети из слов... Нечастые, но крепкие...»

...Бывая в Москве то в командировке, то в отпуске, то просто так, навестить старушку мать, Глебов нет-нет да и заглядывал к Рубиным. При этом каждый раз напоминал Ирине: «Пользуюсь вашим любезным приглашением». Порой это были визиты только к Захару Романовичу, и Сергей с удовлетворением отмечал: «А Иришн-то дома не было». Но в последнее время Глебов стал наведываться в Москву чаще: «Ох, уж это утверждение технического проекта! Мука адова. Только и знаю, что согласовываю, увязываю, хожу от одного начальника к другому,— жаловался он Ирине. И многозначительно добавлял: — Системочка!»

С Захаром Романовичем их связало общее увлечение: картины. Кабинет доктора напоминал картинную галерею, и он усердно старался пополнять ее. Глебов в этом плане оказался человеком весьма полезным. Правда, у него денег поменьше, чем у доктора, но связей с дельцами, промышляющими на ниве искусства, побольше.

Рубин всегда был рад приходу Глебова, и возможно, что для этого имелись основания, связанные не только с картинами: однажды он довольно откровенно сказал Ирине, что ему приятнее видеть ее в обществе Василия Михайловича, а не этого... шалопута.

Об отъезде Ирины к тетке знали не только Сергей, но и Владик. Ирина его недолюбливала, хотя и не могла объяснить, откуда у нее эта антипатия. Весьма современен, энергичен, общителен, в меру увлекается прекрасным полом, предпочитая зрелых дам и притом из «высших сфер» — с женой он развелся три года назад. И тем не менее Ирина не пренебрегала услугами всемогущего Владика: ей захотелось по пути к тетке остановиться в областном центре, побродить по знакомым местам, повидать кое-кого из друзей юности, и Владик легко устроил ей номер в гостинице. В первый же вечер она встретила в холле Глебова, чему немало удивилась. Казалось, что Глебов тоже удивлен.

— Какая приятная неожиданность! Очень рад. Надолго? О, всего лишь? А что собираетесь делать в праздничные дни? В обществе тетки? Не лучший вариант. По праву друга Владика и Сергея считаю себя обязанным...

— Нет, нет... Исключается.

— Ну, а если вдруг появится желание... Мой телефон у вас есть? Потеряли? Боже, до чего бессердечна! Но я великодушен. Записывайте...

Глебов сейчас явно раздражал Ирину, и тем не менее номер телефона она записала. Но от предложения поужинать решительно отказалась. На другой день она уехала к тетке.

Получив телеграмму Сергея, Ирина вспомнила о Глебове. Во-первых, она попросит его позвонить в Москву и от ее имени отхлестать Сергея. Во-вторых, назло тому же Сергею отправится с Васей на машине в Карпаты. Она знает: стоит только ей пожелать, и Глебов примчится. Во время их последней встречи в Москве Глебов был достаточно откровенен. Так вот, пусть скажет Сергею о ее планах на праздники. К тому же и тетушка лишится возможности весь день пилить за телеграмму — время пройдет, и добрая старушка остынет...

С почты Ирина вернулась поздно, когда тетя Маша, расстроенная телеграммой, сочла за благо улечься спать. И вдруг рано утром Ирина будит ее и сообщает, что за ней приехал знакомый.

— Шо це за знакомый?

— Это не имеет значения. Мы едем в горы...

КАТАСТРОФА

Растерявшаяся тетя Маша не успела толком уразуметь, что означает этот первомайский сюрприз — а куда же ей девать пироги, борщ украинский, жареное мясо с тушеной фасолью,— как зеленая «Волга» скрылась за поворотом. Мария Павловна тут же приняла решение — «ударом на удар». Ирина вернется домой, а тетки след простыл: она поедет в центр (так здесь все называют областной центр), к родичам мужа. Погостит день-другой да и насчет телеграммы посоветуется. Шалопут он, может, и шалопут, но эта телеграмма... «Ховай игрушки... Явки провалились»... В ее сознании возникли самые неожиданные ассоциации.

Поначалу автопутешествие оказалось очень милым. И спутник, и природа, и приглашения «перекусить» в неприхотливых горных кафе. Сколько раз Ирина гостила у тети Маши, а только сегодня впервые попала в мир живописных полонин. Глебов весело исполнял роль гида: «Посмотрите направо, посмотрите налево... Этот архитектурный памятник...»

В одном из кафе Глебов рискнул в нарушение запретов ГАИ выпить немного сухого вина. За обедом решили добраться до Ужгорода: осталась самая малость, и грешно было бы не завершить вояж в древнем городе.

И вот уже мчится зеленая глебовская «Волга» по крутым дорогам. Мелькают зеленые полонины, задумчиво-прекрасные перелески, пологие холмы, суровые кручи Карпат. А рядом интересный собеседник.

— В праздничные дни,— неторопливо говорит он,— люди должны забывать о работе, о всяких служебных нервотрепках, пить, есть, развлекаться и к чертям собачьим выкинуть из головы всякие собрания, политзанятия, хозрасчет, рентабельность... Вам не приходилось бывать где-нибудь на Западе? Нет? Жаль... Я знаю, что там люди живут совсем по-другому. На первом плане дом, быт, семья, отдых, развлечения, путешествия, спорт. А работа где-то там, на заднем плане. Мне запомнились мудрые слова одного московского знакомого, иностранца, с которым я потом случайно встретился за рубежом: «У нас, на Западе, человек живет, чтобы наслаждаться жизнью, а не работой...»

— А вас далеко уносили ветры странствий?

— Увы, нет... Не дальше Праги. Это, конечно, не Лондон, не Париж. И все же было очень интересно. Не только потому, что я впервые оказался за границей... Это было недавно, в начале шестьдесят восьмого... Я мог наблюдать жизнь страны лишь как турист и тем не менее чувствовал... Зреют события... Заря просвещенного социализма...

Ирина спросила:

— А ваш московский знакомый, который хочет жить, чтобы только наслаждаться жизнью, он из числа этих... борцов за просвещенный социализм?

— Нет, он подданный другой страны. Англичанин...

И Глебов рассказал, как в пражском универмаге он встретил господина Дюка, который когда-то учился в аспирантуре в МГУ в порядке обмена иностранными студентами и с которым Вася познакомился на квартире Владика. Оказалось, что они живут в одной гостинице, и господин Дюк любезно пригласил его заглянуть к нему в номер на чашку кофе с коньяком. Поздно вечером он вернулся в гостиницу и спросил у портье: «Господин Дюк из двести двадцатого номера?» Портье ответил, что да, но в этом номере живет не господин Дюк, а господин Вестон. Он, Глебов, очень тогда удивился, достал записную книжку и, убедившись, что Дюк назвал ему номер «220», решил позвонить по телефону.

— Хелло! О, Василь, я очень рад. Жду вас... Да, да, это я. О, то есть маленькое недоразумение... Я не есть богатый человек, но фамилий у меня две сразу: Вестон-Дюк...

— Мы мило провели вечер,— рассказывал Глебов,— пили, впрочем, весьма умеренно, говорили о демократии, и о свободе мнений, и о политической погоде в Европе. Далеко не все, что утверждал Дюк, я приемлю. Но согласитесь, Ирина, со стороны бывает виднее. Мне сейчас вспомнилась огорчительная история с шофером, который ухаживает за моей «Волгой». На общем собрании автоколонны он резко критиковал начальство. Его поддержали еще двое. И что же... Всех троих уволили... Вот вам и свобода мнений.

— И не восстановили?

— Восстановили, но сколько хлопот было! До райкома дошли...

— Значит, правда восторжествовала? Виновников наказали?

— Меня не это интересует... Важен принцип... Да, совсем было забыл сказать... Я выполнил вашу просьбу. Звонил Сергею, крепко отругал его за дурацкую телеграмму и сообщил, что мы с вами отправляемся на «Волге» в Карпаты.

— А он что?..

— Небрежно обронил: «Старик, ты там не очень-то...» Это, конечно, в шутку. Сергей, кажется, не принадлежит к числу ревнивых. И верит в силу большого чувства...

— А вы?

Глебов многозначительно посмотрел на Ирину и тихо сказал:

— Я многому не верю. И большое чувство отнюдь не исключение. К сожалению, жизнь наша довольно часто дает нам поводы, чтобы не верить... Иллюзии...

— Тут я в какой-то мере могу и поддержать вас. Я не люблю скептиков, но сама не чужда духа критицизма. Говорят, что это болезнь молодых. Возможно... Ну, вот мы опять повели разговор на той же волне. Довольно!

— Ну что же, довольно... Давайте помолчим... А если хотите, почитаем.— И, не ожидая отве-

та, он достал из портфеля книгу Кафки.— Вы принимаете этого автора?

— О нем много спорят...

— Вы, вероятно, в числе тех, кто объявил его мрачным человеконенавистником. А по-моему, это пламенный гуманист... Ведь тут тоже есть точка и кочка зрения... С некоторых пор я стал собирать Кафку.

— Модно?

— Нет... Интересно... Мне открыл глаза на этого писателя человек, с которым случай свел... Нас познакомил Дюк... Вестон-Дюк...

— Кто же он, этот открыватель ваших глаз?..

— А вы не иронизируйте. Очень умный и образованный человек... Побольше таких, и общество прогрессировало бы куда быстрее.

— Я заинтригована. Кто он?

— Когда-то этот человек усиленно занимался германистикой и в связи с этим творчеством Франца Кафки. В шестьдесят третьем был одним из инициаторов созыва симпозиума, посвященного творчеству талантливого писателя... Возможно, что в наши дни вам встречалось его имя и в советской прессе. Профессор Гольдштюкер... Видный политический и литературный деятель сегодняшней Чехословакии. Борец за новую модель социализма. Вы что-нибудь слышали о «Литерарных листах»? Он ее редактор.

— Вася, можно подумать, что вы не инженер, а литературовед...— Рубина удивленно посмотрела на Глебова.— Мне казалось, что вы принадлежите к числу людей, безудержно влюбленных в свою профессию, одержимых работой...

— Увы, Ириночка, мой брак с госпожой техникой — брак не по любви. Я мечал о филологии, философии. А отец настоял на своем. Но до сих пор я мечтаю о другой жизни. Что же касается Кафки, то я отнюдь не кафковед. Просто случайно познакомился с настоящим знатоком Кафки. Вот и пытаюсь убить вас своей эрудицией... Между прочим, на упомянутом мною симпозиуме был принят любопытный тезис, над которым нельзя не призадуматься: отчуждение личности — явление одинаково характерное и для капитализма и для социализма.

— Позвольте, позвольте, дорогой Вася. Над чем вы хотите задумываться? Это же явно с чужого голоса... Я не очень сильна в социальных науках, в философии, но азы мне известны. Отчуждение личности вытекает из сущности капиталистической эксплуатации. Так, кажется? И вообще... Вы, видимо, решили вконец доконать меня? Я поехала подышать горным воздухом, а вместо этого мой милый спутник решил задавить меня своей эрудицией. Пощадите!.. Давайте любоваться природой и вспоминать стихи. Согласны?

— Согласен. Более того. Предлагаю сделать привал. Есть термос, кое-какие закуски, имеются магнитофон и записи очаровательных французских песен...

И Вася плавно притормозил машину.

Глебов действительно оказался предусмотрительным хозяином. На землю лег пенопластовый коврик, а из багажника был извлечен чемодан. Все было очень мило и вкусно. Но вдруг, прервав бесшабашную песенку, из магнитофона послышалась русская речь. Человек с нерезким иностранным акцентом призывал к поискам «иного пути» в «храм социализма», к «защите человеческих прав хотя бы в масштабах буржуазно-демократической страны». Призывал и угрожал, призывал и поливал грязью страну, построившую социализм.

Когда лента кончилась, Глебов подсел к Ирине.

— Ну как, интересно? Вы просили развлечь вас, вот я постарался это сделать. Хотите еще одну запись?.. Я мог бы дать вам две-три такие катушки.— Он протянул руку к чемодану...

— Не беспокойтесь, Глебов. Не требуется.— И с раздражением отрезала:— А вам не кажется, что вы смешны?

— Ой, как грубо! Но я не обижаюсь. Все равно, если надумаете...

— А вы не боитесь?..

— Как вам сказать?.. Во-первых, надо же, чтобы кто-то и не боялся. А, во-вторых...

Глебов в упор посмотрел на нее и тихо сказал:

— Я вам верю, Ирина. У вас критический ум. Так мне показалось...

— А я не хочу, чтобы вы мне верили, не хочу, чтобы вы дарили мне эти записи. И не зачисляйте, пожалуйста, меня в свою компанию «критически мыслящих личностей».— Ирина уже была не в силах сдерживаться, лицо ее раскраснелось, глаза заблестели, и взгляд стал жестким.

— Зачем же столь строго... Не надо так свирепо... Согласитесь, что критически мыслящие личности — это не худшая часть интеллигенции.

— Я прошу вас немедленно отвезти меня домой... В Ужгород я не поеду.

— Ириночка...— Он придвинулся ближе, взял за руку...

— Отойдите, убирайтесь к черту!— задыхаясь, прокричала она и вскочила.— О какой правде вы говорите? О той, что вы преподнесли мне в музыкальном сопровождении? Если вы сейчас же не отвезете меня...

— Ну что ж, как угодно...

...Сгустились сумерки, поднялся туман, и хлынул дождь. Мутные конусы света фар едва пробивались к асфальту. Глебов, как всегда, уверенно вел машину, но на повороте из белой пелены внезапно вынырнула громада бензовоза. Рывок влево, и «Волга», врезавшись в столб, почти повисла над обрывом...

Продолжение следует.

ДОРОГИ В ПОДНЕБЕСЬЕ

Леонид ПЛЕШАКОВ

Не все задуманное этим человеком удалось воплотить в бетон. Многие проекты настолько опережали время, что даже в наш век, привыкший к самым фантастическим достижениям, казались чересчур дерзкими.

Его не стало в марте этого года. Но как память о себе он оставил нам, живущим, свои дела. И среди них — самое высокое сооружение на Земле.

Мне посчастливилось встречаться с лауреатом Ленинской и Государственных премий Николаем Васильевичем Никитиным, говорить с ним о жизни, работе, творчестве. Нашу беседу я записал. Но так уж случилось, что она не была опубликована при его жизни. Я решил не менять в ней ни единого слова, потому что он остался для меня современником, чьи дела пережили его самого.

— Николай Васильевич, работа над какими проектами дала вам наибольшее удовлетворение: над теми, что вы делаете для души, для мечты, или над теми, по которым обязательно что-то построят?

Этот вопрос казался мне естественным, особенно после того, как Никитин сам сказал мне о стопках папок в книжном шкафу его кабинета: «Так, на досуге прикидывал кое-что». Я знал, что среди этого «кое-что» могут оказаться наброски проекта здания в триста этажей или башни высотой в четыре километра, которую решили было строить японцы. Это и многое другое, способное поразить воображение смелостью мысли, никак не входило в круг прямых служебных обязанностей Николая Васильевича и могло появиться на свет только в результате работы «для души» или, как он сам выразился, «вечерней работы».

Однажды вот за такую «вечернюю работу» Никитину присудили премию. Собственно, проект Останкинской телебашни не имел прямого отношения ни к «Промстройпроекту», ни к управлению по проектированию Дворца культуры и науки в Варшаве, двум организациям, в которых одновременно работал он, когда шло одно из первых обсуждений вопроса о строительстве в Москве сверхвысокой опоры для телевизионных антенн. Он случайно попал на это совещание и там случайно, как он выразился, «сболтнул», что такую опору можно построить железобетонной. Никитину предложили в трехдневный срок представить проект. Он представил. А дальше события развивались таким образом, что после многих споров и обсуждений башню все-таки построили по его проекту, и теперь ее изящную иглу видно из любого района Москвы.

«Трехдневный срок» этот присутствует во всех очерках и репортажах о телебашне, как самая выигрышная и яркая деталь. Но наивно было бы предполагать, что такое грандиозное сооружение можно придумать вот так, сразу, по наитию свыше. Скорее всего, думал я, идея ее была выношена давно. За нею стояли долгий труд и поиски.

И услышь я тому подтверждение от Николая Васильевича, продолжил бы свои вопросы вот в каком направлении: если могло случиться, что Останкинская башня была готова в мыслях «постороннего» вроде бы человека настолько, то совсем не исключено, что есть еще немало мечтателей и фантазеров с другими невероятными идеями. Нужен толчок, чтобы воплотить их проекты в бетон и металл. А если такое не исключено, то не очень ли мы беспечны, отдавая на откуп случаю материализацию этих идей?

Вот о чем я думал, когда спросил, какая работа Никитину больше нравится: над проектами-мечтами или теми, которые обязательно реализуются.

— Ничего я не делаю для мечты,— сразу же поставил все точки над «i» Николай Васильевич.— Все мои проекты реалистичны. Их можно воплотить в железобетон хоть сейчас.

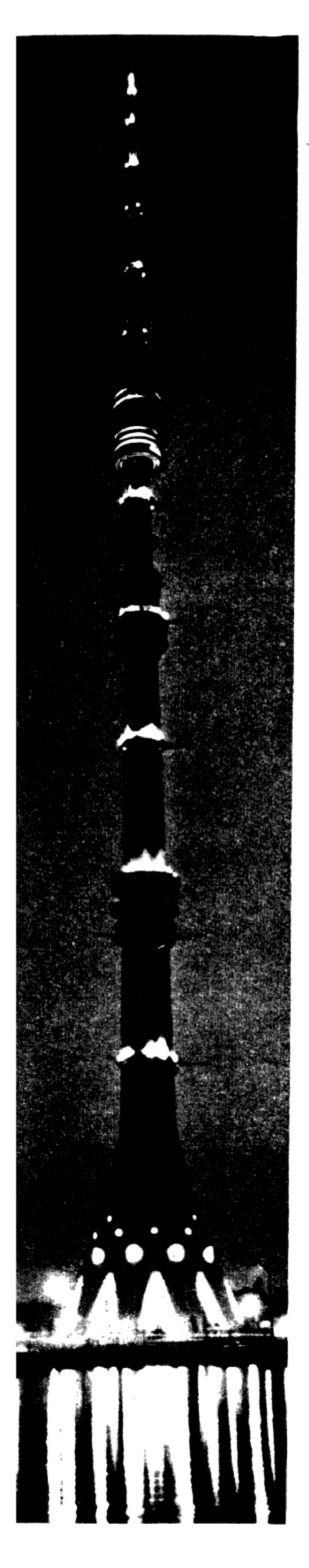
— Даже тот дом в триста этажей и телебашню выше Фудзиямы, о которых писали газеты?— с недоверием спросил я.

— Даже их. Это можно доказать расчетами. Когда известная японская фирма предложила нашему институту принять участие в проектировании четырехкилометровой опоры для телеантенн, мне эта идея не показалась фантастичной. Строительство такого сооружения связано с неимоверными трудностями, колоссальными затратами, но осуществимо. Японцы, собственно говоря, отказались от своих планов именно из-за больших расходов: реклама их не оправдала бы.

А что касается жилого дома в триста этажей, то к обнародованию его идеи прямое отношение имеете вы, журналисты. Пришел вот так же репортер и давай из меня просто вымогать: что, мол, новенького придумали, какие мысли одолевают. Я крепился, крепился и все-таки рассказал об этом здании. А он опубликовал. Уж очень фантастичным показался ему проект. Но, если прикинуть, особой сенсационности в этой идее нет. Технически строительство такого дома возможно. Необходимость тоже нетрудно обосновать. Города наши быстро растут вширь, занимают огромную территорию. Большинство же горожан стремится жить в центре. Их можно понять: тут работа, магазины, театры. Имея поблизости квартиру, не нужно тратить время на дорогу. Но в центре не осталось свободной площади для новых застроек. Один. выход — поднимать этажи.

— Это здание было бы железобетонным?

— Нет. Конструкция из металла и стекла с применением пластиков и других современных строительных материалов. Это был бы не просто дом, а дом-город на сто тысяч человек, стальная коробка высотою в километр и длиною основания двести пятьдесят метров. В нижней части дома расположились бы гаражи для автотранспорта и другие службы. Выше — учреждения, магазины, кафе, рестораны, спортивные залы, жилые блоки. Все здание собирается из элементов, которые можно повторять в различных сочетаниях, образуя через нужные ин-

тервалы холлы, кинотеатры, оранжереи, детсады, ясли, лаборатории. Взаимозаменяемость элементов позволит время от времени перестраивать это здание, трансформировать его, сообразуясь с новыми требованиями, поэтому оно никогда морально не устареет. Кстати, многие старые московские здания построены так, что их легко переделывать под гостиницы, конторы, общежития.

— Выходит, в вашем заоблачном здании, несмотря на всю его фантастичность, есть не только чисто практический смысл и земные обоснования, но и старые традиции?

— Разумеется. Вообще-то никогда не стоит фетишизировать новое только потому, что оно новое. Сплошь и рядом старое, традиционное содержит много разумного. Нельзя пренебрегать уже накопленным человеческим опытом.

Мы прикинули с ним, в проектировании и строительстве каких сооружений ему приходилось принимать участие. Список получился прелюбопытный. Проект двухсотметровой башни ветроэлектростанции на Ай-Петри. Два проекта Дворца Советов, строительство МГУ на Ленинских горах и высотных домов в Москве. Монумент Матери Родины в Волгограде, наконец, Останкинская телебашня...

Исходя из этой «высотной» ориентации Николая Васильевича, можно было предположить, что досуг его обязательно заполнен проектами, которые уходят за облака. Но оказалось, что «вечерняя работа», удостоенная Государственной премии, посвящалась внедрению подвижной опалубки для перекрытий цехов при строительстве текстильных фабрик.

Принимать участие в проектах, которые для своего времени были передним краем строительства, поражали и дерзновенностью мысли и своеобразием формы, и вдруг в качестве «хобби» какая-то подвижная опалубка!.. Это как-то не вязалось.

И я сказал:

— Но все-таки вас всю жизнь тянуло на высоту...

— По-моему, это чистая случайность. Не думаю, что нужна какая-то особая одаренность, чтобы строить башни. Просто нужно хорошо знать свое дело, а там пойдет. Меня приглашали к участию в работах над высотными сооружениями, потому что я считался специалистом по расчетам ветровой нагрузки. И если уж откровенно говорить, что в работе меня по-настоящему интересовало и увлекало всю жизнь,—так это железобетон. Я люблю этот материал. Мне кажется, что знаю его и чувствую. Хотя в нем немало и для меня неясного, запутанного.

— И тем не менее только простой случайностью ваш «высотный профиль» не объяснить...

— Наверное, была в этом своя логика. Меня всю жизнь увлекали решения сложных задач. Это вообще-то понятно: чем труднее задача, тем шире простор для поиска, тем существеннее скачок вперед, когда новое решение найдено, и тем большее удовлетворение испытываешь ты, автор, оттого, что твои усилия не пропали даром и твоя идея, новое конструктивное предложение признаны другими специалистами, пошли в дело. Строительство высотных сооружений — это сплошные трудности, так что мне тут было интересно.

Но, с другой стороны, разве легко придумать и рассчитать какую-нибудь железобетонную балку или перекрытие, которые окажутся настолько удачными, что после найдут применение в тысячах, десятках тысяч домов, заводов, фабрик? Это тоже очень трудно. Это тоже требует работы на пределе твоих возможностей. Человек, мне кажется, должен быть устроен, как Фрэнсис Чичестер, который сам поставил перед собою трудную задачу и осуществил ее. Ведь никто не заставлял его в одиночку пускаться вокруг света, и все-таки он поплыл...

— Для того, чтобы проверить себя, посмотреть, чего ты стоишь?— поддержал я.

— Совсем нет,— сказал Никитин.— Не поставив перед собой большой задачи, человеку трудно осмыслить свое существование. Осмыслить — не только понять, но и наполнить смыслом. Хорошо, если основная работа полностью соответствует твоим способностям, характеру, творческим поискам. А если нет? Когда же ты имеешь что-то «свое», над чем можно поломать голову на досуге, все становится на свои места.

Как работал он сам? Вставал в шесть утра, чтобы до службы успеть поработать над идеями, которые его постоянно одолевают. Вечерами он отдавал свой досуг им же. Даже во время отпусков, где-нибудь на берегу моря, он не мог бесцельно лежать на пляже — обязательно что-то строил из камней, песка. Эта жадность к работе понятна.

Непонятно было другое. Как из множества идей выкристаллизовывается та единственная, самая законченная и совершенная, которая сама просится в бетон? Каков он, процесс поиска нового?

— Конструктор ищет новое решение, но как заранее понять, что оно будет означать движение вперед, а не регресс или топтание на месте? Рассказывают, что когда А. Эйнштейна спросили, как делаются изобретения, он в шутку ответил: «Очень просто. Все знают, что это невозможно. Случайно находится один невежда, который не знает. Он-то и делает изобретение». Конечно, великий физик шутил, но, видимо, все-таки верно, что иногда в открытии имеет значение и случайность.

Как вы считаете: в наше время пора случайных открытий прошла или же и теперь, когда окружающий мир так изучен и исследован, все-таки еще можно удивить человечество простым, вроде бы лежащим на поверхности решением?

— Я думаю, способности человека к новым решениям, как и его жажда познания, неисчерпаемы. Эти два его качества всегда рядом.

Вскоре после окончания Томского политехнического института мне посчастливилось познакомиться с удивительным человеком и замечательным изобретателем Юрием Васильевичем Кондратюком. Ум, характер этого человека были так устроены, что он любил искать новые пути для решения, казалось бы, уже решенных задач. Помню, когда мы увлеклись проектированием гигантской ветряной электростанции на Ай-Петри, Кондратюк предложил оригинальную схему устройства ротора и статора: та часть, что в обычных станциях стоит на месте, у него вращалась, а та, что всегда вращалась, должна была крепиться намертво. Я не знаю всех тонкостей этого дела, но помню, Юрий Васильевич доказал, что при его проекте электростанция будет иметь дополнительные преимущества.

Да что там ветряк! Еще в 1916 году Кондратюк самостоятельно пришел к идее космического полета. Он разработал и теоретически обосновал вариант пилотируемой экспедиции на Луну с предварительным выходом на окололунную орбиту. И когда пятьдесят с лишним лет спустя американцы отправили к нашему естественному спутнику корабль «Аполлон-9», они признавали, что эту трассу давно уже разработал русский физик Юрий Кондратюк.

Так вот Кондратюк очень любил и умел взглянуть на давно известные вещи «наоборот».

— Какой из ваших проектов вам самому больше всего нравится?

— Все-таки она, Останкинская телебашня. Когда ее начали строить, я долго привыкал к мысли: я виновник того, что сотни людей тут толкутся, заняты этим делом. Не скрою, это — приятное ощущение. Да и теперь иной раз едешь в машине по городу и вдруг увидишь ее иглу — радостно.

— Это понятно. Всегда приятно видеть, что твоя идея вдруг превратилась в конкретное дело...

— Вы думаете, что всегда осуществленные проекты приносят их авторам только радость, а неосуществленные — неприятности? Ничего похожего. Бывает, что и реализованный вымотает тебя всего. Когда предлагаешь что-то новое, нельзя застраховаться от просчетов. Даже не потому, что ошибся, чего-то не учел, забыл. Просто еще не знаешь, как поведет себя в новых условиях какая-то конструкция или материал. И никто не знает. Нет опыта.

— Но в каждом неосуществленном проекте заложена психологическая мина: неудача порождает в авторе неверие в свои силы, к тому же, придумав что-то, он начинает «проталкивать» идею в жизнь, что забирает много сил и энергии, не оставляя их на новые поиски...

— Ну что ж, случается. Особенно, когда человек хочет всю жизнь ехать на одной и той же лошади. Не знаю, как у кого, но большинство моих проектов — из тех, что не «пошли», отвергнуты мной самим: я нашел более рациональное решение; прежнее оказалось хуже...

— И не жалко, что зря потратили на него свой труд?

— Отчего же? Поиск нового — всегда процесс. И если сегодня я нашел решение, которое лучше вчерашнего, это означает, что я сделал шаг вперед. Этому можно только радоваться.

Если, не вникая в детали, познакомиться с послужным списком Никитина (где работал, что проектировал, строил), то невольно напрашивается: везло человеку. Ну вот хотя бы это. Когда Никитин защищал кандидатскую диссертацию, ВАК разрешил в случае успешной защиты на том же заседании «переголосовать» ее на докторскую. Для Никитина все прошло благополучно. Всего полчаса он пробыл кандидатом наук и «переквалифицировался» в доктора. О его проектах я уже говорил.

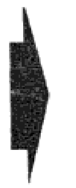
Но ясно, что одним везением все его успехи не объяснишь. Нужно было еще и другое качество.

Родился он в Тобольске за десять лет до революции. Детство прошло в Ишиме, потом жили с семьей в Новосибирске. Тут он окончил школу, был принят по конкурсу в Томский политехнический институт. Вроде шло все просто и гладко. Когда я спросил:«Кому вы больше всех обязаны в жизни?» — он ответил:

— Своей матери.

А потом начал рассказывать о своей семье, детстве, и я понял, что образование ему досталось не так уж легко.

— Родители мои были малограмотны. Мать — по дому. Самая их великая мечта была дать мне образование. И когда я

поступил в институт, это был день настоящего ликования, самого большого события в их жизни. Сын станет ученым!.. Как-то так получилось, что мать играла в нашей семье первую роль. Все воспитание шло от нее. Она учила меня уму-разуму, приохотила к труду. Жаль, что я не успел принести ей никаких радостей.

Труд в этой семье был в чести. Его считали главным критерием и при оценке людей. Когда я стал расспрашивать Николая Васильевича о его учителях, он, называя фамилии, обязательно прибавлял после каждой: «Очень достойный человек». Или: «Человек достойных качеств». И всегда при более подробных расспросах оказывалось, что главное «достойное качество» — любовь и честное отношение к работе, знание своего дела. Ну, а если человек больше всего ценит в других трудолюбие, то, поверьте, и сам он не из лежебок.

Но вот что больше всего поразило меня в Никитине. Я нисколько бы не удивился, если бы он сказал, что вот, мол, мы, строители, соль жизни, что, мол, все на земле и под землей построено нашими руками, что нашими-де творениями люди восхищаются и через тысячелетия. Сказал бы он все это, я и спорить бы не стал. Но вся штука в том, что он этого не сказал и ничего подобного даже намеком не пытался выразить.

Заговорили мы о сыне Николая Васильевича. Тот решил стать физиком, и я, естественно, очень осторожно, издалека, поинтересовался, не обидело ли Никитина, что наследник пошел не по его стопам.

— Он абсолютно прав, что выбрал другое дело. Сын относится свысока к моей профессии, потому что у нас многое довольно нечетко. А у них, физиков, точность прежде всего. И, кроме практического применения, твои изыскания могут принести и чисто теоретические откровения. Ему импонирует, что на листке бумаги были сделаны открытия, которые стали эпохальными. Эйнштейн, Ландау, Винер — его кумиры. У физиков можно доказывать свою правоту с помощью мысли, не отталкивая соседа локтями. У нас, строителей, критерии в оценке сооружений очень скользкие.

В строительстве, всегда две стороны, бывают, не понимающие друг друга,— архитектор и инженер-конструктор. Архитектура — это искусство, а не наука. Ни один архитектор не может ясно объяснить, почему это хорошо, а это плохо. Его объяснения субъективны, для конструктора непонятны и неубедительны, так как последнего интересует только техническое обоснование того или иного решения. Они говорят на разных языках.

Я, конечно, посочувствовал инженерам и высказал кое-что критическое в адреса архитекторов, их расплывчатых критериев. И, видно, перегнул палку. Потому что Николай Васильевич счел нужным внести уточнения:

— Особенно-то обижать их тоже нельзя. Доля архитекторов еще потруднее нашей. Конструктор хоть что-то может доказать расчетами, формулами, цифрами, а у тех объективных доказательств нет. Красиво — некрасиво. Вот и весь сказ.

А позже, когда я поинтересовался, как он относится к противникам его идей, он сказал, как мне показалось, вовсе неожиданное:

— Я никогда не цеплялся жестко за свои предложения. За это меня иной раз называют даже «оппортунистом». Ну, а как иначе? Ведь и у оппонента есть свои резоны — нужно выслушать. И потом я считаю, что стремление человека к осторожности, желание по возможности избегать рискованных решений — необходимые и полезные качества. Естественное его тяготение к традиционным, проверенным решениям вовсе не означает, что он консерватор. Сейчас я пишу книгу, которая будет называться «Некоторые соображения по поводу строительства железобетонных сооружений». Я любого могу убедить, что приводимые в ней расчеты правильны. Но все-таки я не хочу, чтобы они воспринимались как бесспорные аксиомы. Пусть это будут только соображения частного лица, которое 45 лет занимается железобетоном.

— А если резоны оппонентов все-таки вас не переубедили?

— Ну, уж тогда я стою на своем до конца...

Вот и вся наша беседа. Можно сказать, что я ошибся, заранее увидев в Никитине романтика и фантаста. Хотя тогда не совсем понятно, как этот человек проектирует сооружения, которые устремлены в будущее.

Можно сказать, что я вовсе и не ошибся, а это сам Никитин скромничал, представляя и себя и свои проекты этакими заземленными, будничными.

Истина лежит, по-моему, где-то посередине. Все поражающие воображение конструкции Никитина — это сегодняшний реальный мир.

И еще — в этом-то и соль — он намного опередил нас.

...На работу я езжу из-за города и вижу Останкинскую телебашню еще за двадцать верст до Москвы. Из окна электрички я видел, как начиналось ее строительство. Видел, как она превращалась в изящную иглу. Я помню, как изо дня в день мы, пассажиры, спорили, устоит она или нет, в срок ее сдадут или опоздают и далеко ли будут передаваться ее программы... Теперь уже никто ни о чем не спорит. Только когда ее вдруг не видно, кто-нибудь скажет:

— Во, погодка, даже башня пропала...

Когда в погожий день я возвращаюсь из командировки самолетом, то каждый раз наблюдаю одну и ту же картину: при подлете к Москве пассажиры прилипают к иллюминаторам, ищут столичные ориентиры: Университет, Юго-Запад, Кремль, Останкинская телебашня...

Но почему она все-таки — Останкинская? Всего лишь от названия района, где ее выстроили. От имени бывшей подмосковной усадьбы графа Н. П. Шереметева. Ну, а если бы поставили в другом месте? Понимаете, уникальное сооружение, а мало кто знает его автора. Когда строили, в газетах нет-нет да и мелькало имя Никитина. А сейчас спросите многих москвичей, вряд ли десять вспомнят его фамилию...

Мы чтим память и труд крепостных зодчих, графа Шереметева, соорудивших здесь почти два столетия назад деревянный дворец в стиле русского классицизма. Мы охраняем этот замечательный памятник русской архитектуры, объявив весь прилегающий район заповедником. И это прекрасно. Но справедливо ли, что мы как-то уж очень невнимательно отнеслись к своему современнику, который совсем еще недавно ходил по тем же, что и мы, улицам, жил, работал вместе с нами. И спроектировал такое сооружение, какое не удавалось еще никому.

Я понимаю, что дорабатывал проект Николай Васильевич не в одиночку. А уж строил тем более огромный коллектив. Но ведь и французский инженер Эйфель был не один. И наши «ТУ» «ИЛы», «АНы» — это тоже коллективный труд тысяч людей, но никто не сомневается в справедливости того, что свои имена самолеты получили от фамилий генеральных конструкторов. Вклад Никитина вполне достаточен, чтоб его детище носило имя автора.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

«О КОСТЮМЕ С ПРИСТРАСТИЕМ»

«Прочитал в журнале «Огонек» (№ 26 1973 год) статью «О костюме — с пристрастием». Вопрос поставлен правильно. Отлично сшитый костюм должен хорошо сидеть. Вид костюма, платья во многом и прежде всего зависит от пуговиц, затем от карманов и т. п. А на хорошие, разные и притом красивые пуговицы у нас большой дефицит!» — пишет нам К. Скалон из Львовский области.

Пришли ответы и из официальных организаций. Министерство торговли РСФСР рассмотрело экономический репортаж «О костюме — с пристрастием», пишет заместитель министра С. Саруханов и сообщает, что автор правильно поднимает проблему взаимоотношений торговли со швейной промышленностью; проблемы качества, влияния ГОСТов на внешний вид, на элегантность изделий; авторского надзора конструкторов одежды за изделиями массового пошива.

«В условиях насыщения рынка швейными изделиями вопросы повышения их качества, расширения ассортимента, внешнего вида приобретают первостепенное значение,— продолжает заместитель министра.— Но, к сожалению, предприятия швейной промышленности еще не в полной мере учитывают возросшие требования потребителей и выпускают много пальто, костюмов, курток, плохо сшитых, из материала низкого качества, в упрощенных моделях. Естественно, что они не пользуются спросом населения.

Товарный вид костюмов, поступающих в розничную торговую сеть, не удовлетворяет запросов покупателей. В магазинах и на оптовых базах образовались залежи таких костюмов. Только за первое полугодие 1973 года на оптовых базах Минторга РСФСР запасы мужских шерстяных костюмов возросли на сумму в 25 миллионов рублей.

В этой связи Министерством торговли РСФСР совместно с Министерством легкой промышленности РСФСР в апреле был организован просмотр костюмов. Проанализировав итоги этого просмотра, а также предложения работников торговли, Министерство легкой промышленности разработало меры по обновлению ассортимента костюмных тканей, улучшению моделирования, конструирования, по повышению качества пошива мужских костюмов. Все швейные предприятия закреплены за определенными Домами моделей одежды. Группы специалистов этих домов — художник-модельер, конструктор и технолог — осуществляют разработку промышленной коллекции одежды для данного предприятия. Эта же группа ведет надзор за тем, чтобы костюмы, платья, пальто, поступающие в торговлю, соответствовали утвержденным образцам.

Министерством легкой промышленности РСФСР объявлен конкурс на лучшую конструкцию мужского костюма и новые костюмные камвольные ткани. Проводится эксперимент по перевозке швейных изделий с Калининской швейной фабрики в магазин «Мужские костюмы» в специализированных автофургонах, на кронштейнах-каретках. Это позволит сохранить товарный вид костюма и сократить время на погрузочно-разгрузочные работы, освободить работников магазина от необходимости заниматься отутюживанием костюмов перед подачей их в торговый зал.

Осуществление разработанных мероприятий дает возможность,— сообщает С. Саруханов,— значительно улучшить качество выпускаемых костюмов и полнее удовлетворить запросы покупателей».

Хорошее, деловое, заинтересованное письмо. Но это одна сторона — торговля, которой предстоит немало сделать для улучшения торговли швейными изделиями. Однако первое слово принадлежит швейникам, министерствам легкой промышленности. Но, как ни странно, именно эти организации отмалчиваются. Может, не читали статью «О костюме — с пристрастием»? Но редакция два месяца назад обратилась в Министерство легкой промышленности СССР с письмом, прося ознакомиться с материалами и высказать свое мнение по поставленным в нем вопросам.

Редакции известно, что письмо это Минлегпромом получено и кочует по министерству. Долго ли будет кочевать?

ВСЕ, ЧТО БЫЛО В ПЛАНШЕТЕ

Так назвал свою книгу журналист Семен Липшиц, с ноября 1941-го до победного мая 1945-го отшагавший по военным дорогам Донщины, Кубани, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, изучавший войну не по реляциям, не по беседам с тыловиками, а на передовой.

Семен Липшиц показывает, что наш солдат был прежде всего солдатом — освободителем народов от фашистской чумы. Люди это видели. Чувствовали. Фашисты немало потрудились, чтобы запугать население «ужасами», которые ждут их при встрече с Советской Армией.

«В первом же венгерском селе мы почувствовали последствия фашистской пропаганды. Двери в домах были раскрыты настежь, тянуло теплом от кухонных печей,— как видно, жители бежали отсюда совсем недавно». Но деваться им некуда — с опаской, но вернулись, первыми послав детей. Один из мужчин набрался храбрости, подошел к нашему разведчику, показал на автомат:

«— Пиф-паф делайт?— и тычет себя в грудь.

— Дурила ты! «Пиф-паф»! — смеется старшина.— На черта ты мне сдался... Тоже вояка выискался, за детей малых прячется...

К вечеру поселок ожил... Солдаты беседовали с населением...»

Люди потянулись к нашим солдатам. А они были необыкновенными. Вот один из них. На войне он был снайпером, не расставался с томиком стихов, на котором была надпись: «Из личной библиотеки ученика 10 кл. Федора Прохорова». Томик этот со стихами Есенина, одна из строк дважды подчеркнута: «Мне хочется вам нежное сказать».

От него остались партийный билет, снайперская винтовка, томик Есенина и вечная благодарность освобожденных им людей и их потомков. Только советский солдат мог быть таким на войне — мечтать о нежности. Во имя этого он и воевал.

Таких фактов можно привести много. Все они составляют коллективный портрет советского человека, говорят о величии совершенного им.

Книги о прошлом пишутся для настоящего и для будущего. Фундамент же настоящего и грядущего закладывался и тогда, когда лилась кровь на берегах Волги и Дона, Днепра и Дуная, Одера и Шпрее, чтобы прошлое не повторялось, чтобы цвела жизнь. Именно за это умирали герои.

Книга эта оптимистическая и грустная: видишь людей, каждый из которых заслуживает памятника. Книга эта жизнеутверждающая: в ней показано зарождение братского, социалистического содружества.

В. МИХАЙЛОВ

Семен Липшиц. «Все, что было в планшете», изд-во «Эльбрус», Нальчик.

Василий СМИРНОВ

КОЛЮЧИЕ МИНИАТЮРЫ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОПАСЕНИЕ

Увидя мини-юбку,
он изрек:
— Не стал бы в моде фиговый листок!

ЕЕ ЭСТЕТИКА

У нее своя была эстетика:
Нет лица —
одна косметика.

ПРЕИМУЩЕСТВО ГРАФОМАНА

Кричал:
— Пусть нет во мне таланта,
Но я кормлю литконсультанта!

СЕКРЕТ ОМОЛОЖЕНИЯ

Один старик,
стремясь к омоложению,
Засел писать стихотворения.
И цели он достиг своей при этом:
Его назвали молодым поэтом.

ПО ЗАСЛУГАМ И ЗВАНИЕ

Так пил спиртное пианист,
Что стали звать его... пьянист.

УЦЕНЕННЫЙ ПОЭТ

Взывал он в журналах
и в Литиздате:
— Товарищи,
скидку на молодость дайте!
И до тех пор ему скидку давали,
Пока уцененным его не признали.

ВОДЯНИСТАЯ ПОВЕСТЬ

Читая повесть «Винодел»,
Как будто в воду он глядел.

ЗАСЛУЖЕННЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ

Аплодисментами актер был награжден
За то,
что петь закончил он.

ОБ ОДНОЙ ЗАКУСОЧНОЙ

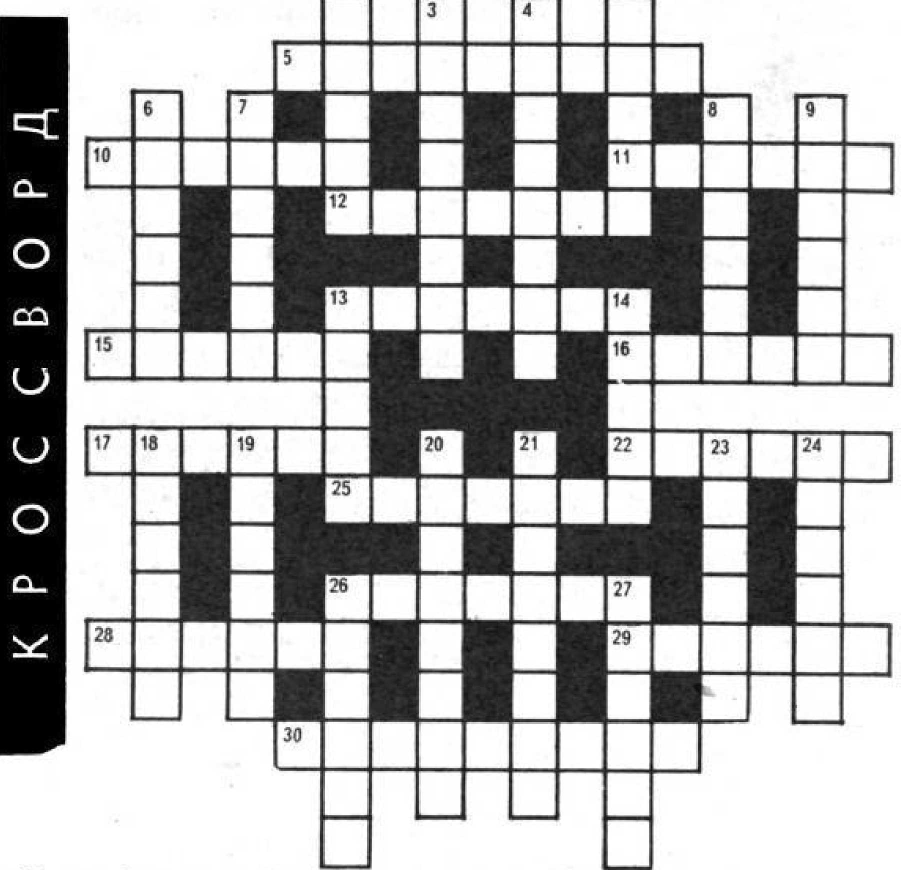

Такой малюсенькой была здесь порция
фасоли,
Что пальчики оближешь поневоле.

АВТОЛЮБОВЬ

— Как к сердцу твоему подъехать, ангел
мой?
— На «Волге» только, Миша дорогой!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Комедия Д. И. Фонвизина. 10. Оптическое стекло. 11. Народный поэт Азербайджана. 12. Штат США. 13. Стихотворение М. Светлова. 15. Загадка. 16. Морское млекопитающее, кит. 17. Месяц года. 22. Станционное здание. 25. Раздел механики. 26. Глубоководная рыба. 28. Государство в Северной Америке. 29. Немецкая писательница. 30. Единица веса.

По вертикали: 1. Живопись красками по сырой штукатурке. 2. Рассказ М. Горького. 3. Остров в Индийском океане. 4. Увертюра Л. Бетховена. 6. Малая планета. 7. Птица семейства тетеревиных. 8. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 9. Белорусская народная девичья песня с пляской. 13. Голландский живописец-портретист XVI—XVII веков. 14. Тропическое растение. 18. Минеральная вода. 19. Приток Енисея. 20. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дым». 21. Вспомогательный сплав. 23. Областной центр в РСФСР. 24. Исторический крейсер. 26. Диаметр канала ствола огнестрельного оружия. 27. Угол между направлениями на север и заданным движением.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Метеорология. 8. Печенье. 9. Стамбул. 10. Марианна. 17. Домино. 18. Оберон. 19. Деепричастие. 22. Декарт. 23. Изотоп. 24. Еланская. 29. Полтава. 30. Агроном. 31. Чернышевский.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Терек. 2. Редька. 3. Понтон. 4. Бирма. 6. Везувий. 7. Гульден. 11. Рокировка. 12. Направник. 13. Полонез. 14. Повесть. 15. Позитив. 16. Колонок. 20. Баритон. 21. Кольцов. 25. Лавина. 26. Август. 27. Отсек. 28. Рощин.

На первой странице обложки: Молодой Вильнюс. Микрорайон Жирмунай.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: На снимках вверху: Известная исполнительница национальных сирийских танцев Хадда Башур.— Советские и сирийские специалисты незадолго до перекрытия Евфрата.— Бурной овацией жители Ас-Сауры встретили перекрытие Евфрата. В центре: Там скоро начнет работать Евфратская ГЭС. Внизу: Передовики евфратского строительства, которым выпала честь засыпать проран плотины.— Перекрытие Евфрата — праздник и для детей Ас-Сауры.— Щедра природа в оазисах Сирии. (См. в номере «Укрощение Евфрата»).

Фото Н. Пастухова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/VIII-73 г. А 00115. Подп. к печ. 4/IX-73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1902. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 1038.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

РУКОПОЖАТИЕ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

Фото Г. МАКАРОВА

Этот снимок опубликован в № 37 журнала «Огонек» за 1923 год с такой подписью: «Герой, конструктор планера, К. К. Арцеулов, получивший приз журнала «Огонек» (слева), и пилот Л. А. Юнгмейстер, взявший почти все пилотские призы».

В 37-м номере журнала «Огонек» за 1923 год было напечатано следующее сообщение: «Приз журнала «Огонек» за наилучшие достижения во время планерных испытаний присужден красному военному летчику К. К. Арцеулову».

В этом номере — 37-м — журнала «Огонек» за 1973 год мы сообщаем, что наш приз за полет с наивысшей скоростью присужден Леониду Пилипчуку. И вот кишиневского планериста поздравляет с победой не кто иной, как... сам Константин Константинович Арцеулов.

Встреча двух лауреатов журнала «Огонек» произошла в Орле на чемпионате СССР, посвященном 50-летию советского планеризма. Там мы и взяли интервью у двух огоньковских призеров.

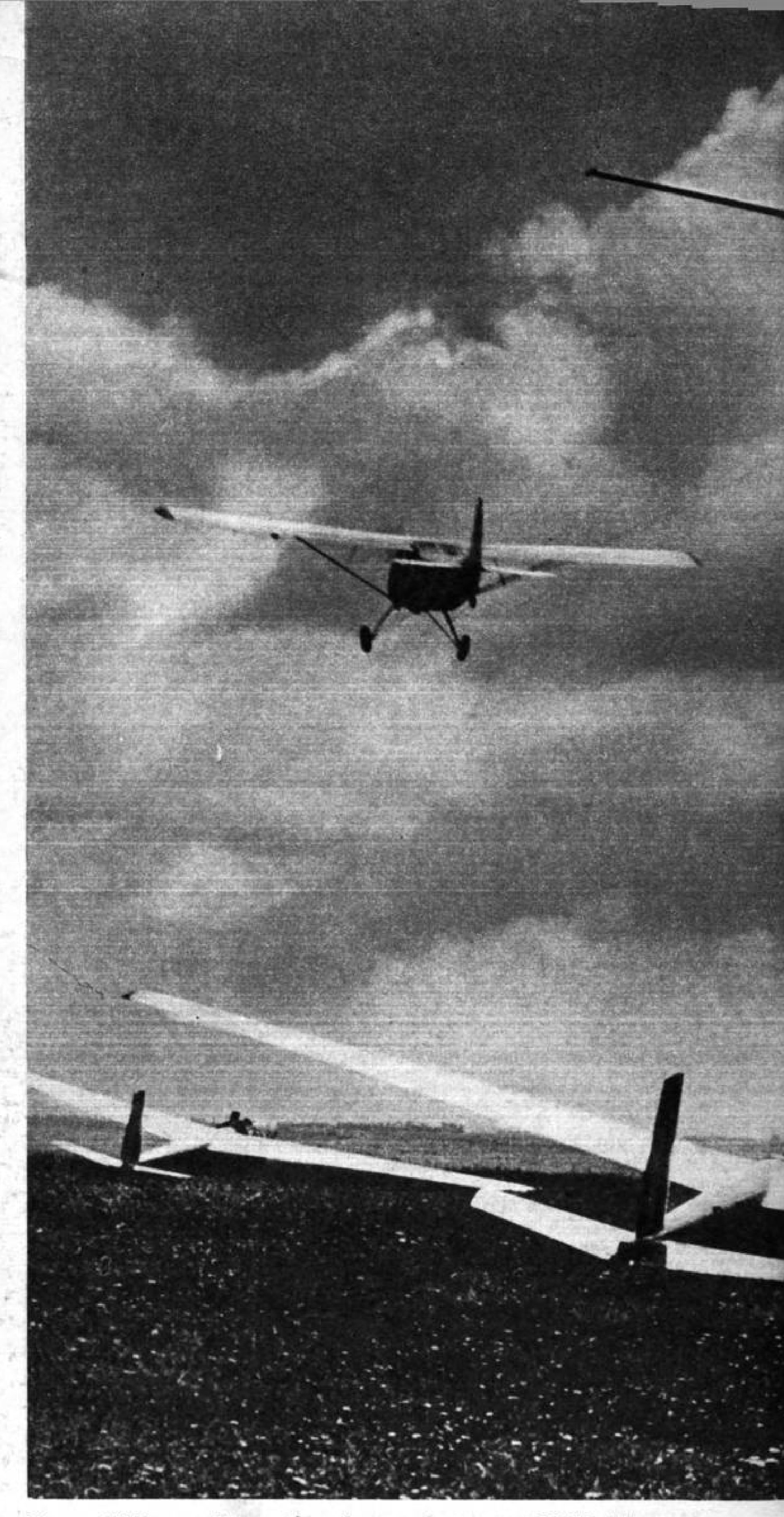
К. К. АРЦЕУЛОВ. Много воспоминаний вызывает у меня фотография, напечатанная 50 лет тому назад в журнале «Огонек». Тогда мне было 32 года. Я в ту пору испытывал первые советские истребители. Незадолго до начала соревнований, на которых разыгрывался приз «Огонька», я потерпел во время испытаний аварию, но слишком уж велико было желание испытать не только свой новый планер «А-5», но и свой характер.

Вся моя жизнь связана с авиацией. Диплом пилота-авиатора я получил еще в 1911 году. После этого я много работал по теории авиации и обосновал природу штопора, доказал, что летчик может управлять им, использовать его как одну из фигур высшего пилотажа. Мне довелось участвовать еще в первой мировой войне, а после революции я отдал свой опыт подготовке красных военных летчиков.

Уже в то время я понимал, что планерный спорт имеет огромное значение для воспитания пилотов, начал сам конструировать планеры, и, конечно, был очень горд, что получил приз «Огонька». И вот теперь, спустя полвека, я могу поздравить с призом нашего популярного журнала одного из известных советских планеристов — Леонида Пилипчука.

Л. ПИЛИПЧУК. Мой летный стаж исчисляется всего шестнадцатью годами, а в соревнованиях я впервые принял участие одиннадцать лет тому назад. Планерный спорт требует многолетних усилий, высокого искусства, и мне до сих пор еще ни разу не удавалось завоевать абсолютное первенство, хотя я и получал золотые и серебряные медали в отдельных упражнениях. В Орле, на 35-м юбилейном первенстве страны, мне удалось на треугольном 100-километровом маршруте, в борьбе с самим абсолютным чемпионом страны Юрием Кузнецовым показать наивысшую скорость — 74,635 километра в час.

Сейчас я работаю в Кишиневском аэроклубе командиром звена. С радостью отдаю свой летный опыт моим ученикам и успел кое-чего добиться. Моя воспитанница Екатерина Галенко — рекордсменка и чемпионка СССР, Владимир Киян и Юрий Сытник вошли в число лучших планеристов страны.

Орел, 1973 год. 35-е юбилейное первенство СССР. На взлете.

Обладатель первого приза «Огонька» К. К. Арцеулов поздравляет с призом журнала «Огонек» планериста Л. Пилипчука.

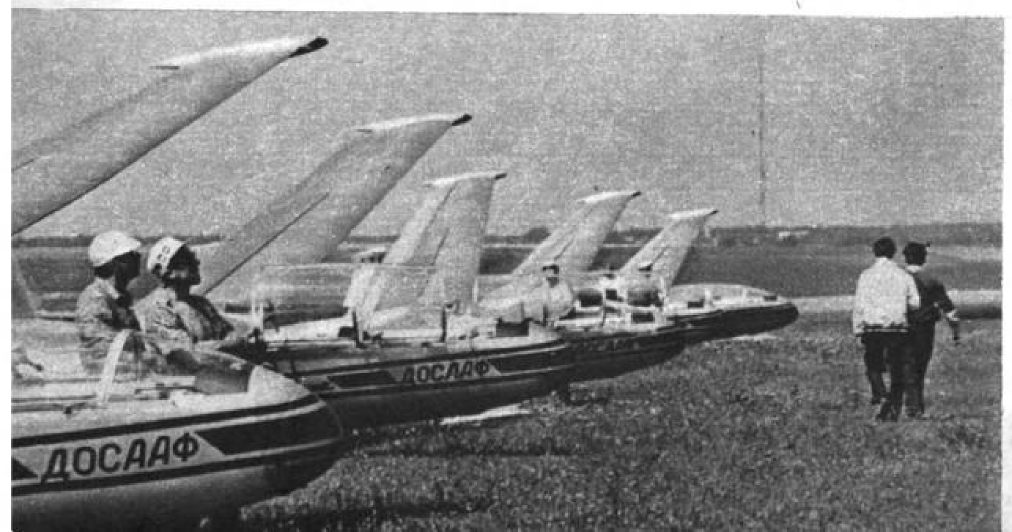

Ольга Клепикова 34 года тому назад установила мировой рекорд дальности полета — 749 километров. Этот результат не перекрыт до сих пор.

Абсолютному чемпиону СССР Юрию Кузнецову и второму призеру Александру Болдину вручает награды председатель Федерации планерного спорта СССР И. Ковалев.

В ожидании погоды.

Абсолютная чемпионка СССР Тамара Загайнова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70463